

НОВЫЙ ГРАД

12

CITÉ NOUVELLE

НОВЫЙ ГРАД

под редакцией

И. Бунакова и Г. Федотова

12

ПАРИЖ

1937

От Редакціи*)

Почти год отдѣляет выход двѣнадцатаго номера «Ново-го Града» от его предшественника. Мы еще существуем. Европа не взорвалась, не погибла в пожарѣ новой войны. Это уже огромное достиженіе. Его значительность подчеркивается тѣм — конечно, скорѣе психологическим, — фактом, что сейчас военная опасность кажется болѣе отдаленной, чѣм год тому назад. Как объяснить это новое оптимистическое настроеніе? Никакого замиренія Европы не произошло. Лига Націй потеряла послѣдніе остатки своего престижа. Почти всѣ страны лихорадочно вооружаются. Но среди этих вооружающихся стран с недавняго времени первое мѣсто заняла Англія. И это сразу измѣнило соотношеніе сил. До сих пор вооружались агрессоры — народы мечтающіе о новом раздѣлѣ міра, народы, желющіе войну как высшій принцип жизни. Против них стояла, хотя и вооруженная, но недостаточно сильная Франція. Англія умывала руки, стараясь сохранить нейтральное положеніе в континентальном конфликтѣ. Германія крѣпла и становилась все болѣе вызывающей. Когда весной 1936 года она заняла своими войсками демилитаризованную Рейнскую зону, при молчаніи или даже сочувствіи Англіи, это нанесло престижу Франціи непоправимый ущерб. Франція сразу потеряла, если не симпатіи, то вѣрность своих союзников в Центральной и Восточной Европѣ. Это паденіе французскаго престижа напрасно было бы приписывать политикѣ Народнаго Фронта. Занятіе Рейнской зоны произошло при «правом» кабинетѣ Фландена. Внѣшняя политика Франціи — как и Англіи — мало зависит от смѣны политических настроеній внутри страны. Но паденіе французскаго престижа за послѣдній год — фактъ печальный и несомнѣнный. В числѣ

*) Изложенныя в настоящей статьѣ мысли болѣе подробно развиты в статьѣ «Год борьбы», напечатанной в первой книжкѣ «Русских Записок», выходящих в Шанхаѣ.

Содержаніе:

От редакціи	3
Прот. С. Булаков. — Жребій Пушкина	19
М. Бердяев. — Христіанство и революція	48
Г. Федотов. — Христіанин в революціи	62
С. Блюзеров. — Четвертая сила	79
И. Херасков. — Аура чаемой Россіи	102

Идеи и жизнь:

Мон. Марія. — Под знаком нашего времени	115
Е. Извольская. — Французская молодежь и проблемы современности	122
Рауль Рей-Альварес. — Опыт Ван-Зеланда	131
Б. Ижболдин. — Теорія социальнаго кредита	137

первых реагировала Бельгия, разорвав союзные отношения, связывавшие ее с Францией и Англией, и заняв позицию стороннего зрителя. Одним из последствий нового соотношения сил было ослабление системы союзов, созданных Францией в Восточной Европе для поддержания *status quo*. Малая Антанта переживает кризис. Отдельные члены ее, Югославия, Румыния ищут перестраховки, тянутся к сильным, угрожающим соседям. Италия и Германия, терроризируя хаотический мир народов центральной и восточной Европы, объявляют Рим — Берлин осью европейской политики. Несчастливая Испания первая почувствовала в своем тѣлѣ острѣе новой европейской силы.

Сейчас не подлежит сомнѣнію, что возстаніе испанских генералов лѣтом прошлаго года было подготовлено Германией, которая поддержала его послѣ немедленнаго провала и до сих пор, вмѣстѣ с Италией, не перестает заливать кровью страну. Силы возстанія с самаго начала оказались ничтожными. Солдаты не только не пошли за своими командирами, но расправились с ними, гдѣ только могли. Мятеж был бы подавлен немедленно, если бы Германия не пришла на помощь самолетами, танками, а позже вмѣстѣ с Италией — и регулярными частями. Роль Италии в этой лицемѣрной интервенціи постепенно росла, и сейчас является, пожалуй, болѣе значительной, чѣм Германия. Сравнительно с ними участіе совѣтской Россіи было гораздо скромнѣе, хотя не подлежит сомнѣнію, что русская авіація в критическій момент спасла Мадрид. Какковы бы ни были политическія страсти и классовыя противорѣчія, которыя развязали испанскую трагедію, сейчас всѣ внутреннія проблемы отошли на задній план. Фашистская интервенція является слабо прикрытым колониальным завоеваніем. Италия ищет опорных пунктов своей имперіи в западном бассейнѣ Средиземнаго моря. Германия прежде всего — желѣзных рудников и, может быть, испанскаго Марокко, которое должно быть началом ея колониальной экспансіи. С этой точки зрѣнія, испанская оккупация является актом, подобным захвату Абиссиніи. Бесиліе Англии и Лиги Націй помѣшать разбойничьему

предпріятію Муссолини поощрило на большее. Слѣдующим дѣйствіем пиратов явился захват европейской и культурной страны. Европа, безсильная помѣшать насилію, стремится лишь локализовать войну. Организация невмѣшательства, как она проводится Лондоном и Парижем, фактически предоставляет Испанію Гитлеру и Муссолини. Лишь отчаянное сопротивление народной Испаніи, неожиданная героическая защита Мадрида спутала карты и испортила завоевателям удовольствіе этой колониальной экспедиціи.

За Абиссиніей, Испаніей, кто будет третьей жертвой? Общій голос — и прежде всего кампанія германской печати — называет Чехословакію. Занятіе Чехословакіи мыслится при этом как первый прыжок в Россію. Реальна ли, близка ли эта опасность? Здѣсь то и выступает на сцену новый, упомянутый выше фактор: вооруженіе Англии. Полное осуществленіе англійской программы относится к будущему. Но неожиданная рѣшимость, проявленная миролюбивѣйшей из демократій, защищать себя и все, что уцѣлѣло от «Европы», как друга солидарных в защитѣ культуры народов, произвела уже охлаждающее дѣйствіе на авантюристов. Германия сбавила тон, — видимо, потеряла интерес к испанской кампаніи, и стоит на переломѣ своей политики. Ея молчаливость и сдержанность допускают различныя интерпретаціи. Но возможен и пересмотр всей германской политики: новая ориентация на Англию, или, шире, на Запад, с обезпеченіем себѣ каких-то (еще не ясных) колониальных компенсаций.

Как печальна судьба мира в нашей Европе, если друзья его должны возлагать послѣднія надежды на вооруженія. Мы знаем, по горькому опыту, лживость принципа: *si vis pacem, para bellum*, приведшаго Европу к 1914 году. Знаем, что вооруженія сами по себѣ являются достаточной причиной войн. Если вооруженія Англии заставили нас вздохнуть свободно, то лишь потому, что они дают передышку. Как Европа воспользуется ею, зависит от нея самой.

Истекший год не принес значительных изменений в баланс фашистско-демократических сил. Восточная и Средняя Европа остаются черным кругом, сжимающим чехословацкую республику. Режим диктатуры сдѣлал успѣхи в Польшѣ, угрожает Румыніи, за то отступает в Венгріи и в Югославіи.

Фашизм в Германии, конечно, все еще крѣпок. Интеллигенція, широкія массы еще не утратили безумной вѣры в путь насилия, как выход для національных сил Германіи. Международные успѣхи Гитлера поддерживали до сих пор крѣпость режима. Но важно отмѣтить, что признаки охлаждения и недовольства уже накапливаются. Тяжелыя жертвы, которыя приносит страна, сама себя превратившая в военный лагерь и отрѣзавшая себя от хозяйственного общения с міром, не могут не вызывать недовольства. Населеніе не доѣдает, отказываясь «от масла ради пушек». Правительство не довѣряет рабочим, гдѣ социалистическія традиции оказались неистребимы: выборы в фабрично-заводскіе комитеты не состоялись. Растут случаи демонстрацій и протестов против режима, вчера еще всемогущаго. И в это самое время Гитлер имѣет безтактность — или идеологическій фанатизм — вступить в конфликт с католической церковью. Мы должны были бы сказать — с христианством, если бы раскол в протестантской церкви и конформизм значительной части ея членов не затушевывал внутренняго смысла борьбы: религія государства и расы против религіи Христа. Торжественное осужденіе папой націонал-соціализма, в одной линіи с коммунизмом, имѣет громадное моральное значеніе. Этот акт Пія XI освобождает совѣсть миллионов христиан от бремени сомнѣній, хотя и указывает для нѣмецких католиков тернистый путь исповѣдничества.

Менѣе остр и публичен конфликт между Гитлером и военными кругами, назрѣвающій в послѣднее время. Армія, конечно, не возражает против деспотизма, но у нея есть собственные взгляды на задачи національной обороны. Это расхожденіе сказалось в испанском предпріятіи и, повидимому, оно вынудило Гитлера нѣсколько свернуть

военныя операціи. Пока одержимый пророк націонал-соціализма сохраняет достаточно ума, чтобы повиноваться саблѣ (примиряясь с враждебным ему Людендорфом), его власть спасена. Но тогда она все болѣе превращается в идеологическое прикрытіе военной диктатуры. Так уже проясняется один из путей (повидимому, наиболѣе вѣроятный для Германіи) ликвидаціи расистской революціи. Увы, этот путь не совпадает ни с надеждами демократіи, ни с интересами мира. Но, подводя итоги германской «революціи», несправедливо было бы отрицать ея социальныя достижения. Мы говорим здѣсь не только о государственном планѣ народнаго хозяйства, но и о перерожденіи классовой структуры общества. Соціальный демократизм сдѣлал в Германіи большіе успѣхи. Интеллигенція приблизилась к народу. Имущественное неравенство смягчилось. Государство сдѣлало шаг навстрѣчу трудовому идеалу, и социальное обезпеченіе низших классов не является там пустым звуком, как в коммунистической Россіи.

Фашистская Італія не проявила подобнаго социальнаго напряженія. Ея хозяйственная структура почти не отличается от капиталистических стран (буде таковыя еще существуют). Корпоративное государство построено на бумагѣ. Поэтому язвы умирающаго капитализма чувствуются и в Італіи — в той же мѣрѣ, как и повсюду. Вся энергія Муссолини поглочена наважденіем имперіи. Провозгласив себя Имперіей, Італія вступила на путь завоеваній. Ея успѣхи, опьяненіе славой окружают режим извѣстным ореолом. Однако, это и подрывает его прочность. Война, даже счастливая, требует огромнаго напряженія денежных и человѣческих средств — быть может, превышающих возможности итальянскаго народа. Абиссинія далеко еще не покорена, война в Африкѣ вступила в хроническій фазис, и когда еще новая Имперія станет рентабельной? Достаточно серьезной внѣшней неудачи, чтобы режим дал трещину. Имперія Муссолини, гораздо менѣе современная, чѣм «Рейх» Гитлера, очень напоминает имперію Наполеона III. Тот же конец угрожает и ей, хотя сейчас ея вождь еще идет от успѣха к успѣху.

В лагерь демократии мы имеем основания смотреть с удовлетворением на истекший год. Год борьбы и усилий, настоящего и притом безкровного строительства. Уже никто не имеет сейчас права на позорное уравнение: демократия — капитализм. Из демократий Запада лишь Англия медлит или собирается с силами. Однако, есть признаки, говорящие о приближении Англии, со всей серьезностью, к постановке социальной проблемы. В трех странах социальные «опыты» стоят в центре мирового внимания. (О других опытах, как, например, в Швеции или в Швейцарии говорят мало). Америка по-прежнему идет впереди, и от результатов ее работы в значительной мере зависят судьбы мира. Рузвельт с непредвиденным и небывалым триумфом вышел из национального испытания выборов. Можно было опасаться, что его собственная удача, преодоление кризиса, смягчение безработицы, вызванный им дух prosperity — приведут к капиталистической реакции. «Мавр сдѣлал свое дѣло». Прикоснувшись к священным в Америке интересам капитала, затронув в принципе свободу хозяйства, Рузвельт вооружил против себя слишком могущественных врагов. И вот нация огромным большинством своим дала ему мандат на продолжение опыта. Верховный Суд, опора социальной реакции, склонился перед волей народа.

Франклин Рузвельт не доктринер. В этом, безспорно, его сила. Он проводит свой опыт, не проверяя предвзятую идею, а нащупывая новое, неизвестное. Он прав, ибо все готовые экономические идеи провалились. Но в этом эмпиризм есть и элемент слабости. Действуя с разных концов, президент вывел страну из хозяйственного кризиса. Однако вся структура старого общества осталась непоколебленной. Капитализм еще существует, биржа еще хозяйничает, и даже способна гангстерскими приемами спекулятивной игры снова поставить народ на край гибели. Рузвельт видит это и не обольщается новым подъемом. Он признает его спекулятивный характер. Что он предпримет для конструктивного преодоления капитализма, мы не знаем. Знает ли он сам? Пока, главным дости-

жением первого периода опыта остается победа над экономическим индивидуализмом. В Америке это гигантская сила. Она была еще недавно душой национальной жизни. Теперь она убита.

Новое явление американской жизни — это возросшая активность рабочего класса. Непрерывающаяся волна забастовок об этом свидетельствует. Движение нашло себе в лице Джона Льюиса, уведенного часть рабочих союзов из-под консервативного руководства старой Федерации. Вдали от событий, мы не можем еще оценить по достоинству новую силу. Она не хочет быть революционной. Льюис ведет борьбу с коммунизмом. Рост сил рабочего класса в Америке есть факт, безспорно, положительный. До сих пор капиталистический мир был много сильнее рабочего. Именно он оказывал главное противодействие социальным реформам. Стачечное движение шло в русле Рузвельтовской политики, для которой повышение рабочего standard of life и индустриальная демократия являются необходимыми звеньями. Однако, методы борьбы, выходящие из рамок легальности, вызывают сомнения. Если сила сдѣлается в Америке решающим фактором, и руководство движением выпадет из рук правительства, странам не миновать гражданской войны. С другой стороны, сепаратные выступления рабочего класса могут разбить единство интересов в лагерь демократии. Если фермеры выступят против рабочих (признаки чего уже налицо), все дѣло Рузвельта погибнет. Классовая борьба в Америке — как и в Германии, как и всюду — оказывается сильнейшим врагом конструктивного социализма.

Бельгийский опыт продолжается, хотя естественно привлекает к себе меньше внимания. Обще-народная коалиция трех партий — католиков, социалистов и либералов, составленная для проведения социальной реформы, — не распалась. Ван-Зеланд вышел победителем из испытаний. Что касается реформы, то закончена до сих пор лишь финансовая ее часть. Государство стало руководителем всей системы кредита. Остаются задачи гораздо большей важности: организация хозяйственной жизни. В какой мере

рѣ план Де-Мана, вдохновлявшій первые шаги реформаторов, воплотится в жизнь, неизвѣстно. Реформа в Бельгii проводится с большой постепенностью, — можно сказать, медлительностью. Не нам судить работников, в добрую волю которых мы вѣрим. Но эта медлительность, несомнѣнно, привела Бельгiiю на край очень опаснаго кризиса, из котораго она до сих пор выходит благополучно. С одной стороны, стачки углекопов указывают на недовольство масс. С другой, быстро растущее фашистское движеніе рексистов эксплуатирует, как это недовольство, так и страх буржуазii перед коммунизмом. В Бельгii мы присутствуем при единоборствѣ двух сил, притязающих на руководство общественной реформой: фашизма и демократii. Дегрель обладает всѣми качествами, которыя дѣлают вождя популярным для масс: энергiей, вѣрой в себя, безстрашіем в обличенii социальных язв. К сожалѣнiiю, Ван-Зеланд, человек науки, а не трибуны, не обладает темпераментом бойца и демагога. Он едва не выпустил из рук руля. К счастью, здравый смысл народа сдѣлал свой выбор. Дегрель потерял жестокое разочарованіе на Брюссельских выборах. Но и демократiя должна вынести из пережитаго кризиса урок для себя: она не может работать в кабинетах, без постоянной связи с массами; ощущеніе пульса народной жизни, народнаго волненiя должно передаваться ей и опредѣлять темп ея работы.

Послѣ опытов Рузвельта и Ван-Зеланда — опыт Блюма. Но можно ли говорить об опытѣ Блюма в том же, социальном смыслѣ? Признаюсь, на исходѣ перваго года, мы в этом сомнѣваемся. Блюм произвел много реформ — социальных, демократических, справедливых: положеніе рабочаго класса серьезно улучшилось, — в рамках капитализма. Сокращеніе трудового дня и трудовой недѣли, двухнедѣльные каникулы, ограниченіе власти патрона на заводѣ властью синдиката, — все это давно назрѣвшія реформы, но большей частью осуществленныя в передовых странах капитализма еще в XIX столѣтii. Из органических реформ можно назвать, пожалуй, нормировку сельскаго хозяйства — его продукцii и его цѣн. Ставит ли перед со-

бою Блюм задачу социального переустройства общества? Много раз он отрицал это. Он подчеркивает незыблемость собственности и прав предпринимательства. Он отрицает свое намѣреніе вести социалистическую политику. Блюм пришел к власти как вождь Народнаго Фронта, участіе радикалов в котором полагает границы социальному новаторству. Официальною цѣлью Народнаго Фронта была борьба с фашизмом. Социальныя реформы явились лишь побочным вознагражденіем одного из участников общей побѣды. Но нѣтъ сомнѣнii, что жизнь увела Народный Фронт гораздо дальше поставленных им цѣлей. Жизнь — это прежде всего давленіе рабочаго класса, упоеннаго сознанием своих сил, идушаго от побѣды к побѣдѣ и, конечно, не желающем помириться на меньшем, чѣм на уничтоженii предпринимательской власти.

Здѣсь одна из опасностей, подстерегающих Блюма. С приходом к власти его кабинета и по настоящій день не прекращаются забастовки, часто стихійныя, во всяком случаѣ не руководимыя никакими отвѣтственными организациями рабочаго движенiя. Ни С.Ж.Т. (профсоюзы) ни коммунистическая партiя не руководят массами. Забастовки не отличаются характером насильственности (правда, нигдѣ правительственныя силы не выступают против них), но онѣ и не пытаются держаться в рамках закона. В политической жизни Францii давленіе масс сказывается гораздо грубѣе. Им удалось почти уничтожить свободу собраний для правых партій. В уличных столкновенiях, не всегда безкровных, народ поддерживает свое право на свосволеніе. Правительство проявляет почти полное безсиліе, вызывая тревожныя опасенiя на счет возможности революціонной диктатуры.

Если в политикѣ власть уступает пролетариату, то в вопросах финансовых капитал диктует свою волю. В этом главный парадокс французской жизни. Блюм, нуждаясь в огромных средствах для своих социальных реформ, равно как и для національной обороны, вынужден прибѣгать к займам. И здѣсь буржуазiя ставит ему свои условiя. Коммунисты, или рабочія массы, не понимают этой необходи-

мости. Им кажется, что богатые — 200 семейств — должны платить за все. Но распределение богатств во Франции дѣлает иллюзорными надежды на экспроприацию капиталов путем налогового обложения. Франция — страна мелких собственников, мелких рантье. Во Франции бѣдняки живут процентом с капитала и не допустят экспроприации. В этой социальной структурѣ Франции положен предѣл социальной реформѣ. Франция не может быть всдущей страной социальных опытов. Правительство Блюма мы назвали бы правительством не опыта, а перемирия.

С этой точки зрѣнія, Блюм до сих пор блестяще справлялся со своей трудной задачей. Его кабинет — один из самых твердых в исторіи III республики. Огромное парламентское большинство ему до сих пор не измѣняет. Много ума, такта, гибкости и доброй воли проявил вождь социалистов в тяжелой роли примирителя. Эта роль подчас становилась трагической — как в кровавую ночь Клиши. Едва ли Блюм обманывает себя большими надеждами. Но Франция оцѣнила его добрую волю. Блюм внушает уважение и своим врагам. До сих пор средние классы, несмотря на то, что они одни несут тяжелыя жертвы, поддерживают Народный Фронт, конечно, потому, что за крушением его предвидят взрыв гражданской войны. Дороговизна жизни, все возрастающая со времени девальвации (до 30%) всего тяжелѣе давит интеллигенцію, чиновничество, мелкаго труженника. В этом новая опасность для режима. Вѣдь, из этого источника, из разорения средних классов — фашизм черпает вездѣ свои силы. Во Франции сейчас фашизма, как политической силы, почти не существует. Но он неизбежно воскреснет, если отчаяние овладѣет средними классами. В такой обстановкѣ, при такой социальной структурѣ, не приходится думать, что Блюм создаст новую, трудовую Францію. Его роль — продержаться, выиграть время, спасти націю от гражданской войны — в ожидании лучших времен: когда контуры новаго социального строя, выработаннаго в какой-либо другой странѣ, приобретут достаточную определенность, чтобы распро-

страниться путем рецепции, подобно старому парламентскому режиму.

Гражданскій мир, сохраненный во Франции, давно нарушен в Испаніи. Уже год, как эта прекрасная страна сдѣлалась ареной одной из самых жестоких гражданских войн, какія знала исторія. Звѣрства, совершаемыя противниками обоих лагерей, дѣлают почти невозможным безраздѣльное сочувствие какой-либо из сторон. Конечно, обнажившій меч несет и полную отвѣтственность. Просто непонятно, каким образом в широких кругах испанская смута может пониматься, как революція коммунистическая или анархическая. Возстание было с самаго начала фашистским. Коммунисты и анархисты защищали законный, демократическій порядок. Справедливость требует, однако, признать, что этот порядок вырождался уже в беспорядок, и фашистская революція была, в какой-то мѣрѣ, самообороной имущих классов. Иностранное вмѣшательство (которое, впрочем, и подготовило возстание) спутало карты. Сейчас выбор позиции для демократическаго наблюдателя диктуется уже цѣлым рядом обстоятельств. Его сочувствие с испанским народом, отстаивающим свою независимость от интервентов, с народом — против привилегированных собственников, с демократіей против фашизма. И, однако, как мы сказали, это сочувствие не может быть безраздѣльным. И не однѣ жестокости, совершаемыя защитниками республики, тому причиной. Другой источник нашей сдержанности — сомнѣние в смыслѣ и цѣли борьбы, в результатѣ возможной побѣды. Невозможно, чтобы побѣдившій народ вернулся к старому режиму, к буржуазной демократіи. Он неизбежно потребует полного удовлетворения своих социальных чаяний, — и здѣсь страну ждет новая чаша испытаний. Достаточно сказать, что анархисты в Испаніи составляют главную силу Народнаго Фронта. Возстание, недавно поднятое ими в Барселонѣ, показывает, чего республиканская власть может ждать от этих своих союзников. Между социалистами, коммунистами, анархистами и небольшими группами буржуазной демократіи неизбежна борьба. Едва

преодолев одну гражданскую войну, Испания рискует быть ввергнута в другую. По примитивности своего социального строя, а также по индивидуализму своего национального характера (здесь отличие от России) Испания — страна совершенно непригодная для социальных опытов. К сожалению, народы, социально меньше всего созревшие для социализма, политически всего восприимчивее к зовам революции.

В событиях испанской «революции», также как и в борьбе Народного Фронта во Франции чрезвычайно интересна роль коммунистов. И здесь и там они потеряли свою позицию крайней левой и превратились в защитников демократической коалиции. Их революционная роль кончилась. Они стремятся вернуться в лоно социализма, из которого они вышли в 1920 году. Их наследие принимают во Франции «троцкисты» под самыми различными наименованиями, в Испании, кроме того, анархисты. Объяснения нужно искать, конечно, в Москве. Москва играет очень крупную роль в европейской политике, и сейчас эта роль уже перестала быть революционной. Причины много: здесь имбеют место и соображения о безопасности СССР, система союзов с западными демократиями, которая несовместима с подрывом тыла своих союзников. Но главное, другое. Коммунизм утратил свою революционную вирулентность в самой России, превратившись в партию российского национал-социализма, в партию Сталина.

**

В России тревожно. Россия вышла из ледяной неподвижности своего «полярного» социализма. Внутренние процессы, разлагавшие долго коммунистической ледяной дом, прорвались наружу в стремительных обвалах старой идеологии, в крушении стольких революционных карьер. Последний год был, бесспорно, самым критическим в России со времени гражданской войны.

Правда, за всеми переменами, реформами, процессами, происходящими в России, остается неизменным одно:

самодержавие Сталина, тот личный режим, которым завершилась, совершенно логически, партийная диктатура. Чем дальше, тем больше власть Сталина становится непрерываемой, неограниченной. Если раньше он правил от имени партии, то теперь он правит от имени народа. В этом, в расширении базы его личной диктатуры, заключался для него первоначальный смысл национализации Октября. Начавшись некогда с ограничения революционных задач «построением социализма в одной стране», за последние годы национализация революции сдѣлала огромные успехи. Реабилитация родины, патриотизма, русской истории, русской культуры — вот положительные итоги духовной контр-революции Сталина. С особой силой грома диктатора обрушиваются на запоздалые голоса анти-национальной марксистской традиции: на живого Демьяна, осмѣлившагося глумиться над русскими богатырями и крещением Руси, на мертвого Покровского, вытравлявшего все положительное содержание в русской истории. Оправдывая подвиг св. Владимира, Димитрия Донского, Петра Великого, Сталин чувствует себя продолжателем их исторического дѣла. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чем вождем мирового пролетариата.

Одновременно с национализацией идеологии происходит общее гонение на классический марксизм-ленинизм во всех отдельных его приложениях: в философии, естествознании, экономике, праве, истории, художественной культуре. Совершается это под флагом борьбы с троцкизмом, но истребляется то, что всегда составляло самую сущность русского марксизма в его ленинской транскрипции. От Маркса и Ленина остается лишь имя, священная символика, которая пока нерушима, потому что с ней связана память об Октябре, о славе гражданской войны, о самом происхождении нового строя. Для послушных Сталинских перьев поставлена нелегкая — точнее, неразрѣшимая — задача: оправдать новую национал-социалистическую идеологию от имени убиваемого марксизма. Это сообщает особо отвратительный отпечаток лжи всему тому, что пишется по части идеологии на страницах официоз-

ной прессы, и эта ложь морально обезцѣнивает радость освобожденія от пут мертвой доктрины.

До сих пор эволюція сталинизма протекала довольно прямолинейно, хотя и болѣе бурно в послѣдніе мѣсяцы. Ни социальныя основы государственнаго капитализма, ни политическій характер власти (единодержавіе Сталина) этой эволюціей не затронуты. Но послѣдній год принес цѣлый ряд явленій, совершенно новых, еще не выяснившихся в своем значеніи, еще не укладывающихся в простую эволюціонную схему. Создается впечатлѣніе, что диктатура мечется в судорожной борьбѣ со своими — для нас невидимыми — врагами, и что она дѣлает опасные эксперименты для удержанія своей, казалось бы, весьма прочной власти.

В первую очередь, новая серія политических процессов, жертвами которых становятся один за другим всѣ ученики и соратники Ленина. Сталин не довольствуется тихим политическим убійством своих бывших товарищей: он ставит их к стѣнкѣ в подвалах Че-Ка. Десятки официальных казней сопровождаются тысячами арестов и ссылок. Кажется издали, что вся гигантская машина Че-Ка работает теперь не для истребленія остатков буржуазных классов (открыто реабилитируемых Сталиным), а для истребленія большевиков.

Внѣ всякаго сомнѣнія, Сталинскіе постановочные процессы представляют чудовищное нагроможденіе лжи, гдѣ почти невысказано добраться до крупинки истины. Эта крупинка, однако, существует. Иначе ярость Сталина была бы необъяснимой. Очевидно, старая гвардія Ленина не хочет молча сходить на нѣтъ. Оппозицію ли только уничтожает Сталин, или серьезную опасность заговора против своей власти — мы не знаем. Во всяком случаѣ мы понимаем, что эта оппозиція — слѣва, и что, добывая ленинцев и громя свою бывшую партію, Сталин может лишь содѣйствовать своей популярности в странѣ.

Но дѣйствительно ли он пользуется популярностью? Не является ли он скорѣе предметом ненависти для масс, и не диктуются ли его послѣднія дѣйствія стремленіем от-

вести от своей головы эту ненависть на головы своих сотрудников, старых партійцев и даже вѣрных исполнителей?

Об этой ненависти к «отцу народов» и к его режиму вообще все болѣе говорят за послѣднее время наблюдатели Россіи, иностранцы и русскіе бѣглецы. С тѣх пор, как Сталин поставил свою ставку на сильных, на новую «знать», разстояніе между классами в Россіи начало рѣзко возрастать. Матеріальное положеніе рабочих ухудшилось вмѣстѣ с ростом предъявляемых к ним требованій. Колхозное крестьянство вообще не могло примириться с его новым крѣпостным положеніем. Вот почему так двоятся — или двоились — за послѣдніе годы голоса из Россіи. «Строители», инженеры, стахановцы, командиры арміи, интеллигенція имѣют основаніе быть довольными общим направленіем политики. Писатели, засыпанные фигуральным золотом, может-быть, не за страх, а за совѣсть воспѣвали вождя. На верху культурныя достиженія были несомнѣнны и исполняли искренних работников культуры бодрим чувством оптимизма. Но в то же самое время в низах, — в колхозах, на заводах, не говоря уже о миллионах лагерных каторжан — зрѣло недовольство. Безсильное, разочарованное двадцатилѣтним опытом революціи, недовольство это не могло принять открытых форм протеста. Но оно ушло внутрь, затаилось и отравляло всѣ корни социальной жизни. Сталинская Россія строится на зыбкой, предательской почвѣ. Наблюдатели говорят о пораженческих настроеніях. Сталин лучше нас видит эту опасность. Приняло ли недовольство масс в послѣднее время болѣе активныя формы? Мы не знаем. Но цѣлый ряд фактов свидѣтельствует о попытках успокоить это недовольство низов — или обмануть его.

Сюда относятся прежде всего толки о партійном и безпартійном демократизмѣ, толки, переходящіе и в политическія дѣйствія. Перевыборы снизу партторгов и секретарей коммунистических ячеек были первым опытом. Опыт этот не носит комедійнаго характера. Массам рядовых коммунистов — вряд ли сильно отличающимся по

своим настроением от народной среды, — предоставлено было расправиться с давившими их партийными держимордами. Попутно были вычищены «троцкисты», конечно, но, главное, был дан выход народному гнѣву — правда, в самом благонадежном, партийном секторѣ. Обѣщанная и прокламированная Сталиным конституція предполагает провести этот опыт в болѣе широком, всенародном масштабѣ. Сталин обѣщает дать массам право забаллотировывать партийных кандидатов. При отсутствіи всякой свободы и организованности масс это право не представляет большой опасности для диктатора. Но отдушиной недовольства оно может явиться. Может ли оно стать первой ступенью к настоящей, хотя бы и своеобразной, совѣтской демократіи, — в этом и заключается основной, неразрѣшимый для нас вопрос русской жизни. Вопрос о том, способен ли Сталин осуществить, или хотя бы начать необходимое раскрытiе русской жизни, который в свою очередь распадается на два вопроса: понимает ли он неотложность этой задачи и способен ли он лично разрѣшить ее?

На второй вопрос легче дать отрицательный отвѣт. Личность Сталина столь отягощена грузом преступлений, его имя столь связано с закрѣпощеніем крестьянства, его вредительская роль, или отвѣтственность за всѣ срывы и неудачи строительства, особенно явные в текущем году, столь несомнѣнна, что едва ли ему может удалиться спуск на тормозах. Судорожныя, кажущіяся почти безумными, дѣйствія его намекают на то, что вопрос для него идет о собственной головѣ. Расправа с Ягодой и бывшим ГПУ, посягательство на маршалов Красной Арміи как будто свидѣтельствуют о том, что в ближайшем кругу его сотрудников зрѣют заговорщицкіе планы.

Но что бы ни случилось, и в чьих руках ни оказалась бы завтра власть, наша установка, русских патриотов и демократов, ясна. Мы не можем ставить на катастрофу, на разгром Россіи, на раздѣл ея в условіях серьезной иностранной угрозы, хотя бы под флагом так называемой «національной» революціи. Наша ставка не на разруши-

тельные, а на созидательныя и охранительныя силы: прежде всего на новую русскую интеллигенцію «строителей» Россіи, на ея политическій разум, не потерявшій окончательно связи с породившим ее народом. В единеніи народа со своей интеллигенціей — залог раскрытiя народного труда и освобожденія русской культуры.

Жребій Пушкина

(Читано на засѣданіи Богословскаго Института
памяти Пушкина 28 февраля 1937 года)

1.

Русскій народ, вмѣстѣ со всѣм культурным міром, нынѣ поминает великаго поэта. Но никакое мировое почитаніе не может выявить того, чѣм Пушкин является для нас русских. В нем самооткровеніе русскаго народа и русскаго гения. Он есть в нас мы сами, себѣ окрывающіеся. В нем говорит нам русская душа, русская природа, русская исторія, русское творчество, сама наша русская стихія. Он есть наша любовь и наша радость. Она проникает в душу, срастаясь с ней, как молитва ребенка, как ласка матери, как золотое дѣтство, пламенная юность, мудрость зрѣлости. Мы дышем Пушкиным, мы носим его в себѣ, он живет в нас больше, чѣм сами мы это знаем, подобно тому как живет в нас наша родина. Пушкин и есть для нас в каком то смыслѣ родина, с ея неизслѣдимой глубиной и неразгаданной тайной, и не только поэзія Пушкина, но и сам поэт. Пушкин — чудесное явленіе Россіи, ея как бы апоѳеоз, и так именно переживается нынѣ этот юбилей, как праздник Россіи. И этот праздник должен пробуждать в нас искренность в почитаніи

Пушкина, выявлять подлинную к нему любовь. Но такая любовь не может ограничиться лишь одним его словом или услаждением плънительной сладостью его поэзии. Она должна явиться и серьезным, отвѣтственным дѣлом, подвигом правды в стремленіи понять Пушкина в его творчествѣ, как и в нем самом. О том, кому дано сотворить великое, надлежит знать то, что еще важнѣе нежели его твореніе. Это есть его жизнь, не только как фактическая біографія, или литературная исторія творчества, но как подвиг его души, ея высшая правда и цѣнность. Пушкин не только есть великій писатель, нѣтъ, он имѣет и свою религиозную судьбу, как Гоголь, или Толстой, или Достоевскій, и, может быть, даже болѣе значительную и, во всяком случаѣ, болѣе таинственную. Поэт явил нам в своем творчествѣ не только произведенія поэзии, но и самого себя, откровеніе о жизни своего духа в ея нетлѣнной подлинности. Нынѣ изучается каждая строка его писаній, всякая подробность его біографіи. Благодарным потомством воздвигнут достойный памятник поэту этой наукой о Пушкинѣ. Но позволительно во внѣшних событіях искать и внутренних свершеній, во временном прозрѣвать судьбы вѣчнаго духа, постигать их не только в земной жизни, но и за предѣлами ея, в смерти, в вѣчности. Очевидно, такое заданіе превышает всякую частную задачу «пушкинизма». Оно и непосильно в полной мѣрѣ для кого бы то ни было. И однако оно влечет к себѣ с неотразимой силой, как к нѣкому, хотя и тяжелому, но священному долгу, отвѣтственности перед поэтом, нашей любви к нему. И так, да будет вѣнком к его нерукотворному памятнику и эта немощная попытка уразумѣнія его духовнаго пути, в котором таится его судьба, послѣдній и высшій смысл его жизни.

Столѣтіе смерти Пушкина... Тогда, сто лѣтъ назад, эта смерть ударила по сердцам как народное горе, непоправимая бѣда, страшная утрата. Она переживалась как ужасная катастрофа, слѣпой рок, злая бессмыслица, отнявшая у русскаго народа его высшее достояніе. Это чувство живо и теперь. И нынѣ, через сто лѣтъ, смерть Пушкина оста-

ется в русской душѣ незаживающей раной. Как и тогда, мы стоим перед ней в растерянной безотвѣтности и мучительном недоумѣніи. И мы снова должны до дна испить эту чашу горькой полыни, сызнова пережить эту смерть во всей ея страшной, вопіющей бессмыслицѣ: как будто свалившійся с крыши камень поразил на смерть нашего величайшего поэта, и отнял его от нас в цвѣтѣ творческих сил, на вершинѣ мудрости. Даже хотя бы он погиб от вражескаго удара, мы еще имѣли бы, на ком сосредоточить свой гнѣв. Но нѣтъ,

Жизнь его не враг отъял,
Он своею жертвой пал
Жертвой гибельнаго гнѣва.

Пушкину суждено было пасть на дуэли под пулей Дантеса, пустого свѣтскаго льва, юнаго кавалергарда, который к тому же выступил на дуэли вмѣсто своего названнаго отца, по вызову самого Пушкина. Противник послѣ выстрѣла в Пушкина ждал и принял его отвѣтный выстрѣл и, если не был им убит, то во всяком случаѣ не по отсутствію желанія к тому самого Пушкина. Презрѣніе и гнѣв всѣх любящих поэта — во всѣ времена и доннынѣ — обычно сосредоточиваются на этом чужестранцѣ, на долю котораго выпала такая печальная судьба. Но если заслуживает всякаго порицанія его волокитство за женой Пушкина, впрочем столь же обычное в большом свѣтѣ, как и в жизни его самого, то самая смерть Пушкина не может быть вмѣнена Дантесу как дѣло злой его воли. Пушкин сам поставил к барьеру не только другого чело-вѣка, но и самого себя вмѣстѣ со своей Музой и, в извѣстном смыслѣ, вмѣстѣ со своею женою и дѣтьми¹⁾, со сво-

¹⁾ Пушкин по дорогѣ к мѣсту дуэли встрѣтил свою жену, от которой отвернулся (жена его тоже не узнала). В матеріалах нѣтъ никакого упоминанія о его прощаніи с дѣтьми перед дуэлью, да оно, конечно, и не могло имѣть мѣста. Семья, которую он нѣжно любил, как бы выпала из его сознанія в этот роковой час.

ими друзьями, с своей Россіей, со всѣми нами. Естественно, что в теченіи цѣлаго вѣка — и в наши дни даже больше, чѣм когда либо, — вниманіе русской мысли сосредотачивается около этой раны русскаго сердца, нанесенной ему у проклятаго барьера. Как это могло случиться? Кто виноват? В чем причина страшнаго событія? Отвѣтъ обычно дается таким образом, что вина и причина дуэли ищется во внѣ и в других, всюду, только минуя самого Пушкина. Так повелось начиная с Лермонтова, который, впрочем, все-таки не мог не воскликнуть:

Зачѣм от мирных нѣг и дружбы простодушнаго
Вступил он в этот свѣтъ завистливый и душный?

Винили и винят «свѣтъ», жену поэта, двор. Теперь охотнѣе всего вишат еще императора Николая I, будто бы находившагося в интимной близости с женой Пушкина (лишенная всякой убѣдительности новѣйшая выдумка). Иныя из этих обвиненій, конечно, по своему беспорны. Разумѣется, свѣтская среда, в которой вращался Пушкин (однако, если не считать не малаго числа преданных ему и достойных его друзей) не соответствовала его духовной личности. Ему суждено было одиночество гения, неизбѣжный удѣлъ подлиннаго величія. Справедливо и то, что он страдал одинаково как от преслѣдованій, так и от покровительства власти, и от своего камерюнкерскаго мундира, и от двойной цензуры, над ним тяготѣвшей. Справедливо, конечно, и то, что жена Пушкина со своими свѣтскими вкусами не была на высотѣ положенія, впрочем, может быть, и вообще недосыгаемой в данном случаѣ. В совокупности всѣх обстоятельств, жизнь Пушкина, особенно послѣдніе годы, была тяжела и мучительна. Однако из этого все-таки не вытекает того заключенія, которое обычно подразумѣвается или прямо высказывается, как очевидное, именно, что эти внѣшнія силы как будто подавили личность самого Пушкина и что именно онѣ — и только онѣ, — привели его к роковой дуэли. Вообще осмыслить бессмыслицу ищут, лишь находя в

злой волѣ других причину смерти Пушкина. Стремясь сдѣлать его самого безответной жертвой, не замѣчают, что тѣм самым хулят Пушкина, упраздняют его личность, умаляют его огромную духовную силу. Такое истолкованіе является лицепріятным в отношеніи к Пушкину, который, конечно, принижается этим пристрастіем и вовсе не нуждается в такой защитѣ. Он достоин того, чтобы самому отвѣтствовать перед Богом и людьми за свои дѣла. Конечно, и Пушкин есть только человек и, как таковой, подлежит влияніям, как и ограниченности своей среды, сословія или класса, и для опредѣленія этих влияній, понятно, умѣстны всякіе социологическіе реактивы, к которым теперь так охотно прибѣгают. Но ими хотят до конца разъянить жизнь Пушкина, — а в частности и его дуэль, — и тѣм устранить самую личность Пушкина в неповторимой тайнѣ ея самотворчества. В этом социологизмѣ упраздняется и самая проблема всего «пушкинизма». И в отвѣтъ на такія посягательства надо сказать: руки прочь! Пушкин достоин того, чтобы за ним признана была и личная отвѣтственность за свою судьбу, которая здѣсь возлагается всецѣло на немощныя плечи этих «лукавых, малодушных, шальных, балованных дѣтей, злодѣев и тупых и скучных». Вершина не уничтожается предгоріями. Наша задача понять личность Пушкина в его собственном пути и в его личной судьбѣ. Его жизнь, хотя и протекала в опредѣленной средѣ и ею исторически окрашивалась и извиѣ направлялась, однако ею не опредѣлялась в своем собственном существѣ.

Ключем к пониманію всей жизни Пушкина является для нас именно его смерть, важнѣйшее событіе и самооткровеніе в жизни всякаго человека, а в особенности в этой трагической кончинѣ. Но развѣ соединимы эти слова: Пушкин и трагедія? Развѣ не прославлен он именно как носитель аполлиническаго начала свѣтлой гармоніи, радостнаго служенія красотѣ? Однако, гдѣ же гармонія в этом діонисическом буйствѣ с раздраніем самого себя? Откуда этот страшный конец? Аполлон на смертном ложѣ послѣ смертельнаго поединка! Для того, чтобы по-

стигнуть эту трагедию, мы должны обратиться к творческой жизни Пушкина и установить некоторые ее основные черты. Однако, они существенно связаны с тем, что составляет его природный характер, homo naturalis, и на нем прежде всего надо сосредоточить внимание.

2.

Природный облик Пушкина отмечен не только исключительной одаренностью, но и таковым же личным благородством, духовным аристократизмом. Он родился баловнем судьбы, ибо уже по рождению принадлежал к высшему культурному слою старинного русского дворянства, что он сам в себе знал и так высоко ценил. Конечно, он наследовал и всю распушенность русского барства, которая еще усиливалась его личным «африканским» темпераментом. При желании в нем легко и естественно различается психология «класса» или сословия, как и обращенность к французской культуре, с ее утонченностью, но и с ее отравой. Величайший русский поэт говорил и мыслил по-французски столь же легко, как и по-русски, хотя творил он только на родном языке. Даром и без труда дана была ему эта приобщенность к Европе, как и лучшая по тому времени школа, столь трогательно любимый им лицей. Сразу же после школы он вступил на стезю жизни большого света с ее пустотой и распушенностью, и спасла его от духовной гибели или онѣгинского разложения его светлая муза. Пушкину от природы, быть может, как печать его гения, дано было исключительное личное благородство. Прежде всего и больше всего оно выражается в его способности к верной и безкорыстной дружбе: он был окружен друзьями в юности и до смерти, причем и сам он сохранял верность дружбе через всю жизнь. «Пушкинисты» очень интересуются «дон-жуанским» списком Пушкина, но не меньше, если не больше интересно остановиться и над его дружеским списком, в которой вошли все его великие или значительные современники. Эта способность к дружбе стоит в связи с другой его — и надо

сказать — еще более редкой чертой: он был исполнен благоволения и сочувственной радости не только лично к друзьям, но и к их творчеству. Ему была чужда мертвящая зависть, темную и иррациональную природу которой он так глубоко прозрел в «Моцарт и Сальери». Подобен самому Пушкину его Моцарт, соединение гения и «гуляки праздного»:

За твое здоровье, друг, за искренний союз
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии!

Это голос самого Пушкина. Отношение Пушкина к современным писателям озарено сиянием этого благоволения: кого только из своих современников он не благословил к творчеству, не возлюбил, не оценил! Он был поистине братом для сверстников и признательным сыном для старших. Нельзя достаточно налюбоваться на эту его черту. Даже его многочисленны эпиграммы, вызванные минутным раздражением, порывом гнева, большей частью благородного, или даже недоразумением, свободны от низких чувств. Есть еще и другая черта, — природная, но и сознательно им культивированная, которая имеет исключительную важность для его облика: Пушкин не знал страха. Напротив, его личная отвага и связанное с этим самообладание давали ему невѣдомую для многих свободу и спокойствие. Достаточно вспомнить его в арзерумском походе (по воспоминаниям и его собственным запискам), или это утро последней дуэли, когда он за час до оставления дома пишет дѣловое письмо Ишимовой и зачитывается ей книгой с таким самообладанием, как будто то был самый обыкновенный день в его жизни. «Есть наслаждение в бою, и бездна мрачной на краю». «Перед собой кто смерти не видал, тот полного веселья не вкушал». «Ты, жажда гибели, свободный дар героя!» Эта черта зримо и незримо пронизывает всю его жизнь, придает ей особую тональность свободы и благородства. Нельзя однако не видеть, сколь часто эта его безумная отвага

овладѣвала им, а не он владѣл ею: отсюда не только безстрашное, но и легкомысленное, безответственное отношеніе к жизни, бреттерство, свойственное юности Пушкина в его дуэльных вызовах по пустякам, как и послѣднее изступленіе: «чѣм кровавѣе, тѣм лучше» (сказанное им между разговором Соллогубу о предстоящей дуэли). Страх не связывал Пушкина ни в его исканіи смерти, ни в стихійных порывах его страстей. И это свойство освобождало в нем несобуданную стихійность, которая вообще характерна для его природы. Движеніе страстей овладѣвало им безудержно и безоглядно. Предохранительные клапаны отсутствовали, задерживающіе центры не работали. Когда Пушкин становился игралищем страстей, он дѣлался страшен (рассказ Жуковского в разговорѣ с Соллогубом о Геккернѣ: «губы его дрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он дѣйствительно африканскаго происхожденія»). Пушкин был стихійный человѣкъ, в котором сила жизни была неразрывно связана с буйством страстей, причем природныя свойства не умѣрялись в нем ни рефлексіей, ни аскетической самодисциплиной: он мог быть — и бывал — велик и высок в этой стихійности, но и способен был к глубокому паденію. С этим связана и Пушкинская эротика, которая находит для себя печальное выраженіе в его юношеской поэзіи, — отчасти под вліяніем французской литературы. Пушкину пришлось горячо и искренне каяться в этом, — с истинным величіем и безпощадной правдивостью, ему свойственными. Печальное проявленіе той же стихійности в Пушкинѣ мы наблюдаем — притом на протяженіи всей его жизни — также в страсти к картам, которая странным образом соединяется в нем с полной трезвостью и даже нѣкоторой практичностью в денежных дѣлах.

Эта африканская стихійность в Пушкинѣ соединялась с плѣнительной непосредственностью, очаровательной дѣтскостью поэта. Нельзя было не любоваться на этого веселаго хохотуна, кипучаго собесѣдника, шаловливаго повѣсу. Он может с одинаковым самозабвеніем пѣть

на базарѣ со слѣпцами, странствовать с цыганами, по дѣтски хлопать себѣ самому в ладоши за своего «Бориса»²⁾, скакать под пулями впереди войск на Кавказѣ, как и — увы! — отдаваться буйству Вакха и Киприды. Дѣтскость есть дар небес, но и трудный, иногда даже опасный дар, лишь тонкая черта отдѣляет его от ребячливости или, как мы бы сказали теперь, от инфантилизма и безответственности. В жизни Пушкина мы наблюдаем непрерывно двоящійся характер этого дара. Без него не было бы служителя муз, безпечнаго Моцарта, но и не было бы той безудержности перед соблазнами жизни, внутренними и внѣшними, которые мы с такой горечью в нем также видим... Ибо все двоятся в природѣ падшей, даже и райскіе дары, послѣ потеряннаго рая.

3.

Всѣ эти природныя свойства образуют ту душевную атмосферу, в которой живет и развивается геній. Кто может повѣдать о тайнѣ генія, кромѣ только его самого? Кому под силу вчувствованіе в жизнь генія, который имѣет свое особое видѣніе вещей, — ясновидѣніе? Геній созерцается нами как нѣкое чудо, творческое откровеніе, которое содержит в себѣ нѣчто новое, оригинальное и потому недоступное рациональной рефлексіи. Вѣроятно, состояніе творчества генія есть чувство райскаго блаженства человѣка, для котораго не стоит препоны между ним и міром, с него совлекаются «кожаныя ризы», и он сознает себя в своей божественной первозданности, как дитя Божіе.

«Но лишь божественный глагол до слуха чуткаго коснется», в отвѣтъ на него, как орел, пробуждается душа поэта. Однако, даже и наряду с поэтическим геніем нель-

²⁾ Мнѣ рассказывал Л. Н. Толстой (в одну из немногих наших встрѣч) со слов какой то современницы Пушкина, как он хвалился своей Татьяной, что она хорошо отдѣлала Онѣгина. В этом рассказѣ одного великаго мастера о другом обнаруживается вся непосредственность творческаго генія.

зя не удивляться в Пушкинѣ какой то нарочитой зрячести ума: куда он смотрит, он видит, схватывает, являет. Это одинаково относится к глубинам народной души, к русской исторіи, к человѣческому духу и его тайникам, к современности и современникам. Замѣчательно, что в этом трудѣ генія безотвѣтственность отсутствует: «служеніе муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво». Геній есть и труд, способный доводить вещь до завершенности, кончать... Пушкин способен сказать: «миг вожделѣнный настал, окончен мой труд многолѣтній». И понять подлинное значеніе этих слов можно, взглянув на его рукописи. О том, как работал Пушкин, говорят, впрочем, не только его рукописи, но и вся его, так сказать, методика изслѣдованія, поэтического и историческаго. Как писатель, Пушкин абсолютно отвѣтственен. Он выпускает из своей мастерской лишь совершенныя изваянія (конечно, кромѣ того словеснаго праха, который, к сожалѣнію, бывал у него уносим порывом вѣтра, увлеченіем «и временным, и смутным»). Если самого Пушкина мудрость его свѣтлаго ума не всегда могла охранить от губительных страстей, то для других он является совѣтником, цѣнителем, руководителем (как, напримѣр, для Гоголя). К сожалѣнію, на него самого легло тяжелое вліяніе эпохи французскаго просвѣтителства XVIII вѣка, его эпикуреизма, вольтеріанства, вмѣстѣ с религіозным невѣріем. Но это было преодолено³⁾ Пушкиным естественно, с духовным

---

³⁾ В очеркѣ «Александр Радищевъ» (1836 г.) мы читаем о Гельвеціи: «они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики... Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвецій мог сдѣлаться любимцем молодых людей». По поводу сочиненія Радищева: «О чловѣкъ и его смертности и безсмертіи» Пушкин говорит: «умствованія онаго пошлы и не оживлены слогом. Радищев хотя и вооружается против матеріализма, но в нем еще виден ученикъ Гельвеція. Он охотнѣе излагает, нежели опровергает доводы чистаго атеизма». (В этом же очеркѣ, между прочим, Пушкин называет мысль «священным даром Божиим»). В «Мыслях на дорогѣ» говорится о благотворном вліяніи нѣмецкой философіи на московскую молодежь тѣм, что «она спасла молодежь от холоднаго скептицизма французской философіи». В юношеском стихотвореніи

его ростом, при наступленіи зрѣлости: «так краски чуждыя с годами спадают ветхой чешуей». Здѣсь слѣдует особенно отмѣтить то, что можно опредѣлить как почвенность Пушкина, или, на теперешнем нашем языкѣ, его «русскость». Пушкин отдал полную дань юношеской революціонности, разлитой в тогдашнем обществѣ, в эту эпоху движенія декабристов, но он рано преодолѣл их интеллигентскую утопичность и барскую безпочвенность. Пушкин никогда не измѣнял завѣтам свободы, не терял того свободолюбія, которое была неотъемлемо присуще его благородству и искреннему его народолюбію (от юношескаго «В деревнѣ»: «увиди ли, друзья, народ освобожденный» и до послѣдняго: «что в наш жестокий вѣкъ возславил я свободу»). Однако Пушкин совершенно освободился от налета нигилизма, разрыва с родной исторіей, который составлял и составляет самую слабую сторону нашего революціоннаго движенія. Для нас не важно сейчас опредѣлять, в какой мѣрѣ Пушкин переходил мѣру в своем консерватизмѣ, может быть, и под вліяніем Жуковскаго. Все это — частности, но опредѣляющим началом в мышленіи Пушкина в пору его зрѣлости было духовное возвращеніе на родину, конкретный историзм мышленія, почвенность. В этом же контекстѣ он понимал и значеніе православія в исторических судьбах русскаго народа. Послѣднее, естественно, пришло вмѣстѣ с преодоленіем безбожія и связанной с этим переоцѣнкой цѣнностей. Дѣйствительно, мог ли Пушкин, с его проникающим в глубину вещей взором, остаться при скудной и слѣпой доктринѣ

«Безвѣріе» (1817 г.) Пушкин на основаніи опыта изображает его растлѣвающее вліяніе на умы, — «когда ум ищет Божества, а сердце не находит». К своему прошлому сам Пушкин умѣл относиться безпощадно: «начал я писать с 13-лѣтняго возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣет как упрек на совѣсти моей. Но крайней мѣрѣ не должен я отвѣчать за проказы», — «стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати, или которые простительно было бы мнѣ написать на 19-ом году, но непростительно признать публично в возрастѣ зрѣлом и степенном».

безбожія и не постигнуть всего величія и силы христіанства? ⁴⁾ Только безстыдство и тулоуміе способны утверждать безбожіе Пушкина перед лицом неопровержимых свидѣтельств его жизни, как и его поэзіи. Переворот или естественный переход Пушкина от невѣрія (в котором, впрочем, и раньше было больше легкомыслія и снобизма, нежели серьезнаго умонастроенія) совершается в серединѣ 20-ых годов, когда в Пушкинѣ мы наблюдаем опредѣленно начавшую религиозную жизнь. Ее он в общем, по своему обычаю, таил, но о ней он как бы проговаривался в своем творчествѣ, и тѣм цѣннѣе для нас эти свидѣтельства. Можно ли перед лицом всѣх его религиозных вдохновеній говорить о нерелигиозности Пушкина? Пушкин, как историк, как поэт и писатель, и наконец — чтѣ есть, может быть, самое важное и интимное — в своей семьѣ, конечно, являет собой образ вѣрующаго христіанина. Могло ли быть иначе для того, кто способен был прозирать глубину вещей, постигать дѣйствительность? В прошлом Рос-

⁴⁾ Извѣстно отношеніе зрѣлаго Пушкина к Библии и Евангелію во всей их святой единственности. Таково же оно и в отношеніи к христіанству, как исторической силѣ. Так он говорит о «проповѣданіи Евангелія» среди Кавказских горцев: «развѣ истина дана для того, чтобы скрывать под спудом? Так ли мы исполняем долг христіанина? Кто из нас, муж вѣры и смиренія, уподобился святым старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, в рубищах, часто без обуви, крова и пищи, но оживленных теплом усердія?.. Мы умѣем спокойно в великолѣпных храмах блестять велерѣчіем... Кавказ ожидает христіанских миссіонеров». (Путешествіе в Арзерум). Пушкин с тревожным интересом провѣряет молву, будто язиды поклоняются сатанѣ. Убѣдившись в невѣрности ея, он прибавляет: «это объясненіе меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія их показались мнѣ гораздо простительнѣе». В отношеніи к значенію православія для русскаго народа слѣдует вспомнить слѣдующія сужденія Пушкина: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣм своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени». Но «греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное от всѣх прочих, дает нам особенный національный характер. В Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических... огражденное святыней религіи, оно было всегда посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей исторіей, слѣдовательно, и просвѣщеніем». (Историческіе очерки, 1822 г.).

сіи он обрѣлъ образ лѣтописца и слѣпца, прозрѣвшаго на мощах царевича Димитрія, в настоящем он услышал великопостную молитву и даже вразумленіе митрополита Филарета. Он постигал всю единственность Библии и Евангелія. Он крестя призывал благословеніе Христово на семью свою при жизни (во многих письмах) и перед смертью. Он умилялся перед дѣтской простотой молитвы своей жены, он знал Бога. И однако, если мы захотим опредѣлить мѣру этого вѣдѣнія, жизни в Богѣ у Пушкина, то мы не можем не сказать, что личная его церковность не была достаточно серьезна и отвѣтственна, вѣриѣе, она все-таки оставалась барски-поверхностной, с непреодолимным язычеством сословія и эпохи ⁵⁾. Казалось, орлиному взору Пушкина все было открыто в русской жизни. Но как же взор его в жизни церковной не устремился дальше свято-горскаго монастыря и даже м. Филарета? ⁶⁾ Как он не примѣтил, хотя бы через своих друзей Гоголя и Кирѣевскаго, изумительнаго явленія Оптиной пустыни с ея старцами? Как мог он не знать о святителѣ Тихонѣ Задонском? И, самое главное, как мог он не слышать о преподобном Серафимѣ, своем великом современникѣ? Как не встрѣтились два солнца Россіи? Последнее есть роковой и значительный, хотя и отрицательный, факт в жизни Пушкина, имѣющей символическое значеніе: Пушкин прошел мимомо преп. Серафима, его не примѣтя. Очевидно, не на путях историческаго, бытового и даже мистическаго православія пролегла основная магистраль его жизни, судьбы его. Ему был свойствен свой личный путь и особый удѣл, — предстояніе пред Богом в служеніи поэта.

⁵⁾ Больно читать в письмѣ к жепѣ — особенно в свѣтѣ собственной судьбы Пушкина — его совершенно языческое, хотя и собственное его кругу, сужденіе о дуэли. «То, что ты пишешь о Павловѣ, примирило меня с ним. Я рад, что он вызвал Апрельева. У нас убійство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэли и подвергает одному наказанію, а не смертной казни».

⁶⁾ Собственное отношеніе Пушкина к митрополиту Филарету (по крайней мѣрѣ позднѣйшее) является отнюдь не положительным: в замѣтках 1835 г. он называет его «старым лукавцем».

Что есть поэзия, и чему служит поэт? «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли», — сказал друг Пушкина Жуковский. Точно эта мысль должна быть выражена так: поэзия божественна в своем источнике, она есть созерцание славы Божества в творении. Не Бог, но Божество, Его откровение в творении, по преимуществу доступно поэзии. Поэтическое служение, достойное своего жребия, есть священное и страшное служение: поэт в своей художественной правде есть свидетель горняго мира, и в этом призвании он есть «сам свой высший суд». Поэты «рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв», и это вдохновение есть «признак Бога», «чистое упоение любви поэзии святой». Но оно знает и над собой еще более высший суд, пред которым склоняется: «вельнню Божию, о муза, будь послушна». Поэзия есть служение истин в красоте, но не лживым призракам, облегченным в красоту, растлввающим музу⁷⁾. Что же именно заставляет поэта называть поэзию святой? Свято для него (в своем особом смысле) служение красоте, способность «благоговть богомольно пред святыней красоты», ея видение и свидетельство о ней чрез творческое видение в искусстве. Поэт воспринимает мир как откровение красоты, в которой и чрез которую ему открывается, становится доступной и мудрость. Источник красоты в небесах, истинная красота — от Духа Святаго. Знал ли это Пушкин? Вдал ли он, каким избраніем отяготла на нем рука Божія в его поэтическом дарѣ?

Было бы наивно и «прелестно» думать, что падшему человеку, хотя бы и великому поэту, доступна в чистоте небесная красота, свѣтлое ея пламя, купина неопалимая. Небесные лучи проникают в поднебесную, разлагаясь и

7) Двусмысленно и соблазнительно звучащія слова:

«Тмы низких истин мнѣ дороже
Нас возвышающій обман»

в контекстѣ теряют свое прямое значеніе, что «viel lügen die Dichter».

преломляясь в сердце человеческом, из котораго исходят все помышления его, добрыя и злыя. Искусство не автоматически и не медулично в своих вдохновениях, в нем совершается личное творчество, откровение личности поэта, возносимаго на крыльях красоты. Уже Платон знал, что есть не одна, но две красоты, две Афродиты: небесная и простонародная, ангельская и бѣсовская. Знал и Достоевский, что «красота страшная вещь, здѣсь Бог с дьяволом борется, а поле битвы сердца людей». Знал это по своему, конечно, и Пушкин, который являлся одновременно служителем красоты, как и ея плѣнником⁸⁾. Человѣческому сердцу дано растлввать красоту и растлвваться ею, и властью этой обладает и искусство. В низинах его пресмыкается блуд, живет «великая блудница, тайна, вавилон великій», на вершинах горит заря безсмертія, открывается «Бог в святых мечтах земли». Чѣм же было поэтическое творчество для Пушкина? Пушкин говорит о святости поэзии, о святом ея очарованіи, о святыне красоты. Святость есть вообще у него самая высшая категория. Будучи менѣе всего философом по складу своего ума, Пушкин является подлинным мудрецом относительно поэзии, как служения красоты. И самый важный вопрос, который здѣсь возникает о Пушкине, таков: каково в нем было отношеніе между поэтом и человеком в поэзии и жизни? Кто его муза: «Афродита небесная» или же «простонародная»? Нельзя отрицать, что Пушкин нерѣдко допускал до себя и послѣднюю, поэтизировал низшія, «несублимированныя» и непреображенныя страсти, тѣм совершая грѣх против искусства, его профанируя. Но все

8)

В часы забав иль праздной скуки
Бывало музѣ я моей
Ввѣрял изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей,
но

Твоим огнем душа пала
Отвергла мрак земных сует,
И вземле арфѣ серафима
В священном ужасѣ поэт.

Две красоты, два вдохновения, как бы две лиры.

же и при этой профанации, за которую он сам же себя бичевал впоследствии, Пушкин твердо знал, что поэзия приходит с высоты, и вдохновение — «признак Бога». дар божественный. Пушкин никогда не был атеистом в поэзии, даже в те времена, когда он принижал свою лиру до недостойных кощунств и пародий⁹⁾. Здесь нельзя не остановиться на постоянных и настоячивых свидетельствах Пушкина об его музѣ, которая «любила его с младенчества» и в разных образах являлась ему на его жизненном пути¹⁰⁾.

Что это? Литературный образ? Но слишком конкретен и массивен этот образ у Пушкина, чтобы не думать, что за ним скрывается подлинный личный опыт какого то наи-

⁹⁾ Характерно его отношеніе к Гавриладѣ, которая представляет собой главный поэтический грѣх Пушкина (именно поэтический, а не эстетический, потому что эстетически она стоит на уровнѣ его мастерства). Едва ли можно сомнѣваться в ея принадлежности Пушкинскому перу, и однако мы наблюдаем его стремленіе даже перед друзьями всячески отрицать этого произведенія (и уж, конечно, не по могивам только практическим). Так он пишет кн. Вяземскому (в 1828 году): «Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гаврилада, приписывают ее мнѣ, донесли на меня, и я вѣроятно отвѣчу за чужія проказы, если Горчаков не явится с того свѣта отстаивать права на свою собственность». Кромѣ безпардонных эстетов (или тупоумных безбожников) всѣ читатели Пушкина испустили бы вздох облегченія, если бы, дѣйствительно, могли повѣрить в авторство Горчакова и его способность владѣть пушкинским стихом.

¹⁰⁾ Мы имѣем в поэзіи Пушкина многообразныя и многочисленныя свидѣтельства о музѣ. Сюда относятся: «Муза 1821 г.» (В младенствѣ моем), «Моя эпитафія» (1815), «Чаадаеву» (1821), «Наперсница веселой старинны» (1821), «Вот муза, рѣзвая болтунья» (1821), «К xxx» (1822), «Ты прав», «Разговор книгопродавца с поэтов» (1824), «19 октября 1825 г.», особенно же 8-ая глава «Евгенія Онегина», строфы 1-6, гдѣ изображается поэтическая жизнь Пушкина в различных явленіях его музы, которая как будто пропнзывают красотой и смыслом мелькающую жизнь, ея «мышью бѣготню», от мелкаго и обыденнаго до самаго высокаго.

Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шолот Неренды,
Глубокій вѣчный хор валов,
Хвалебный гимн Отцу міров (6).

тія, как бы духовнаго одержанія. Не есть ли Пушкинская муза самосвидѣтельство софійности его поэзіи, воспринимаемое им «яко зеркалом в гаданіи»? Это наитіе описывается им как нѣкое пифійство, в котором испытывается блаженство вдохновенія.

И забываю мір, и в сладкой тишинѣ, —
Я сладко усыплен моим воображеніем,
И пробуждается поэзія во мнѣ
Душа стѣсняется лирическим волненіем,
Трепет и звучит и ищет как во снѣ
Излиться, наконец, свободным проявленіем.

Но при этой как будто произвольности поэзія самоотвѣтственна. Она есть труд и служеніе: «велѣнью Божию, о муза, будь послушна». Насколько же это послушаніе распространяется от музы и на самого поэта? Да, оно несовмѣстимо с низостью и преступленіем, Бонаротти не мог быть убійцей, ибо «геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя». Но требует ли святыня красоты святости от своего служителя? Если она свята, свят-ли служитель? Пушкин в Поэтѣ даст на этот вопрос столь же правдивый, сколько и страшный отвѣт:

Доколь не требует поэта
К священной жертвѣ Аполлон
.....
Молчит его святая лира
Душа вкушает хладный сон
И меж дѣтей ничтожных міра
Быть может всѣх ничтожнѣй он.

Стало быть, в поэтѣ может быть совмѣщено величайшее ничтожество с пифійным наитіем «божественнаго глагола», «два плана» жизни без всякой связи между ними. Выразил ли здѣсь Пушкин то, что сам он считал нормальным соотношеніем между творцом и творчеством? или же это есть стон души плѣненной, которая сама ужасается

своей плѣненности и подвергает ее беспощадному суду? Дается ли здѣсь поэту, так сказать, право на личное ничтожество? И совмѣстимо ли это послѣднее с самодовлѣющим величіем «царя» в его одиночествѣ и свободѣ, в жертвенности его служенія? Не обращается ли здѣсь поэт со словом укора и раскаянія, ему столь свойственных, к самому себѣ, к своему духу?

Вторая половина 20-ых годов есть наиболѣе важная эпоха в творческой жизни Пушкина, когда в нем совершается духовное пробужденіе, и окончательно пресодолѣвается легкомысліе юношескаго атеизма и эпикурейства: в муках кризиса Пушкин как будто рождается духовно. Он в это время переживает ужас духовной пустоты: «дар мгновенный, дар случайный, жизнь, зачѣм ты мнѣ дана?». Он судит теперь свою юность высшим, нелицеприятным судом: «и с отвращеніем читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуясь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю».

«Безумных лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, как смутное похмѣлье,
Но как вино печаль минувших дней
В моей душѣ, чѣм старѣ, тѣм сильнѣй» (1830).

Надо считаться с тѣм, как умѣл таить себя Пушкин, и как был правдив и подлинен он в своей поэзіи, при сужденіи об этих сравнительно немногих высказываніях, чтобы оцѣнить во всем значеніи эти вѣхи сокровеннаго его пути к Богу. И эти вѣхи приводят нас к тому, что является не только вершиной пушкинской поэзіи, но и всей его жизни, ея величайшим событіем. Мы разумѣем Пророка. В зависимости от того, как мы уразумѣваем Пророка, мы понимаем и всего Пушкина. Если это есть только эстетическая выдумка, одна из тем, которых ищут литераторы, тогда нѣтъ великаго Пушкина, и нам нечего нынѣ праздновать. Или же Пушкин описывает здѣсь то, что с ним самим было, т.-е. данное ему видѣніе божественнаго міра под покровом вещества? Сначала

здѣсь говорится о томленіи духовной жажды, которое его гонит в пустыню: уже не Аполлон зовет к своей жертвѣ «ничтожнѣйшаго из дѣтсей міра», но пророчесвенный дух его призывает, и не к своему собственному вдохновенію, но к встрѣчѣ с шестикрылым серафимом, в страшном образѣ котораго нынѣ предстает ему Муза. И вот

Моих зѣниц коснулся он —
Открылись вѣщія зѣницы
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.
И вня я неба содраганье,
И горній ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

За этим слѣдует мистическая смерть и высшее посвященіе :

И он к устам моим приник,
И вырвал грѣшный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрое змѣи
В уста замершія мои
Вложил десницею кровавой.
И он мнѣ грудь разсѣк мечем,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающій огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустынѣ я лежал...

И послѣ этого поэт призывается Богом к пророческому служенію: «Исполнишь волею Моей». В чем же эта воля? «Глаголом жгги сердца людей»!

Если бы мы не имѣли всѣх других сочиненій Пушкина, но перед нами сверкала бы вѣчными снѣгами лишь эта одна вершина, мы совершенно ясно могли бы увидѣть не только величіе его поэтического дара, но и всю высоту

его призванія. Таких строк нельзя сочинить, или взять в качествѣ литературной темы, переложенія, да это и не есть переложеніе. Для Пушкинскаго Пророка нѣтъ прямого оригинала в Библии. Только образ угля, которым коснулся уст Пророка серафим, мы имѣем в 6-ой главѣ кн. Исаи. Но основное ея содержаніе, с описаніем богоявленія в храмѣ, существенно отличается от содержанія пушкинскаго Пророка: у Исаи описывается явленіе Бога в храмѣ, в Пророкѣ явленная софійность природы. Это совсѣм разныя темы и разныя откровенія. Однако, и здѣсь мы имѣем нѣкое обрѣзаніе сердца, Божіе призваніе к пророческому служенію. Тот, кому дано было сказать эти слова о Пророкѣ, и сам ими призван был к пророческому служенію. Совершился ли в Пушкинѣ этот перелом, вступил ли он на новый путь, им самим осознанный? Мы не смѣем судить здѣсь, дерзновенно беря на себя суд Божій. Но лишь в свѣтѣ этого призванія и посвященія можем мы уразумѣвать дальнѣйшія судьбы Пушкина. Не подлежит сомнѣнію, что поэтический дар его, вмѣстѣ с его чудесной прозорливостью, возрастал, насколько он мог еще возрастать, до самаго конца его дней. Какого-либо ослабленія или упадка в Пушкинѣ, как писателя, нельзя усмотрѣть. Однако, остается открытым вопрос, можно-ли видѣть в нем то духовное возрастаніе, ту растущую напряженность духа, которых естественно было бы ожидать, послѣ 20-ых годов, на протяжении 30-ых годов его жизни? Не преобладает ли здѣсь мастерство над духовной напряженностью, искусство над пророчесственностью? Не чувствуется ли здѣсь скорѣе нѣкоторое духовное изнеможеніе, в котором находящійся во цвѣтѣ сил поэт желал бы скрыться в заоблачную келью, хотя и «в сосѣдство Бога», а сердце, которое умѣло хотѣть «жить, чтобы мыслить и страдать», просит «покою и воли», — «давно усталый раб замыслил я побѣг»¹¹⁾?

¹¹⁾ Правда, почти одновременно с этим стоном поэт хочет увѣрить себя:

Эту тонкую, почти неуловимую переменѣну в Пушкинѣ мы хотим понять, чтобы и в этом также от него научиться.

Можно без конца надрываться в обличеніях среды, в которой вращался Пушкин. И тѣм не менѣе, всего этого недостаточно, чтобы объяснить то духовное его изнеможеніе, которое явственно обозначается у него с 30-ых годов. Что же именно произошло с ним самим, в его свободѣ, в его духѣ, от всего внѣшняго отвлекаясь, хотя бы его и учитывая? Неужели же та самая Россія, которая могла породить и вскормить Пушкина, с извѣстнаго времени оказалась способна его только удушать и, наконец, погубить?¹²⁾

5.

В «полдень» жизни Пушкин, послѣ рапущенности бурной юности, испытывает потребность семейнаго уюта: «мой идеал теперь хозяйка, да шей горшок да сам большой». Однако, выполнить эту «фламандскую» программу жизни для вовсе не фламандскаго поэта было не так просто, чтобы не сказать невозможно, как невозможно было бы это для его «Бѣднаго Рыцаря», опаленнаго видѣніем нездѣшней красоты. Именно трагедія красоты, являемой в образах женской прелести, как раз подстерегала Пушкина на его фламандских путях. Земная красота трагична, и страсть к ней в земных воплощеніях таит трагедію и смерть. Афродита и Гадес — одно: это знали еще древніе. И само откровеніе о любви также свидѣтельствует: «крѣпка как смерть любовь, и как прѣисподняя ревность» (Пѣснь Пѣсней). И Пушкину суждено было сго-

---

О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жить люблю,
Душа не вовсе охладѣла
Утратив молодость свою.

¹²⁾ Дѣйствительно, Пушкин однажды обмолвился в письмѣ к женѣ (уже в 1836 году): «...догадало меня родиться в Россіи с душой и талаптом». Однако, это есть стон изнеможенія от своей жизни, но не выраженіе его основного чувства к родикѣ, его почвенности.

рѣть на этом огнѣ. Однако, первоначально узел трагедіи завязывается в идилліи: Пушкин пытается свить себѣ семейное гнѣздо. Отнынѣ судьба его опредѣлилась встрѣчей с красавицей Гончаровой. Он пережил эту встрѣчу (послѣ других «видѣній чистой красоты») еще раз, как явленіе «святыни красоты»¹³⁾, облечавшей однако довольно прозаическую посредственность. Пушкин в ослѣпленіи влюбленности называл ее даже и «мадонной», явно смѣшивая и отождествляя внѣшнюю красоту и духовную святость. Однако, она одинаково не оказалась ни «хозяйкой», потому что этому мѣшало ея призваніе быть царицей балов, ни музой (извѣстно ея равнодушіе к творчеству Пушкина). Однако, именно красота сдѣлалась для него узами всяческаго рабства¹⁴⁾. Его удѣлом было искать денег во что бы то ни стало на туалеты жены и свѣтскую жизнь. Нельзя не чувствовать жгучей боли перед этой картиной жизни Пушкина, который до извѣстной степени и сам погружался в эту пустоту свѣтской жизни¹⁵⁾. И, конечно, не в ничтожном Дантесѣ или в ко-

¹³⁾ «В альбом красавицъ» обычно относится именно к Н. Н. Гончаровой. Правда, единственный автограф этого стихотворенія, найденный в 1930 г., оказался вырванным из альбома другой красавицы, гр. Е. М. Завадовской, но это не имѣет рѣшающаго значенія для вопроса об его первоначальном назначеніи и посвященіи.

¹⁴⁾ Пушкин увѣряет самого себя в письмѣ к женѣ (уже в 1832 г.): «никогда я не думал упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебѣ жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив». (Этому утвержденію совершенно не соответствуют фактическія обстоятельства, сопровождавшія его женитьбу: Пушкин и тогда уже сравнительно легко утѣшался в своих неудачах). «Но — продолжает поэт — я не должен был вступать на службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. ...Теперь они смотрят на меня как холопа. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушія, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни».

¹⁵⁾ Гоголь жалуется Данилевскому: «Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, как только на балах. Так он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай или болѣе необходимость не зашатат его в деревню». Мы видим, как Пушкин время от времени порывался выйти в отставку, сбросить цѣпи, уѣхать, и когда это случилось, его в деревенском уединеніи посѣщало вдохновеніе. Но это

варном Геккеренѣ, которые явились орудіем его рока, надо видѣть истинную причину гибели Пушкина, а во всем этом пути жизни, на который поставлен он был послѣ женитьбы. Он не есть ни путь поэта, ни тайновидца міра. В концѣ своего жизненнаго пути Пушкин задыхался и искал смерти, и это толкало его к гибели на дуэли. Раньше Дантеса и Геккерена он вызывал в 1836 году на дуэль своего друга графа Соллогуба и близок был к тому же относительно князя Репнина. Овладевавшее им отчаяніе нашло в домогательствах и интригах обоих Геккеренов болѣе естественный и как будто оправданный исход. Но эта встрѣча (вмѣстѣ с анонимными письмами и дипломом) является все-таки второстепенной и сравнительно случайной. Рѣшающим было то, что так жить Пушкин не мог, и такая его жизнь неизбежно должна была кончиться катастрофой. Скорѣе нужно удивляться тому, как еще долго мог он выносить эту жизнь, состоящую из безконечной серіи балов, исканія денег, придворной суеты. Здѣсь, конечно, не слѣдует умалять, — как не слѣдует и преувеличивать — раздражающаго дѣйствія правительственнаго надзора, безсмыслія цензуры, неволи камер-юнкерства. Пушкина спасал лишь его чудесный поэтический дар: Михайловскія роши пѣяли въ немъ

...уже

Усталаго пришельца. Я еще был молод, но судьба
Меня борьбой неравной истомила.
Я был один. Врага я видѣл в каждом,
Измѣнника — в товарищѣ минутном,
И бурныя кипѣли в сердцѣ чувства,
И ненависть, и греза мести блѣдной.
Но здѣсь меня таинственным щитом
Прощеніе святое осынило,
Поэзія, как Ангел утѣшитель,
Спасла меня.

желаніе неизбежно разбивалось о разнаго рода препятствія, которыя оказались непреодолимыми для Пушкина.

По свидѣтельству друзей, Пушкин почти наканунѣ дуэли был исполнен особаго религіознаго вродновенія, он говорил о путях Провидѣнія, о благоволеніи. Но это были свѣтоносныя моліи во мракѣ его собственной неудачнической жизни.

Что же произошло в судьбѣ Пушкина, как создалась эта безысходность в жизни того, кому дано было животворить? Мы можем сейчас почти с фотографической точностью изобразить внѣшній ход событій со всей их роковой неизбѣжностью и далѣе — соотвѣтственно личным взглядам — заклеить с наибольшей силой: свѣт, двор, царя, жену Пушкина. Но в духовной жизни внѣшняя принудительность имѣет не абсолютную, а лишь относительную силу: нѣтъ желѣзнаго рока, а есть духовная судьба, в которой послѣдовательно развертываются и осуществляются внутреннія самоопредѣленія. И в этом смыслѣ судьба Пушкина есть, прежде всего, его собственное дѣло. Отвергнуть это, значит совершенно лишитъ его самого отвѣтственнаго дара, — свободы, превратив его судьбу в игральнице внѣшних событій. Над свободой Пушкина до конца не властны были одинаково ни Бенкендорфская полиція, ни мнѣніе свѣта, ни двор. И так, рѣчь идет о том, что именно происходило в душѣ самого Пушкина?

Смерть на дуэли не явилась неожиданной случайностью в жизни Пушкина. Напротив, призрак ея, как нѣкій рок, как навязчивая идея, преслѣдовал его воображеніе. Он как будто заранѣе переживал ее в творческом воображеніи, уже в Евгениі Онѣгинѣ (послѣ убійства Ленскаго, «окрававленная тѣнь ему являлась каждый день»), и даже как будто наперед произносил суд над собой¹⁴⁾. Также томило

14) Вот этот суд:

(Онѣгин) был должен оказать себя
Не мячиком предубѣжденій,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и умом.

его и предчувствіе скорой смерти, которой он одновременно и ждал, и вмѣстѣ по язычески отвращался. Достигал он в поэтическом воображеніи заранѣе и муки ревности¹⁷⁾. Противник Пушкина был настолько его недостоин, что нужно говорить не о нем, а о том вулканѣ страсти, который бушевал в сердцѣ поэта и искал изверженія. В этом совершалась судьба Пушкина, как трагедія красоты. На крыльях ея был он вознесен на высоту, но служитель красоты нездѣшней оказался в цѣпях неволи красоты земной. И эта неволя как будто заглушила в нем слышанное в пустынѣ, потеряна была дорога жизни.

...всѣ дороги занесло
Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать нам!
В полѣ бѣс нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Что же случилось, помимо пошлых дипломов и паквилей, ухаживаній Дантеса, сужденій свѣта и пр., —

Но шопот, хохотня глупцов,
И вот общественное мнѣніе,
Пружина чести, наш кумир,
И вот на чем вертится мір.

(Евг. Онѣг., гл. 6, стр. 11).

17) Трудно сказать об этом что либо болѣе сильное, нежели им самим сказано. (Евг. Онѣг., гл. 6, стр. 15):

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болѣзнь так точно, как чума,
Как червѣй сплин, как лихорадка,
Как поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣет
Она свой жар, свой бред имѣет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Бог, друзья мои,
Мучительнѣй нѣтъ в мірѣ казни
Ея терзаній роковых.
Повѣрьте мнѣ, кто вынес их,
Тот уж, конечно, без боязни
Взойдет на пламенный костер,
Иль шею склонит под топор.

гдѣ произошел надлом жизни, отклоненіе ея пути от собственной траекторіи?

Когда Пушкин встрѣтил свою будущую жену, она была 16-лѣтней дѣвочкой. Он плѣнился ея красотой, которая заставила снова зазвенѣть струны его лиры и всколыхнула глубочайшій слой его души. Он созерцал ея, благоговѣя «богомольно пред святыней красоты», о ней он писал: «Творец тебя послал, моя Мадонна, чистѣйшей прелести чистѣйшій образец». Она стала грезой его вдохновенія. Но эта красота была только красотой, формой без содержанія, обманчивым осіяніем.

Не будь Гончарова красавицей, Пушкин прошел бы мимо, ея просто не замѣтив. Но теперь он сдѣлался невольником — уже не красоты, а Натальи Гончаровой. Это было первое трагическое противорѣчіе, влекущее к трагической гибели Пушкина. Достоевскій говорит о соблазнительном смѣшеніи мадонны и вены под покровом красоты. Здѣсь же соединились «мадонна» и фрейлина петербургскаго двора, свѣтская дама с обывательской психологіей. И кромѣ того, Пушкин вступил в брак с предметом своего поэтическаго поклоненія, желая в то же время получить в ней «хозяйку» и жену. В Пушкинѣ, в свое время отдавшем полную дань безпутству молодости, теперь пробудился отец и семьянин (хотя, впрочем, отнюдь не безупречный). Письма его к женѣ исполнены семейственных чувств и забот, дают тому трогательное свидѣтельство. Но всеобщее поклоненіе женѣ Пушкина было отнюдь не «богомольным благоговѣніем пред святыней красоты», а обычным волокитством, получившим для себя наиболѣе яркое выраженіе в образѣ Дантеса. Собственное же «благоговѣніе», или поэтическое созерцаніе красоты в Пушкинѣ превратилось в изступленную ревность, настоящее безуміе страсти. Этот, сначала под пеплом тлѣющій огонь, затѣм бурно вспыхнувшее пламя, мы мучительно наблюдаем в послѣдніе годы жизни Пушкина. Время от времени невольник хочет сбросить с себя эти цѣпи, вырваться из заколдованнаго круга петербургскаго дво-

ра, уѣхать в деревню¹⁸⁾, но эти порывы остаются безсильны: двор, жена, обстоятельства его не отпускают, да и сохранилась ли к тому достаточно твердая воля, не разслабленная неволей? Пушкин спасается в творчествѣ, пророк ищет себѣ убѣжища в поэтѣ. Поэтическій дар Пушкина не ослабѣвает. Правда, он уже не достигает тѣх духовных восхожденій, к которым призывался пророк. Пророческое творчество в нем, извнѣ столь «аполлиническое», уживается с мрачными безднами трагическаго діонисизма, существованіем д в у х планов, в которых творчество продолжает свою жизнь преимущественно как писательство. Для многих писателей, если не для большинства, такая двупланность является удовлетворяющим жизненным исходом, духовным обывательством, увенчиваемым музой. Так для многих, но не для Пушкина. Ибо Пушкин был Пушкин, и его жизнь не могла и не должна была благополучно вмѣщаться в двух раздѣльных планах. Расплавленная лава страсти легко разрывает тонкую кору призрачнаго аполинизма, начинается изверженіе.

Совершилось смѣщеніе духовнаго центра. Равновѣсіе, необходимое для творчества, было утрачено, и эта утрата лишь прикрывалась его желѣзным самообладаніем. Духовный источник творчества изсякал, несмотря на то, что в его распоряженіи оставалась всѣ художественныя средства его поэтическаго дара, вся палитра красок. Дойдя до роковой черты барьера, он стал перед жребіем: убив, или быть убитым. Конечно, Пушкин, если бы рок судил ему стать убійцей, оказался бы выше своего Онѣгина, и никогда бы не смог позабыть это и опуститься до его духовной пустоты. Во всяком случаѣ, за этой гранью все равно должна начаться для него новая жизнь с уничтоженіем двух планов, с торжеством одного, того высшаго плана, к которому был он призван «в пустынь».

Является превышающим человѣческое вѣдѣніе судить,

¹⁸⁾ Послѣ стихотворенія «Пора, мой друг, пора», читаем приписку: «о, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню! Поля, сад, крестыяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь. Религія, смерть».

доступно ли было для души Пушкина новое рождение на путях жизни. Но Промысл Божий судил иначе: этим новым рождением для него явилась смерть, и путь к нему шел через врата смерти. Трагическая гибель явилась катарсисом в его трагической жизни, очищенная и свободная вознеслась душа Пушкина. Вне этого трагического смысла смерть Пушкина была бы недостойна его жизни и творчества, явилась бы подлинно величайшей бессмыслицей, или случайностью. И лишь этот спасительный катарсис исполняет ее трагическим и величественным смыслом, который дано было ему явить на смертном одре в великих предсмертных страданиях. Ими он покупал утраченную им свободу, освобождался от земного плена, восходя в обитель Вѣчной Красоты.

6.

В трагедии Пушкина обнаружилась вся недостаточность для жизни только одной поэзии, ибо писатель, даже гениальный, еще не исчерпывает и не определяет собой человека. В истории дуэли и смерти Пушкина мы наблюдаем два чередующихся образа: разъяренного льва, который может быть даже прекрасен, а вместе и страшен в царственной львиности своей природы, и просвѣтленного христианина, безропотно и умирно отходящего в покой свой.

Этот образ сохранен для нас Жуковским, вместе с другими свидетелями смерти Пушкина. Свидѣтельство Жуковского убедительно одинаково как положительными чертами, так и отсутствием диссонансов, даже если допустить известную стилизацию. Этого нельзя выдумать и сочинить даже Жуковскому. В умирающем Пушкине отступает все то, что было присуще ему накануне дуэли. Происходит явное преображение его духовного лица, — духовное чудо. Из-под почернѣвшего внешнего слоя просвѣтляется «обновленный» лик, свѣтоносный образ Пушкина, всепрощающий, незлобивый, с мужественной покорностью смотрящий в лицо смерти, достигающий того духовного мира, который был им утрачен в страсти. Запо-

вѣдь: любите враги ваши — стала для него доступной. Он примирился, простил врагов, крови которых он только что жаждал. Простая дѣтская вѣра в Бога и в Его милосердие, столь свойственная свѣтлой дѣтскости его духа, озаряет его своим миром. Приняв напутствие церковное, он благословляет семью, прощается с друзьями и безропотно и безстрашно отстрадывает послѣдние часы. Мы можем опознать как бы отдѣльные моменты в этой геосиманской ночи, различить наступавшие ее свершения в этих тѣлесных страданиях смертной тоскѣ, таившей страшную муку раскаяния и ужаса перед содѣянным. Но все это было побѣждено христианским довѣріем к Промыслу: да будет воля Твоя! На смертном одре поэт-христианин в молчании своем снова поднимается до просвѣтления пророка, через смерть восходя к духовному воскресению...

Земная жизнь уже закончилась на дуэли. Наступил лишь краткій, но рѣшительный эпилог, в котором в священном молчании изжито было ее содержание, подведены итоги. Часы и минуты переживались как годы. Спадали ветхой чешуей чуждые краски, утихали страсти, от спасительного взрыва обнажалась первоизданная стихия.

«...Я долго смотрѣл один ему в лицо послѣ смерти (пишет Жуковский). Никогда на этом лицѣ я не видѣл ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Это было не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу. Это не было также выражение поэтическое. Нѣтъ! какая-то глубокая удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видѣние, на какое то полное, глубокое удовлетворенное знание... В эту минуту, можно сказать, я видѣл самую смерть, божественно тайную смерть без покрывала».

Кончина Пушкина озарена потусторонним свѣтом. Она является разрѣшительным аккордом в его духовной трагедии, есть ее катарсис. Он представляется достойным завершением жизни великого поэта и в этом смыслѣ как бы его апоэозом.

Прот. С. Булгаков.

Христiанство и революцiя

Христiанское сознание и христiанская совѣсть поставлены перед революцiей, как неотвратимой реальностью. Некуда уйти от этой реальности и нельзя уклониться от своего суждения о ней. Наступил час выбора, и к нему призываются и тѣ, которые причисляют себя к натурам созерцательным. Не поможет тут и монашески-аскетическое понимание христiанства. Определѣние своего отношенiя к происходящей в мiрѣ революцiи требует большаго аскетизма, чѣм аскетизм монашеской жизни, далекой от волнений мiра. Иногда совѣсть повелѣвает аскетическое воздержанiе от аскетически-монашескаго пути. Таков историческiй час, когда исторiя своей массивной силой вторгается в личную судьбу. Нельзя закрывать себѣ глаз на тот факт, что мы поставлены перед происходящей мировой революцiей, перед крушенiем старых обществ и типов цивилизаций, перед радикальным социальным переустройством. Революцiя эта принимает разныя формы и может быть неопредѣленно длительной. Революцiей нужно называть не только однократное событiе в определеннiй год исторiи, когда происходит возстанiе, сверженiе власти, уличная борьба, когда льется кровь и сажают в тюрьмы, напримѣр, в 1789 году во Францiи или в 1917 году в Россiи. Революцiя есть изменѣние принципов, на которых покоится общество. Революцiя есть не только политическiй и социальнiй феномен, это также феномен духовнiй, имѣющiй религиознiй смысл. Так должны болѣе всего думать христiане. Революцiя есть обличенiе реальностей в их наготѣ, сбрасыванiе обманчивых покровов. Революцiя всегда свидѣтельствует о том, что цѣнности и святiны перестали быть реальностями, что в них нѣтъ уже подлинности и искренности, как сказал бы

Карлейль, что произошло изолганiе, что нѣкогда бывшее священным стало условно-риторическим. Духовное состоянiе старых режимов опредѣляет фатальность революцiй. Из духовных цѣнностей было сдѣлано отвратительное употребленiе, ими защищали неправду и прикрывали корыстныя интересы. И духовныя цѣнности стали ненавидимы тѣм, которые от их дурнаго употребленiя страдали. Революцiя есть суд и наказанiе. И это не только человѣческiй суд, но и суд Божiй. И если суд этот принимает отвратительныя формы злобной мести, то виновата в этом человѣческая грѣховная страстность, и вину эту должны на себя принять обѣ стороны, не только тѣ, которые мстят, но и тѣ, которые довели до этой мстительности. В революцiи всегда есть момент эсхатологическiй, момент близкiй к концу всѣх вещей. И этот эсхатологическiй момент выражается в двойной формѣ — и в формѣ гибели стараго мiра и в формѣ мечты о новой, прекрасной жизни. Но и гибель оказывается не окончательной, разрушенiе прекращается, и новая, прекрасная жизнь не наступает. Торжествует среднiй человек и его потребность в устройении. Час страшнаго, окончательнаго суда еще не наступает. Болѣе всего, казалось бы, христiане должны признать, что революцiя есть суд над неправдой мiра, и что суд этот имѣет религиознiй смысл. Признанiе этого совсем не означает, что революцiи нам кажутся прекрасными, что мы не увидим их безобразiй. Революцiи всегда означают, что люди не хотѣли исполнить Божьей заповѣди и прежде всего искать Царства Божьяго и правды его. И Царства Божьяго ищут на путях, на которых творится много новой неправды и обнаруживается много новой лжи. Революцiя есть болѣзнь, есть тяжкiй кризис старой болѣзни. И тѣ, которые виновны в развитiи этой болѣзни, менѣе всего могут осуждать формы, которыя принимает тяжкiй кризис болѣзни. Менѣе всего могут судить революцiю защитники стараго разрушающагося мiра, они не имѣют слова в этом событiи.

Болѣе всего нужно было бы предостеречь христiан от упрощеннаго отношенiя к революцiи, от слишком лег-

каго сужденія о ней, при котором христіане ставят себя в положеніе носителей и хранителей правды и святости. Революціи обыкновенно носят антирелигіозный и антихристіанскій характер, они отрицают Бога, отрицают дух, отрицают высшій смысл жизни. Такова французская революція, хотя она направлена была болѣе против католической церкви, чѣм против вѣры в Бога, такова в болѣе степени русская революція. Отсюда дѣлают выводы, что христіане просто должны отрицать революцію, не признавать в ней никакой правды, становиться на сторону контр-революціи. Но позволительно задать вопрос, были ли подлинно христіанскими старыя общества и государства, именовавшія себя христіанскими, не был ли христіанскій характер этих обществ и государств лишь условно-знаковым и риторическим, прикрывавшим реальности, в которых не было почти ничего христіанскаго? Я так и думаю. Недопустимо, и даже возмутительно считать генерала Франко представителем Христа в борьбѣ с Англихристом. Христіанам не подобает быть самодовольными. Реализація христіанской правды в жизни требует совсѣм иного и безмѣрно большаго. Смѣшно говорить о христіанском характерѣ тѣх обществ и государств, тѣх типов цивилизаціи, которые нынѣ рушатся и погибают в совершающейся міровой революціи. Христіане страшно запаздывают, инициатива выпала из их рук. Лишь в средніе вѣка она была в их руках. В вѣка же новой исторіи христіане проявили самый безсовѣстный конформизм, освящая любую неправду. Сколько неправды освящали христіане в исторіи — рабство и крѣпостное право, деспотическую власть, капитализм с эксплоатаціей человѣка человеком, обскурантизм, отрицаніе знанія и творчества культуры. Христіане не должны были бы допускать, чтобы безбожники осуществляли соціальную правду. И был лишь один способ не допускать этого: самим осуществлять эту соціальную правду, самим осуществлять ее без злобы и мести, без низверженія всѣх цѣнностей духа. Христіане не пробовали этого дѣлать и теперь расплачиваются за это. В Испаніи расплачиваются христіане за прошлое като-

личества, в Россіи расплачиваются за прошлое православія. Это не оправдывает и не освящает тѣх, которые становятся мстителями и палачами, но это лишает права судить с высоты своей правды тѣх христіан, которые виноваты в том, что создали мстителей и палачей. В Мексикѣ 65% земли принадлежало католической церкви, протестантизм же являлся в образѣ американскаго капитализма. Вопрос о христіанской истинѣ был затемнен. Перед лицом происходящаго христіанам подобает не только судить и осуждать, но прежде всего каяться, признать свою вину и грѣхи.

В мірѣ сейчас образуется антикоммунистическій фронт. И я думаю, что духовно нужно бороться против коммунизма, как против рабства человѣка. Но антикоммунистическій фронт двусмыслен. Он слишком часто означает не защиту Бога, а защиту своей собственности и привилегій, и трудно отличить, что относится к Богу, а что относится к собственности. В этой борьбѣ нѣтъ чистоты, и она не может импонировать. На этой почвѣ возможно даже новое опредѣленіе Бога — Бог есть могущественное существо, которое может охранить мою собственность и мои привилегіи. Этим очень пользуются коммунисты, это дает сильные аргументы в их пользу. Христіанство никак, казалось бы, не может защищать феодальной или капиталистической собственности, которая совсѣм не есть личная собственность и направлена на угнетеніе личности. Такая неограниченная собственность, не связанная ни с какими личными достоинствами, дѣлается могущественным орудіем эксплоатаціи слабых и неимущих. Единственная собственность, которая допустима для христіанской совѣсти, есть собственность дѣйствительно личная, трудовая, которая не может быть превращена в орудіе эксплоатаціи ближних. В извѣстном смыслѣ только личная собственность и допустима и недопустима анонимная собственность. Христіане должны сдѣлать выбор в происходящей в мірѣ борьбѣ. Они должны имѣть свои оцѣнки, из своей внутренней и вѣчной правды. Между тѣм как оцѣнки христіан слишком часто опредѣляются соціальны-

ми впливнями и интересами. Христiанство было слишком соціально в дурном смыслѣ слова, в смыслѣ отрицанiя своей собственной духовной свободы.

Христiане должны сдѣлать выбор, но иногда выбор, который им предлагают, бывает ложен. Нельзя отвѣчать на вопрос, который вы считаете по существу невѣрно поставленным и даже нелѣпым. Таков выбор, с которым сейчас пристают с ножом к горлу: фашизм или коммунизм. Мир хотят раздѣлить на двѣ части, на два лагеря — фашизм и коммунизм, и сгруппировать борющiяся силы вокруг этих двух лагерей. Чтобы избѣжать фашизма, нам предлагают быть за коммунизм, чтобы избѣжать коммунизма нам предлагают быть за фашизм. Если вы против коммунизма, то вы тѣм самым фашист, если вы против фашизма, то вы тѣм самым коммунист. Не будем говорить уже о том, что двучленное дѣленiе мира ложно и обыкновенно означает полную потерю интереса к истинѣ и правдѣ, это дѣленiе исключительно военное. Но в данном случаѣ предлагаемый нам выбор нелѣп уж потому, что перед лицом исповѣдуемой нами истины фашизм и коммунизм до поразительности похожи друг на друга. Если я являюсь защитником свободы духа и хочу за нее бороться, то нелѣпо было бы мнѣ выбирать между двумя формами отрицанiя свободы духа и порабощенiя духа. Если я являюсь защитником верховной цѣнности человеческой личности и хочу за нее бороться, то нелѣпо выбирать между двумя формами отрицанiя человеческой личности и порабощенiя ее. Мой отказ от выбора между фашизмом и коммунизмом ни в коем случаѣ не может также означать защиты буржуазнаго либерализма и разлагающагося капиталистическаго строя, ибо я вижу в буржуазно-капиталистическом мирѣ третью, уже торжествовавшую в прошлом форму отрицанiя свободы духа, реальной, а не формальной свободы, и достоинства, и цѣнности человеческой личности. Фашизм и коммунизм переходныя формы разложенiя стараго, изолгавшагося буржуазнаго мира, они стоят в отрицательной зависимости от капиталистическаго мира и наследуют его вражду к

духу и вражду к человечности. Это есть обобществленiе, коммунизация стараго зла, а не творчество новой жизни. Но при этом мы должны признать, что в коммунизмѣ есть бѣдшая соціальная правда, хотя и искаженная. На предлагаемый нам выбор между фашизмом и коммунизмом христiане должны отвѣтить, что они за персонализм, т. е. за революцію болѣе глубокую, чѣм фашизм и коммунизм, и еще не бывшую в исторiи, в исторiи соціальных отношенiй людей. Нельзя достаточно часто повторять, что христiанство персоналистично, что оно дорожит прежде всего человеком, человеческим лицом, его судьбой. Оно ставит человеческую личность выше царств мира, выше государств, націй, обществ, коллективов, классов, цивилизаций, оно не допускает пререщенiя относительных цѣнностей в идолы. Но христiанскiй персонализм должен имѣть свою соціальную проецію. Всякая человеческая личность имѣет право на жизнь, на труд, на реализацию в человеческом обществѣ заложенных в ней творческих сил. Поэтому христiанская совѣсть не может примириться ни с каким соціальным строем, в котором человеческая личность превращена в средство и орудiе, гдѣ унижается ее достоинство и она эксплуатируется, лишается возможности достойно жить в обществѣ. Личность не есть средство для могущества государства и нации, для экономического развитiя и возрастанiя богатства, для того или иного класса. Великая революция, которая должна совершиться въ мирѣ, есть прежде всего сверженiе кумиров, прекращенiе идолотворенiя, к которому так склонен человек. Христiане должны были бы призывать не столько к политической революции, сколько к революции против чудовищной власти политики над человеческой жизнью. Не только духовному, но даже экономическому должен принадлежать примат над политическим. Значительная часть политики, терзающей человеческую жизнь, не есть реальность, это призрачный и иллюзорный результат кипѣнiя страстей, человеческой корысти и ненависти. Тѣ, которые считают неприемлемой для человеческой совѣсти революцию, должны были бы послѣдовательно при-

знать неприемлемой политику вообще, которая всегда практикует ложь, обман и насилие. Революция возстает против лжи политики, в этом ее правда, но сама создает новую ложь политики. Революция не удастся довести политику до необходимого минимума. В этом трагедия революции. Трагедия деятелей революции в том, что они люди одержимые, т.-е. в них произошли существенные разрушения личности. Вот этой одержимости христианство не может принять.

Когда ставится мучительный вопрос об отношении христианства к революции, то вот что представляется центральным. Порвет ли христианство с буржуазно-капиталистическим миром, будет ли преодолен унижительный конформизм христиан, прекратит ли свое существование «буржуазное христианство» — явление, выраженное в этом чудовищном словосочетании? Возстанут ли христиане против власти денег над человеческой жизнью, признают ли, вернувшись к Христу, что символ «хлѣба» должен замѣнить символ «денег», правительство «хлѣба» замѣнит правительство «денег»? Этот вопрос с особенной остротой ставится для западного христианского мира, который был захвачен процессами, происходившими в вѣка повои истории. Положение русского христианского мира нѣсколько иное. Россія была до-капиталистической страной, в которой никогда не было сильно развитой буржуазии, никогда не господствовал буржуазный дух. Не даром народничество в разных формах, реакционных и революционных, было преобладающим направлением в Россіи. Конформизм в православии определялся не отношением к капиталистическому строю и буржуазным классам, а отношением к патриархальному строю, к патриархальной монархии, сакрализованной церковью, к старому сословному строю и связанному с ним быту, признанному органическим. Развития капитализма православное сознание скорѣе боялось, оно представлялось разрушительным, революционизирующим человеческий быт. Православное сознание вѣрило в существование вѣчнаго органическаго строя общества. Крушение монархии и стараго быта представлялось почти кон-

цом мира. Не мыслили себѣ возможности существования православной церкви без православнаго царя, без старых сословій, отношения между которыми понимались, как органически-патриархальные, без старых форм хозяйствования, без патриархальнаго деспотизма. Это как бы вывернутый наизнанку экономический материализм, ибо религиозная жизнь ставилась в зависимость от известных социальных и экономических форм. Признание революции христианами есть прежде всего признание положительнаго смысла крушения этого стараго мира. Никакого вѣчнаго органическаго социального строя не существует, всѣ социальные, экономическія и политическія формы — относительныя и преходящія, и духовная жизнь не может от них зависѣть. Дух должен господствовать над социальной средой, а не определяться ею. Никакія историческія тѣла, никакія социальные формы не могут быть сакрализованы. Христианство может признать священными духовныя основы человеческого общежитія — цѣнность личности, свободу, справедливость, любовь и милосердіе, труд, но не какія-либо формы государства и хозяйства. Признав правду социализма для нашей исторической эпохи, христианское сознание ни в какомъ случаѣ не может признать социализм, чѣм-то священным и вѣчным, его значение относительное. Христианин не может себѣ дѣлать никаких иллюзій, он должен быть реалистом, он знает, что совершенное общество не осуществимо в условиях нашей земной жизни. Но из этого христианскаго пессимизма, тоже относительнаго, а не абсолютнаго, никак не слѣдует, что не нужно стремиться к возможно большому совершенству, не нужно направлять свою активность на реализацию максимальной свободы, справедливости, человечности в устройении общества.

Христианскій персонализм в своей социальной проекции неизбежно должен осуждать классовое общество, как противорѣчащее достоинству человеческой личности. Менѣе всего, казалось бы, христиане должны осуждать в коммунизмѣ желаніе осуществить безклассовое общество. Наоборот, они должны осуждать в коммунизмѣ именно

то, что он создает новые классовые неравенства. Марксизм видит за человеческой личностью классы, как первичную реальность. Христианство же видит за классами человеческую личность, как первичную реальность. Это значит, что христианство радикально отрицает неправду классового строя общества и классовой точки зрения на жизнь, в то время, как марксизм отрицательно определяется этой классовой неправдой и вводит классовую точку зрения на жизнь с другого конца. Персонализм требует, чтобы всякая человеческая личность оценивалась не по своему классовому положению в обществе, а по своим достоинствам, по тому, что она есть, а не потому, что у нее есть. Идея равенства есть идея отрицательная и в конце концов пустая. Требующий равенства смотрит на соседа, а не на осуществление достоинства и не на достижение качества. Подлинное бытие всегда неравно и различно. Подлинной ценностью обладает не равенство, а человеческое достоинство каждого существа, его свобода, его творчество, его братское отношение к другим людям. Всегда будет большое неравенство между людьми, неравенство качеств, дарований, признаний. Это значит, что должны существовать реальные личные неравенства, именно личные, т.е. вытекающие из личной разнокачественности людей, а не из разнокачественности их социального положения, их происхождения, как в строе сословном, или их материальных средств, их собственности, как в строе классовом. Безклассовое общество должно быть понято не как нивелирование личности, а как реальное выявление разнокачественности личности, их качественной индивидуализации. Классы подавляют не только друг друга (дворяне крестьян, капиталисты рабочих), но и личность, подчиняя себя все суждения и оценки личности и о личности. Человек должен быть противопоставлен классу и власти «общаго». Это и есть величайшая положительная революция. Ни один человек не может быть признан униженным и отвергнутым вследствие своей принадлежности к классу. Классовая борьба в капиталистических обществах имеет право на существование, и полное отрицание ее до образо-

вания безклассового общества было бы лицемерием. Буржуазия все время ведет, если не открытую, то скрытую классовую борьбу. Но борьба против классового общества не должна духовно заражаться классовым духом и перестать считать людьми представителей враждебных классов. Персонализм не думает, что личность образуется и формируется исключительно социальной средой, и потому именно он может быть мирозерцанием и символикой в борьбе за безклассовое, подлинно человеческое общество. Если же личность есть целиком продукт социальной среды, то существует лишь классовый человек, и его победить нет возможности.

Христианство революционно, революционно прежде всего, конечно, в духовном смысле. Но духовная революция не может не иметь социальных последствий. Христианское откровение есть благая весть о Царстве Божьем, Царство же Божье есть переворот всего в мире. Сведение христианства к личному совершенствованию и личному спасению есть страшное сужение христианства и в конце концов его извращение. Изолирование личных актов, направленных на победу над грехом и на достижение личного спасения, от актов социальных, направленных на изменение общества и на достижение всеобщего, социального и даже космического спасения, есть невозможная абстракция и эгоизм. В строгом смысле слова личное спасение невозможно, спасаться можно только с другими людьми и с миром. И христианство, верное своему источнику, прежде всего означает несогласие на конформизм с окружающим миром, с состоянием мира, притягивающим вниз. Конформизм христиан, которым полна история, есть величайший позор в судьбе христианства. Всякий социальный строй, всякая власть сопровождалась благословением и освящением со стороны церковной иерархии. Освящали рабство и крепостное право, деспотическую власть, собственность, основанную на выжимании пота и крови людей. И этот безсовестный конформизм оправдывали смирением. Смирение и было понято, как конформизм, как покорность злу. Это и вызывает бурную реакцию против христианства, со-

здает тяжелыя ассоціаціи у угнетенных, страдающих от несправедливаго соціального строя. На почвѣ христіанства, которое было радикальным низверженіем фарисейства, ритуализма и лицемѣрія, пышно расцвѣли фарисейство, ритуализм и лицемѣріе. Производит впечатлѣніе лицемѣрія и отказ современных христіан допустить принужденіе и насиліе в борьбѣ, хотя часто тут никакого лицемѣрія нѣтъ. Безспорно, дух христіанства отличается от духа революціи прежде всего в отношеніи к средствам, а не цѣлям революціи. Христіанское сознание может допустить какія угодно, самыя радикальныя цѣли соціальной революціи, но с трудом может допустить средства, которыми пользуется революція. Христіанская совѣсть не может примириться с ненавистью, убійством, ложью, которыми полны революціи. Справедливое христіанское осужденіе революцій есть прежде всего осужденіе ненависти. Сейчас совершается міровая революція, и христіане должны признать неизбѣжность и справедливость этой революціи. Но в эту революціонную эпоху мір насыщен злобой, ненавистью и жаждой крови, и христіанская совѣсть не может с этим примириться. Современные христіане не рѣдко говорят, что они очень хотѣли бы болѣе справедливаго и человѣчнаго соціального строя, но не могут прибѣгать к насиліям для его осуществленія. И вот, несмотря на всю искренность этих заявленій христіан, враги христіанства имѣют очень выигрышный против них аргумент. Христіанам говорят, что они стали кроткими овечками, боятся насилій и крови, потому что потеряли власть в мірѣ, но когда они имѣли власть и управляли Европой, они совѣм не были кроткими, отлично совершали насилія и проливали кровь для осуществленія своих цѣлей. Преслѣдованія еретиков и инакомыслящих, костры инквизиціи, Варѣоломеевская ночь, религіозныя войны, освященіе имперіалистической воли к могуществу не свидѣтельствуют о слишком большой кротости христіан и боязни насилій и крови в осуществленіи своих цѣлей. На эту тяжелую для христіанской совѣсти ситуацію возможно возраженіе. Дѣло не только в том, что христіане потеряли

власть в современных государствах, и насилія совершают противники христіанства, дѣло в том, что происходит очистительный процесс в христіанском человѣчествѣ, христіане дѣйствительно дѣлаются лучше. Эта духовная революція происходит в христіанском мірѣ. Христіане как будто бы лучше и чище поняли вѣчную истину христіанства, согласно которой дороже всего человек, человек с его страданіями и радостями, со своей судьбой во времени и вѣчности выше обществ и государств. Это есть революція в установкѣ цѣнностей, но революція, которая требует измѣненія в отношеніи к средствам борьбы, которыми пользуются для осуществленія цѣлей, приближенія средств к цѣлям. И в этом все отличіе христіанской от нехристіанской революціи — христіанская революція не допускает обращенія с каким-либо человеком, как с простым средством, или с врагом, подлежащем истребленію, или как с камнем, нужным для построенія зданія новаго общества. Это и есть христіанскій персонализм. Он предполагает спиритуализацію и этизацію борьбы, излѣченіе от терзающей мір ненависти. Это не значит, конечно, что христіане должны становиться на точку зрѣнія толстовскаго непротивленія, что означало бы отказ от соціальной борьбы. Проблема оправданности насилія очень сложна. Психическое насиліе, которое может быть во всяком вліяніи человека на человека, бывает еще страшнѣе насилія физическаго. Всякое движеніе в мірѣ, всякая творческая активность личности, вторгающаяся в установленную систему міра, заключает в себѣ элемент насилія, воспринимается подвергающимися воздѣйствію частями міра, как принужденіе. Насиліем представляется всякое ограниченіе собственности. Вопрос не в том, чтобы избѣжать всякаго насилія, иногда оно необходимо, а в том, чтобы никогда не разсматривать ни одного человека, как простое средство и вещь.

Будущее христіанства зависит от того, признает ли оно, что в совершающейся революціи есть правда, хотя бы и искаженная, и станут ли христіане в происходящей борьбѣ на сторону трудящихся и угнетенных классов про-

тив классов привилегированных. Нет ничего более ложного и более фатального для христианства, чем борьба христиан против социальной стороны революции. Это делает борьбу подозрительной и двусмысленной. Но христиане не должны быть конформистами и в отношении к самой революции, как факту, приобретающему силу, в отношении к надвигающемуся социалистическому строю. Они должны бороться против ложного духа революции, против отрицания духа. Мирозерцание революционеров слишком часто бывает ложным, и им свойственна одержимость, разрушительная для личности. Было бы печально, если бы мир увидел еще новую форму конформизма христиан, конформизма в отношении к результатам социальной революции. Католическая церковь была с торжествующим дворянством, с торжествующей буржуазией и она, может быть, будет с торжествующими рабочими. Во всех этих случаях христианство не осталось верным себе и своей истине, оно санкционирует и освящает чужую истину или, вернее, чужую ложь. В действительности задача в том, чтобы утверждать революцию из глубины самой христианской правды. Это означает большое одухотворение борьбы, защиту высшей ценности человеческой личности против власти всякого класса, т.е. означает революцию во имя человеческой личности. Социальная революция сама по себе не может создать новой, лучшей жизни и новых, более человеческих отношений между людьми. Старый Адам вновь возстает и совершает безчинства. Похоть власти, жестокость, неуважение к достоинству человека являются в новых формах. Революции бывают перемной одежд, а не существенным изменением людей. Чтобы произошло и реальное улучшение и самих людей и отношений между людьми, а не только внешних социальных форм, нужно соединить революцию социальной с революцией духовной, которая всегда глубже социальной. Нужно, чтобы духовная революция признала необходимость социального переворота, а не оставалась равнодушной к социальным формам, и чтобы социальная революция признала необходимость духовного переворота,

защищала духовные ценности. Без соединения духовной и социальной борьбы не может быть достигнута даже относительная полнота человечности. Духоборческая революция оставляет во власти ненависти, дух ненависти будет единственным духом.

Христианское сознание должно признать правду социализма. Но социализм, которого хочет христианство, есть прежде всего социализм организованного сострадания, не сострадания так называемых добрых дел, которые сумели внушить к себе достаточное отвращение, а сострадания к человеку, как акта социального, изменяющего структуру общества. Концы всех революций бывает печальным. Революции не знают благодарности и благородства, они пожирают и истребляют своих сынов, своих излюбленных деятелей, они создают не то, что хотели и во имя чего приносили страшные жертвы. Это не значит, что революции не имеют смысла и не имеют никаких положительных результатов. Они призывают к активной жизни огромные слои народа, раньше угнетенные. Но порожденные роком, они подчиняются року в своих последствиях. В революции бывает момент, когда человек верит, что он может быть свободен и может подчинить себя рок и необходимость. Но рок и необходимость вновь тяжело ударяют по человеку. Враги войны делятся милитаристами, свободолюбцы создают тиранические формы власти, стремившиеся к равенству и братству людей создают новую форму неравенства. Судьба революций говорит не об отсутствии в них всякого смысла, а о греховности человеческой природы, об искажении человеком всякой правды, о непобедимости человеческих страстей, о необходимости конца этого падшего мира, чтобы осуществилось Царство Божье и правда Его. Социалистическое общество, вероятно, будет так же плохо, как плохи были все осуществления в истории, как плоха всякая объективация духа в истории. Социализм, наоборот, станет консервативной силой, против которой придется вести революционную борьбу. Но человек всегда должен осуществлять большую правду, большую справедливость, большую сво-

боду, більшу цінність людської життя, не рефлектируя над послѣдствіями, котрїя могут быти искажены силами зла. Христїанское сознание должно оставаться эсхатологическим, обращенным к всеразрушающему концу, котрый не может быти продуктом эволюціи. В этом вѣчная революціонность, а не реакціонность христїанства. И если христїанству присущ элемент пессимистическій в отношеніи к этому міру, то это должен быти пессимизм активный, а не пассивный. Человѣкъ должен бороться до конца, и нельзя уйти от борьбы. Консервативное христїанство было лишь одной из иллюзіи сознания, порожденной пассивностью духа, хотя бы эта пассивность принимала озлобленныя формы. Реальное, а не условно-символическое осуществление христїанской правды есть не консервирование міра, а его трансформирование, его творческое изменение, без котораго не может быти достойнаго конца міра, достойнаго отвѣта человѣка на Божій призыв.

Николай Бердяев.

Христїанин в революціи

Вокруг слова «революція» давно уже сгустилась атмосфера опасной двусмысленности. Еще марксисты злоупотребляли этим термином, понимая его то в социологическом, то в политическом смыслѣ. В наши дни эта двусмысленность перѣдко поражает в устах многих представителей христїанской молодежи на Западѣ. Здѣсь, особенно во Франціи, слово революція сейчас звучит обаятельно для людей доброй воли, которые хотят разрушить всѣ мосты между берегом «Новаго Града» и буржуазным обществом. Но тѣ же люди, которые заявляют себя революціонерами, желают предупредить гражданскую войну, све-

сти до minimum'a элемент насилия в переходный період, хотя и не считают возможным от насилия совершенно отказаться. Революція, говорят они, это не убійства, не казни, не грабежи, революція — положительное дѣло создания новаго общества. И однако в это же самое время в одной странѣ міра происходит революція, которая именно и означает убійства, казни, грабежи и порабощение народа — во имя создания новаго общества. Там заявляют, что других путей к будущему нѣтъ, что «революцію не дѣлают в бѣлых перчатках» (последнее безусловно вѣрно). Несомнѣнно, что коммунист и молодой католик (или англиканин) понимают революцію в разном смыслѣ. Но сходство имени и символики создают иллюзію душевной и духовной близости. Давно пора внести ясность в этот идейный и психологическій хаос. Наш русскій, и притом двойной опыт — борьбы с деспотизмом царской и революціонной власти — мог бы пригодиться для Запада. К сожалѣнію, національный опыт, как и личный, не передается чужестранцам, а русская революціонная молодежь, по односторонности и ограниченности своего (анти-большевистскаго) опыта, менѣе всего способна к объективности сужденія.

I.

Возьмем революцію в самом широком, социологическом смыслѣ слова. Революція — радикальный перелом, переворот отношеній, перестройка жизни, реконструкція. В болѣе органическом пониманіи — это обновление, возрождение, новая жизнь (*vita nova*). Всѣ говорят об индустриальной революціи в Англии, о революціи языка, совершенной Ломоносовым, а послѣ него Карамзиным, о революціи нравов, быта в новыя столѣтія исторіи. Но говорят также о революціи, внесенной в мір христїанством. Уже в этом словоупотребленіи можно почувствовать многообразіе оттѣнков: в революцію мы вкладываем то механической, то органической, то духовный смысл.

С другой стороны, всѣ эти «революціонные» процессы отличаются разной степенью остроты: и темпов раз-

вертывания во времени, и насильственности разрыва с прошлым. Существенным остается — радикальность обновления, новая жизнь, которая не хочет быть продолжением старой, но кончает с ней, чтобы устремиться в будущее. Возьмем, прежде всего, революцию в этом, самом общем смысле, в применении ко всем сферам культурной и социальной (не политической только) жизни, и спросим себя, каково отношение христианства к такой революции.

Отвѣт, мнѣ кажется, не допускает сомнѣній. Обновление, новая жизнь — суть понятія существенно христіанскія. Это античный міръ жил идеей совершеннаго круга, вѣчнаго возвращенія и покорности природным законам бытія. Христіанство, объявив войну природной жизни, — как зараженной грѣхом, зовет к совершенно новому, иноприродному порядку бытія: к Царству Божию. И на порогѣ этого царства встрѣчает требованіем покаянія: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божіе». «Покайтесь» — metanoeite — значит, перемените мысли, переродитесь духовно. «Рождение духом», о котором говорит евангелие от Иоанна, есть болѣе сильное, онтологическое, выраженіе того же факта. Обращенія великих святых — ап. Павла, Августина, стольких аскетов, отрекавшихся от міра, суть свидѣтельства духовной революціи, существенной для высшаго, благороднѣйшаго типа в христіанствѣ. Христіанская жизнь начинается с кризиса, но в кризисах она и протекает. Покаяніе не однократный акт, но состояніе перманентное. Власть грѣха не побѣждается в одном порывѣ, но требует все новых усилій, все новых отреченій. Ошибочно думать, что «обращеніе» не повторимо: что, вступив в Церковь или в монастырь, святой остается раз навсегда связанным непрерывностью закона, традиціи, новаго быта. Нѣтъ, власть грѣха сопровождает его и в новых условіях жизни; она оплотвѣвает в бытѣ и дѣлается тяжестью, гирями на крыльях души. Рождаются необходимость все новых разрывов, новых бѣгств: из одного монастыря в другой, из монастыря в пустыню, из пустыни или затвора в міръ. Это внѣшнія, видимыя черты разрывов. Им соотвѣтствуют духовныя революціи, перемѣны

путей. Эта христіанская направленность — вперед и выше! — выражена ап. Павлом в извѣстных словах: «Забытая заднее, простираюсь вперед» (Фил. 3, 13). Мы не упускаем из вида, конечно, что в христіанском отреченіи рвутся паразитарныя нити грѣха, а не ростки новой жизни — Царства Божія. В Царствѣ Божіем нѣтъ мѣста революціи. Оно уподобляется древу, растущему из сѣмени, или источнику, текущему в жизнь вѣчную. Говоря о жизни в Царствѣ, можно употреблять только органическіе образы. Но в обращенности к міру, эта же самая жизнь требует больших и малых отреченій, надрубов и разрывов. Она оставляет за собой кровотокащій слѣд.

Все это охотно признается для личной жизни, но, странное дѣло, когда заходит рѣчь о социальном обновленіи, христіане начинают пятиться, уклоняясь от отвѣтственности и борьбы, иной раз откровенно защищая социальный грѣх. Люди, лично безупречные и безкорыстные, выступают защитниками зла только потому что зло, существуя вѣка или тысячелѣтія, приобрѣло обаяніе традиціи. Византія, из всѣх христіанских культур, всего болѣе содѣйствовала освященію социальнаго зла. Она приняла без возраженій все социальное наслѣдіе языческаго міра и сообщила ему сакральное помазаніе. На тысячелѣтія в Греціи и на столѣтія в Россіи — с тѣх пор (XVI вѣк), как наша родина осознала себя наслѣдницей Византіи, под видом церковнаго преданія хранятся «гражданскіе законы» римской языческой имперіи. Таковы религіозные корни русскаго «черносотенства», из котораго до сих пор обозначился лишь один религіозный исход — в пустыню, в аскетическое равнодушіе ко всему міру Кесаря. Но такому исходу противостоит положительная социальная активность, благое христіанское противленіе злу — в древней, домосковской Руси и на средневѣковом Западѣ. А еще глубже в прошлом — социальная традиція ранняго христіанства и греческих отцов, мессіанская проповѣдь Спасителя и все, никогда не старѣющее содержаніе пророческаго откровенія Вѣтнаго Завѣта. Нѣтъ, откровенная религія в Израилѣ и в Новозавѣтной Церкви была со-

ціальної ранґе, чѣм стала личної; и Царство Божіе было прежде Царством народа Божія, чѣм Царством в душѣ челоуѣка.

Должно быть, наконец, установлено равновѣсіе между личной и соціальною этикою христіанства. Грѣшно потворствовать своей личной, духовно-тѣлесной природѣ; но столь же грѣшно склоняться перед природой общественной. Покаяніе обращено не только к личности, но и к обществу, націи, классу, к каждой соціальной группѣ. Покаяніе есть призыв к обновленію, к новой жизни — в обществѣ, как и в отдѣльной душѣ. Педагогическая постепенность роста, воспитаніе в добрѣ, на одном концѣ, — и реформизм, культурная эволюція на другом. Но ни воспитаніе, ни эволюція не исключают христіанской требовательности, жажды цѣлостнаго обновленія, не исключают и порываній к нему, моментов разрыва старых уз грѣха и бурнаго творчества новой жизни. Если называть это революціей, то отличіе христіанскаго и секулярнаго сознанія в отношеніи к революціи не в том, что первое болѣе консервативно, или умѣренно (вѣрнѣе, как раз наоборот), но в том, что рѣзкость христіанскаго отрицанія направлена на существующее зло, а не на критерій добра. Новый мір, долженствующій вырости из стараго, строится на вѣчных началах, заложенных в челоуѣческом духѣ и данных в откровеніи; а не на новых принципах, открытых вчера или сегодня Руссо, Марксом, Лениным. Наша традиціонность, наше уваженіе к Преданію, означает вѣрность традиціи добра, а не зла. Мы не зачинателя новаго міра, а работники в виноградникѣ Божіем, или воины в Его рати, связанные преемственностью поколѣній и единством животворящаго Духа. Христіанская переоцѣнка цѣнностей всегда относится к цѣностям относительным, и не посягает на абсолютныя Начала. Нам чужд всякій натурализм, или адамизм, желающій «начать с начала» — от звѣря или перваго челоуѣка. Нам чуждо и идолопоклонничество перед новым, как таковым. Новое зло, конечно, хуже стараго добра. Если же новое имѣет все-таки преимущество перед старым, то лишь в том, что зло прису-

щее, неизбежно, старому обличено и явно для всѣх, а зло, стремящееся родиться с новым, не ясно и не имѣет характера природной неизбежности. В принципѣ мы не за новое и не за старое, а за вѣчное. Но вѣчное не может иначе воплощаться во временном, как в вѣчном творчествѣ новых форм (закон временнаго бытія), в вѣчном обновленіи новых форм, если угодно, — в революціи.

II.

Это христіанское оправданіе революціи в ея самом общем духовно-соціальном смыслѣ нисколько не предрѣшает нашего отношенія к тому особому соціальному феномену, который называется в узком, политическом смыслѣ революціей. Но и здѣсь необходимы разграниченія. Есть революціи и революціи.

Отличительный характер политическаго (связаннаго с государством) сектора культуры — в его особо тяжелой обремененности грѣхом. В отличіе от многих высших (искусство) и низших (хозяйство) сфер культуры, гдѣ зло является паразитом, непредусмотрѣнной, хотя и неизбежной заразой, в политикѣ зло — в видѣ насилія — присуще самой ея природѣ. Это та сфера культуры, гдѣ зло обуздывается средствами зла. Такова трагедія падшаго челоуѣка, что он не волен уклониться от роковаго участія, хотя бы и пассивнаго, в политическом злѣ. И, если безспорно и право христіанское оправданіе государства и подчиненіе ему (Рим. 13 и Петр. 2), то столь же оправдано, хотя не рѣдко оспаривается, право христіанина на сопротивленіе государству. В силу того же закона грѣха, всякая власть способна к вырожденію, при котором забвеніе положительных ея цѣлей или имморализм средств начинают разлагать и отравлять общественную жизнь. Тогда возстаніе против тиранической или неправедной власти может стать долгом. Исторія полна примѣров славных и праведных возстаній: юный Давид, по волѣ Божіей, свергает помазанника Саула, Димитрій Донской и Пожарскій поднимаются против законных, хотя и

иноземных царей. Сколько современных наций обязаны самым своим государственным существованием революції против тиранической власти: Швейцарія, Голландія, Соединенные Штаты, Бельгія, Италия, Ирландія, Польша. В исторіи Россіи перевороты 1763 и 1801 г.г. начинают самую блестящую царствованія. Июльская революція (1830 г.) во Франціи дает спасительное и сравнительно легкое разрѣшеніе узлу, запутанному старой династіей. Для Англии ея безкровная «славная» революція 1888 г. начинает эру мирнаго и счастливаго политическаго развитія.

Но не о таких революціях — возстаніях, переворотах, освободительных войнах — идет рѣчь, когда в наше время ставится вопрос о правѣ христіанина участвовать в революціи. Революціи нашего времени отличаются особенной насильственностью и жестокостью борьбы. Для них гражданская война не случайный эпизод, а опредѣляющая форма, ибо движущим их началом является борьба классов. Их цѣлью является не смѣна правительств, или даже политическаго строя, а радикальная перестройка всей жизни. Их самосознаніе — максималистично. Онѣ ставят своей цѣлью выкорчевать с корнем все, что напоминает о ненавистном прошлом. Начать новую эру. Быть собственным предком. Первым человѣком на землѣ.

Революціи наших дней явно стремятся быть Великими, в том смыслѣ, в каком французская получила это имя. Французская революція долго была единственной в своем родѣ. Англійскую (Civil war) нельзя принимать в серьез. Она ничего не измѣнила ни в социальном, ни в духовном строѣ Англии. Послѣ Кромвеля жизнь возобновилась с той же точки, гдѣ ея преемство было порвано гражданской войной. Лишь русская революція была второй Великой. Что это значит? В чем «величіе» этих революцій?

Прежде всего, в объемѣ охваченных движеніем масс. Русская революція, в особенности, всколыхнула все медвѣжьи углы — вплоть до тайги, тундры и пустыни. Она вызвала самые низшіе слои масс на борьбу за новую жизнь.

Во-вторых, в ожесточенности борьбы, которую ведут не вожаки, не кланы интеллигенціи, но сам народ, на двое раздѣлившейся — брат на брата и сын на отца. Слѣдствием этого — необычайное звѣрство и «величіе» злодѣяній. Когда встает «Ахеронт», смывая все преграды религіи, морали, культуры, он не только страшен, он гнусен.

В-третьих, в глубине и мощности произведеннаго катаклизма. Вся жизнь перевернута до дна. Кажется, что все корни ея, уходящіе в историческую почву, перерѣзаны. Будущій историк покажет, конечно, переживаніе прошлаго в настоящем, намѣтит пунктирную линію преемственности. Но основное и самоочевидное впечатлѣніе — разрыва.

В-четвертых, в радикализмѣ доктринальнаго отрицанія. Чтобы произвести столь «великій» переворот, нужно имѣть мощный психологическій рычаг. Революціонное отрицаніе должно быть интегральным. Оно направлено одновременно на Бога, на царя и отечество, на дворянство, буржуазию, интеллигенцію и даже на кулачество, т.е. на само крестьянство, на собственность и быт, націю и семью, на мораль как таковую и на культуру, как буржуазную. Из всеобщаго потопа уцѣлѣло нѣсколько брошюр Маркса и Ленина. Извольте на этом построить новую жизнь. И опять-таки через 15-20 лѣт начнется реставрація разрушенных цѣнностей. Возстанавливается в своих правах родина, семья, культура и т. д. Но прочно ли новое зданіе? На каком фундаментѣ оно зиждется?

Из этой социальной феноменологіи «Великой» революціи вытекает, прежде всего, ея основной, принципиальный имморализм. Он выражается не только в апоѳеозѣ звѣрства, но, что еще хуже, во всеобщем рабствѣ и лжи. И рабство и ложь суть результаты торжества силы, неизбежнаго в итогѣ войны всех против всех. Великая революція, начинающаяся во имя свободы, кончается всеобщим порабощеніем. Люди, отрекшіеся от старой чести и совѣсти, не имѣют духовных сил сопротивленія. Ложь становится единственным способом спасти свою шкуру и устраивать свою личную жизнь на развалинах. Под при-

крытіем пустой и лживой фразы новый хищник старается обезпечить свою берлогу — в ожиданіи того времени, когда он сможет превратить ее в укрѣпленный замок новаго господствующаго класса.

Историк-оптимист, историк-гегельянец (а XIX вѣк знал почти исключительно таких) считает эту жертву революціоннаго поколѣнія неизбѣжным и оправданным выкупом за новую жизнь. Да, поколѣніе Робеспьера удобрило своей кровью и подлостью почву, на которой поднялась цвѣтущая нива Франціи. Все государственное и социальное зданіе новой Франціи создано революціей. На Франціи стоит остановиться. Русская революція еще не создала новой Россіи; будущее еще не видно отчетливо за пылью стройки. Франція единственная страна, на которой можно изучать механизм «великой» революціи.

Безспорно, что французское государство возсоздано революціей и, может быть, крѣпче, чѣм оно было при монархіи. Но уже здѣсь, в политической сферѣ, слѣдует отмѣтить, что механический, бездушный его характер — печать чиновничьяго централизма, лишь прикрытаго демократической мантией, является прямым наслѣдіем деспотизма и рационализма революціи (Наполеона). Социальный строй новой Франціи еще меньше удовлетворяет нас. Столь типичный для нея мелкій собственник — дѣйствительно, созданный революціей — обладает чертами, которыя давно уже сдѣлались преградой для всякаго социальнаго прогресса. Пресловутая жадность и эгоизм французскаго крестьянина, потерявшаго всякую интимную связь с матерью землей и ушедшаго в голое накопленіе, создало тип земледѣльца, неслыханный в исторіи міра. На нем, на этом носителѣ социальной пирамиды *par excellence*, наслаиваются другіе пласты стяжателей, рантье, торговцев, спекулянтов — среди которых производитель, настоящій «капитан индустріи», вовсе не является ведущей социальной фигурой. Паразитарность и анти-общественность составляют основу французскаго капитализма. Вы скажете, капитализма вообще. Нѣтъ, ибо в англо-саксонских странах или даже в старой Германіи ка-

питализм старался сочетать (с таким же относительным правом, как и феодальное дворянство) присущую ему жестокость эксплуатаціи с основами традиціонной морали: буржуазной честности, дисциплины и даже служенія общему благу. Отсюда нравственная крѣпость англо-саксонскаго общества, столь же, но по иному, буржуазнаго, как общество французское. Разница в том внутреннем, духовном опустошеніи, которое революція внесла в буржуазное сознание. Французскій стяжатель — безбожник, лишь иногда, в высших слоях, лицемерно прикрывающій свое безбожіе католической обрядностью. Для освобожденнаго, но духовно опустошеннаго сына «третьяго сословія» не осталось другого смысла жизни, как накопленіе да еще маленькія чувственныя удовольствія — стола и постели. Так на наших глазах, за XIX вѣк разлагается и гибнет один из прекраснѣйших національных характеров новаго человечества: народ Жанны д'Арк, народ Паскаля. Он еще, к счастью, не погиб, и силы сопротивленія не иссякли. Но этим сопротивленіем он обязан прежде всего тому, что побѣда Великой Революціи и ея міросозерцанія не была ни всеобщей ни безспорной. Преодоленіе зла, нанесеннаго ей, составляет содержаніе всей духовной культуры новой Франціи.

Но с этим преодоленіем связано новое зло. Революція не кончилась на почвѣ Франціи. Послѣ столѣтія баррикад и возстаній, послѣ насильственной смѣны стольких режимов, она продолжается в душах. Франція и понынѣ, как в концѣ XVIII вѣка, распадается на два стана, и главной основой раздѣленія является принятіе или отрицаніе революціоннаго наслѣдства. Политическія или социальныя программы лишь отдаленно связаны с этим наслѣдством. Оно чисто идеологическаго или даже теологическаго порядка. Реальныя программы имѣют очень мало значенія во французской политической жизни. Люди борются за идеи — или за призраки — точнѣе, против идей или призраков: против «революціи» или «реакціи», которым не соответствует почти ничего в реальной дѣйствительности. Отсюда безплодіе французской политики. Побѣда лѣвых

или правых выражается прежде всего в сведении личных счетов. Борются масоны против клерикалов, борются за Дрейфуса или против Стависсаго. В итогъ борьбы не мѣняется ничего. Франція продолжаетъ быть одной изъ самыхъ отсталыхъ странъ Европы. Но вся политическая атмосфера отравлена безпричинной ненавистью, корни которой восходятъ къ годамъ террора. Единство націи оказалось не возстановленнымъ.

Мы не знаемъ, исцѣлитъ ли когда-нибудь Франція свою незаживающую рану или до конца своей земной исторіи будетъ сочиться кровью. Во всякомъ случаѣ, ея судьба не дастъ никакихъ основаній для оптимистической исторіософіи «великихъ» революцій.

Въ противоположность марксистски-гегельянскимъ схемамъ, которыя видятъ въ революціи нормальное, закономѣрное явленіе общественной жизни, надо сказать: революція (т.-е. великая революція) есть не только катастрофа, но и тяжелая (излѣчимая ли?) болѣзнь націи. Она есть послѣдствіе соціальнаго склероза, при которомъ борьба классовъ и духовныхъ теченій не можетъ найти исхода въ относительно побѣдѣ новыхъ идей или въ добромъ компромиссѣ. Тогда происходитъ обвалъ всего общественнаго зданія. Механичность этого образа въ сущности заслоняетъ трагизмъ положенія. Обвалившееся зданіе можно выстроить на-ново и въ лучшемъ стилѣ. Но можно ли излѣчить склерозъ или ракъ? Намъ не извѣстны законы соціальной патологіи, но опытъ показываетъ, что революція есть не радикальное средство отъ болѣзни (ignis sanans), но лишь обостренная форма теченія болѣзни. Она ничего не разрѣшаетъ, а лишь углубляетъ болѣзненный процессъ, переводя его изъ сферы политической или соціальной — въ сферу духовную, гдѣ излеченіе его становится необычайно труднымъ и даже сомнительнымъ.

III.

Революція нашихъ дней имѣетъ одно коренное отличіе отъ всѣхъ прежде бывшихъ или даже чаемыхъ революцій. Оно заключается въ томъ, что это революція соціальная, или,

точнѣе, конструктивная. Она стремится не только къ разрушенію старой несправедливости, сколько къ построенію новаго общества. Ея соціальный (а не политическій) характеръ указываетъ на глубину и всесторонность переворота, которую она несетъ съ собой. Ея конструктивность — на перевѣсѣ положительныхъ моментовъ въ ней надъ отрицательными. Доселѣ революція ставила себѣ цѣлью освобожденіе, разрывъ цѣпей, снятіе устрѣльных формъ. Положительное творчество новой жизни предоставлялось органическимъ силамъ самой жизни. Государственное вмѣшательство сводилось къ минимуму. Весь смыслъ буржуазной, хотя бы «великой» революціи — въ освобожденіи личности и въ предоставленіи хозяйственной жизни игрѣ естественныхъ силъ. Оптимизмъ XVIII вѣка ручался за неизбѣжность гармоніи, возникающей изъ хаоса.

Теперь положеніе измѣнилось радикально. Революционеръ мечтаетъ не о свободѣ, а о «порядкѣ», конечно, новомъ, но все-таки порядкѣ: о рациональной организаціи всей жизни государственной властью. Не заключаетъ ли, въ этихъ условіяхъ, понятіе соціальной революціи внутренняго противорѣчія?

Мы думаемъ, что да. Революція, какъ политическій феноменъ — въ смыслѣ «великой» революціи — исключаетъ возможность соціальной реконструкціи — по крайней мѣрѣ, въ томъ демократическомъ и народолюбивомъ смыслѣ, въ какомъ творцы социализма опредѣляютъ его смыслъ. Мы думаемъ — и опытъ Россіи подтверждаетъ это апіорное убѣжденіе — что соціальная революція уничтожаетъ какъ разъ тѣ условія, матеріальнаго и духовнаго порядка, которыя необходимы для реконструкціи.

Условія матеріальныя. Въ гражданской войнѣ, неизбежно сопутствующей такой революціи, гибнутъ безъ счета вѣками накопленные матеріальныя цѣнности: заводы, машины, запасы сырья и хлѣба, необходимыя для возстановленія хозяйства. Въ нѣсколько лѣтъ общество опускается до самыхъ первобытныхъ, натуральныхъ условій хозяйствованія. Особенно тяжка утрата техническихъ навыковъ, обученныхъ «кадровъ», офицеровъ индустриальной арміи.

В условиях первобытной, звериной борьбы за существование может возникнуть новое крепостничество, новый феодализм или государственное рабство — скорее, чем социалистическое, т.е. общественное хозяйство.

Условия духовныя. Борьба за существование среди голодных людей, раздѣленных жесточайшей классовой ненавистью, приобретает неслыханную и в буржуазном обществе остроту. В этой обстановкѣ находит себя настоящее воплощеніе принцип: человек человеку волк. Только насилие может обуздать зверя и заставить его работать. Всякая возможность кооперации, товарищеского труда, социальной демократии разрушена заранее и надолго. Если в подобной обстановкѣ побѣдителем окажется государство, а не класс новых хищников (создателей нового феодализма), то это государство может быть только рабовладельческим. Сколь бы полно ни проводилась им национализация жизни и хозяйства, это не имѣет ничего общего с проблемой социальной реконструкции. Проблема именно заключалась в необычайно трудном и тонком сочетании свободы и необходимости, личного и общественного фактора производства. Нужно освободить трудящегося, а не закрепить его государству. Истинное освобождение возможно не сверху, а снизу, вернее сверху и снизу одновременно, как организация вольного сотрудничества в твердых рамках плана, созданных государством. Без наличия одной из посылок — вольного сотрудничества или плановой организации — социальная реконструкция невозможна. СССР не рѣшение, а провал, при всѣх возможных технических его достижениях. Ибо в СССР убиты самыя основы социалистической и даже вообще подлинной социальной жизни.

Если политическія проблемы допускают, а иногда требуют разрѣшенія мечом, то социальная проблема наших дней нуждается в социальном мирѣ, как единственной возможной атмосферѣ для ея рѣшенія. Социальная революція есть *contradictio in adjecto*.

Из всего сказаннаго вытекает непосредственно ряд императивов, опредѣляющих отношеніе христианина к революціи вообще и в частности к революціи нашего времени.

а) Прежде всего мы должны стремиться, всѣми силами, к постоянному и благому обновленію жизни: к повышенію справедливости, человечности, братства, свободы во всѣх человеческих отношеніях — в том числѣ общественных и государственных. Эта «оптимализация» жизни достигается, как улучшеніем человеческого матеріала или этического содержания, заполняющаго социальные формы, так и улучшеніем самих форм. Формы оказывают могущественное («формующее») влияніе — положительное или отрицательное — и на образование самой человеческой личности. Пренебреженіе к ним означает запущенность и дичаніе социальной культуры. Социальные формы, до известных предѣлов, допускают послѣдовательное, эволюционное усовершенствованіе. Старѣя и изживая себя окончательно, онѣ требуют замѣны их совершенно новыми основами социальной жизни. Органическая эпоха прерывается критической — эпохой радикальнаго обновленія, перестройки, революции. Мы живем именно в такое время. Работать в цѣлях полнаго обновленія жизни — и не в послѣдних, а в первых рядах строителей, — таков первый социальный долг христианина в эпоху подобную нашей. Укрываться в тылу или даже дѣлать общее дѣло с защитниками социального зла, под предлогом охраны преданій, значит предавать Христа и дѣло Его Церкви.

б) В выборѣ средств мы должны руководствоваться голосом христианской совѣсти. Не считать, что нравственный критерій непримѣним к государственному дѣлу, но и не мечтать, что, берясь за него, мы можем сохранить себя в полной чистотѣ от грѣха. Все, что мы можем, это стремиться (но серьезно) к минимализации грѣха. Насилие есть грѣх. Насилие революции, даже в ея ограниченной формѣ, как возстанія, переворота, есть тоже грѣх.

Рѣшиться на него слѣдует лишь в том случаѣ, когда можно сказать себѣ с чистой совѣстью, что всѣ мирныя, законныя средства исчерпаны; что тираническая и слѣпая власть не уйдет, пока не погубит вмѣстѣ с собой свой народ. Тогда христіанин обнажает меч. Но всегда для опредѣленной, ограниченной цѣли, и при том политической. Мечем не преобразуют мір, не строят новое общество. Мечем освобождаются от тиранов — и только.

в) Революція в интегральном политическом смыслѣ, как «великая» революція, раскалывающая весь народ в гражданской войнѣ, исключается из числа политических средств. Ея зло превосходит то зло, против котораго она направлена. На нее рассчитывать, на ней спекулировать, к ней призывать — преступленіе. Все сдѣлать, чтобы предотвратить ее — наш долг. Так как, начиная возстаніе, хотя бы строго ограниченное в цѣлях, никогда нельзя быть увѣренным, что оно не приведет к гражданской войнѣ, то это лишній раз обязывает к чрезвычайной осторожности в игрѣ с оружіем. Другой маленькій практический вывод: не злоупотреблять словом революція, обращаясь к массам. Не оставлять никаких сомнѣній в том смыслѣ, в каком мы употребляем это слово. Лучше совсѣм избѣгать его, чѣм вызывать предположеніе, что христіанин призывает к гражданской войнѣ.

г). Если революція разразилась, вопреки нашей воли и вопреки нашим усиліям предотвратить ее, то перед фактом гражданской войны христіанин свободен принять рѣшеніе — одно из рѣшеній, полных трагизма и не общающихся никакого соціальнаго удовлетворенія.

Первое из них и, быть может, самое естественное — воздержаніе от борьбы. Так как исход ея, каков бы он ни был, не сулит ничего добраго, то законно отказаться от участія в пролитіи крови и безчисленных преступленіях, связанных с гражданской войной. Здѣсь позволительно вспомнить, что общественная жизнь не совпадает с жизнью вообще, что есть много возможностей выполнить свой христіанскій долг и внѣ обязанностей гражданина: хотя бы, напримѣр, в дѣлах простой человѣчности, в Красном

Крестѣ при одной или обѣих арміях, в той простой жалости к человѣку, в которой он всего болѣе нуждается в эти страшные дни. Неизбѣжный минус этого воздержанія в том, что, устраняясь от гражданской войны, мы временно выходим из гражданского общества как такового и теряем непосредственное влияніе на судьбу націи. Не участвуя в войнѣ, мы не участвуем и в побѣдѣ, не сулящей, впрочем, никаких надежд.

Второе рѣшеніе — примкнуть к одной из воюющих сторон, в которой видят наименьшее зло (отнюдь не добро). Это рѣшеніе наиболѣе трагическое, потому что оно требует участія в несомнѣнных преступленіях ради пользы сомнительных. Очень часто баланс преимуществ «лѣвой» или «правой» побѣды колеблется. С ходом борьбы могут исчезнуть и тѣ небольшія преимущества, которыя обусловили наш выбор. Относительно выбора стана нельзя сказать почти ничего апріорно. Так сложна и неповторима всякая политическая обстановка. Говоря абстрактно, христіанину естественнѣе было бы стать в ряды бойцов революціи, поскольку обновленіе жизни болѣе согласно с христіанской этикой, чѣм ея стабилизациія. Но все зависит от характера этого грядущаго «обновленія», т.-е. от программы, міросозерцанія и духа борющихся сил. Выбор фронта может, наконец, диктоваться не идейным самоопредѣленіем, а кровной близостью — товарищества, класса, среды. Умереть со своими и за своих, раздѣлить общую судьбу — это один из достойных видов смерти. Хуже — остаться живым и среди побѣдителей. Для христіанина это значит — всегда идти против теченія, умѣрять проснувшіяся страсти, напоминать о состраданіи к врагам, предупреждать о долгѣ — словом, оказаться в числѣ «внутренних врагов» и стать предметом ненависти для своих же товарищей по оружію.

Третье рѣшеніе — самое героическое и бесплодно: образовать свой собственный «чистый» фронт подлинно бѣлых рыцарей справедливости, без всякой надежды на успѣх и побѣду. Это значит обречь себя гибели, но гибели славной, не на постели и не на эшафотѣ, а на полѣ бра-

ни против врага или врагов, непременно сильнѣйших. О таких героях національнаго освобожденія сложена нѣкогда итальянская пѣсня, сохраненная нам Герценом:

Eran trecenti, eran giovani e forti,
E sono morti.

Но у тѣх была хоть надежда на побѣду, на лучшее будущее своей родины. У нас, в пору «великой» революціи, не может быть никаких иллюзій. Кто бы ни побѣдил в борьбѣ, это будет торжеством злых сил. Людям доброй воли революціоннаго поколѣнія надолго предстоит печальная судьба: остракизма, изгнанія, внѣшняго или внутренняго исключенія из гражданской жизни своей родины.

Но и этот печальный исход не означает для христианина неизбѣжности социальнаго квістизма. Изгнаніе — внѣшнее или внутреннее — из государства не лишает всѣх средств моральнаго и даже политическаго вліянія. Мысль, слово — то же оружіе, и даже болѣе эффективное, чѣм пушки и пулеметы. Только результаты их сказываются не скоро. Это тактика дальняго прицѣла. Давно замѣчно, что времена реакціи часто оказываются самыми плодотворными в жизни идей. В эпоху внѣшняго бездѣйствія мысль работает с особой остротой и силой. Изгнаніе выковывает (если не разрушает их окончательно) духовныя силы. Весь XIX вѣкъ Франція в значительной мѣрѣ питалась запасом идей, выкованных в эмиграціи. Для русскаго XIX вѣка такой школой высокаго давленія была внутренняя эмиграція Николаевской Россіи. Школа эмиграціи, как и школа подполья, имѣет свои болѣзни. Бороться с ними — первый долг нравственной гигиены. Но мы можем быть увѣрены: мысль и слово, как молитва, не пропадают. Нѣтъ ничего невѣроятнаго в том, что иная мысль, выношенная годами трудовых скитаній по камням Парижа или бессонными ночами в его мансардах, опредѣлит на вѣка судьбу Россіи.

Г. Федотов.

Четвертая сила

1. Чѣм дальше уносит нас бурный поток событій от роковой даты, переломившей нашу жизнь, тѣм опредѣленнѣе и тверже растет убѣжденіе в невозвратности уходящаго. Старая жизнь распадается на наших глазах. Вездѣ кругом себя наблюдаем мы симптомы глубокаго разложенія. Налаженная гармонія европейской жизни превращается в хаос. Войны, революціи и кризисы сломали тонкій механизм старой жизни, и никакими средствами, никакой волшебной силой нельзя его вновь пустить в ход.

Переживаемый нами кризис порожден многообразными причинами и характеризуется многосторонностью проявленій. Это кризис всѣх основ жизни, кризис общаго дѣла, чѣм держится общежитіе людей. Подобно бурным геологическим эпохам, переживаемый революціонный процесс затрагивает всѣ стороны жизни и перетасовывает геологическим эпохам, перебиваемый революціонный процесс затрагивает все стороны жизни и перетасовывает всѣ общественные слои и силы. И только тогда, когда этот процесс закончится, и поверхность общественной жизни придет опять в равновѣсіе, замѣтны будут тѣ разрушенія, сдвиги и измѣненія, которые произошли в культурно-историческом ликѣ міра. Замѣтна будет новая общественная арография. Но новыя силы и новыя социальныя вершины не возникают из ничего, онѣ образуются из элементов уже существовавших в предшествующую эпоху. В хаосѣ современности мы можем уже различать эти элементы, которые в настоящем еще молчат и, может быть, еще не скоро возобладают в жизни. Но когда оформится их программа, когда они обратятся к міру со своим манифестом, и когда мір почувствует жизненную необходимость этой новой силы, наступит новая историческая эпоха. От всѣх нас зависит хоть в малѣйшей степени ускорить ея пришествіе.

Несмотря на непонятность и кажущуюся незаслуженность страданий в современной жизни, большинство людей сознает ответственность нашей тяжелой и кровавой эпохи перед будущим. Наше время кажется нам кануном чего-то должествующаго совершиться. Оно подобно ранней реформации. Наше сердце полно предчувствіем наступающей новой эры, которая, может быть, уже началась. В нашей повседневной жизни, в хаосъ мировых событій, в явленіях, совершающихся у нас на родинѣ, которыя пугают нас своей моральной неоправданностью, внимательно и ревниво ищем мы признаки и молодые ростки новой жизни. Как крестьянин, готовясь к раннему весеннему сѣву, пересматриваем мы еще в холодную зиму сѣменной запас жизни для будущей нивы и стараемся найти то, что способно расти и цвѣсти.

2. О равенствѣ и неравенствѣ. Государственную жизнь людей мы опредѣляем, как общее дѣло. Человѣческое общество есть сложно-организованное единство человѣческих дѣйствій и поступков, направленных к осуществленію жизни. Сложность организациі общаго дѣла создается постепенно под вліяніем житейской необходимости. Организованность растет вмѣстѣ с усложняющимися потребностями общаго дѣла, вмѣстѣ с усложненіем цивилизациі и культуры. Как слѣдствіе сложности общественной жизни, сложности задач общаго дѣла, общество дифференцируется и распадается на касты, классы, сословія и состоянія. Эти подраздѣленія цѣлаго общества на различныя соціальныя группы бывают так или иначе оправданы нуждами общаго дѣла. Каждая человѣческая эпоха в отдѣльных человѣческих обществах характеризуется своим специфическим распаденіем на классы. Уже на первоначальных ступенях государственной жизни общество выдѣляет правящій, регулирующій общую жизнь слой — правительство. Как создается правящій класс, мы не будем разбирать во всѣх подробностях. Укажем на грубую ошибку, свойственную марксистской теоріи классовой борьбы, по которой каждая власть есть диктатура, возникающая в результатѣ борьбы классов с

цѣлью эксплуатаціи. С точки зрѣнія теоріи общаго дѣла, правящій класс создается не случайно, в результатѣ борьбы классов и побѣды одного из них, а совершенно закономѣрно и необходимо. Правящій класс является отбором лучших сил націй, отличающійся качествами, необходимыми для осуществленія насущнѣйших задач исторической эпохи. Люди рождаются с различными духовными и тѣлесными задатками, которые опредѣляют до извѣстной степени жизненный путь каждаго человѣка и его успѣхи в борьбѣ на жизненной аренѣ. Таковы факты, открываемые нам современной біологіей. С этой точки зрѣнія, приходится отрицать принцип равенства в том видѣ, как он защищается либеральной школой. Но, отрицая равенство людей, необходимо защищать равноцѣнность нравственных человѣческих личностей.

Благодаря прирожденному неравенству людей происходит всегда и всюду в каждом обществѣ, в каждой профессіи, в любой дѣятельности нѣкая оцѣнка и квалификация личностей. В минуту смертельной опасности для націи, напримѣр, во время войны, отбор и выдвигеніе лучших сил націи является настоятельной необходимостью. Всѣм извѣстен факт заката карьер парадных генералов во время войны и выдвигеніе прежде никому неизвѣстных. Отбор элиты, происходящій во всяком обществѣ всегда, дѣлается наиболее интенсивным и объективным в самые ответственныя моменты общаго дѣланія. В мирныя эпохи, когда устоявшаяся жизнь позволяет возвести высокія перегородки между классами, не может быть и рѣчи о всеобщей справедливости отбора. Этот отбор осуществляется тогда только внутри классов. Справедливым отбор был бы тогда, если бы каждой личности даны были одинаковыя со всѣми условія для развитія своих прирожденных способностей. Таких идеальных условій не существует. Задачей нормальнаго человѣческаго общества является приближеніе к ним.

Таким образом, должны быть различаемы личности

религиозно-нравственные, которые всё равны перед Богом, и личности — исторические деятели; которые различны в своей пригодности для общего дела.

3. Первая историческая генерация — аристократия. Первым правительственным отбором в европейской истории была аристократия. О ней мы привыкли судить в момент ее разложения и утраты ею своего политического значения, в момент ее вырождения. Но на ранних ступенях государственной жизни, аристократия представляла собой несомненно элиту, выделяющуюся по целому ряду физических и духовных качеств. Лучшие представители ранней аристократии представлялись народу почти идеальными личностями, в которых высокие душевные качества гармонически соединились с физическим здоровьем, силой и красотой. Эти личности выдвинулись и создались в эпоху суровой борьбы за существование отдельных наций. Их стояние во главе не случайно, а обусловлено требованием эпохи. Только они могли в ту эпоху отстаивать независимость и спасти от истребления тот или иной народ и создать некоторый относительный порядок и безопасность жизни и общего дела. Поэтому мы видим повсеместное почитание народом наиболее выдающихся представителей первого исторического отбора. Влияние этих образов на современников было огромно, а слава о них долго жила в памяти людей. Память людей очень чутка к различению отдельных характеров и их поступков. Она различает Ярослава Мудрого от Святополка Окаянного, неудачника Игоря от удалого Святослава.

Аристократии мы обязаны созданием современных национальных государств из некоего хаоса племенной и родовой жизни. У европейских народов с аристократической эпохой правления связана выработка общественных форм жизни, упорядочение и оформление общественного состояния, закон, суд, образование и т. д. Кроме большой политической мудрости, аристократия обладала еще огромной творческой энергией, которая проявилась в создании великих памятников искусства. В расцвет своего

могущества и славы аристократия создала европейскую литературу, живопись, архитектуру, философию и совершенно особенный быт и стиль жизни.

Постепенно, с веками эти качества утрачиваются и вытесняются отрицательными. Руководящей идеей становится не служение народу или нации, а утверждение своего исключительного положения. Аристократия замыкается в своем кругу и начинает отчуждаться от других классов населения, вырабатывает свою ущербную классовую идеологию, идею голубой крови и белой кости. Она привыкает смотреть на себя как на особую, более утонченную породу людей, призванных заниматься только легким, благородным трудом. Вся же практическая работа, суровая борьба за существование забыты и возложены на простой народ. Первый отбор превращается таким образом в праздного тунеядца, а народ ввергается в рабское состояние. Но сложная общественная жизнь требует действительно и жизненного разделения труда, требует, чтобы дезертировавшая с фронта общего дела аристократия была замещена другой силой. В тех государствах, где эта сила образовалась, она взяла дело руководства общественной жизни в свои руки.

4. Второй исторической силой в Европе суждено было стать буржуазии. В наиболее яркой и классической форме разложение старого аристократического строя выразилось во Франции. Там же, в результате революции, пришел к власти второй отбор — буржуазия. Приход буржуазии к власти произошел на глазах истории и в самом начале было ясно ее всенародное происхождение. Выдвинутая ею идея равенства и требование уничтожения привилегий с определенностью говорят об этом. Буржуазия была также настоящей элитой. Она сумела на новых началах организовать общее дело и заявила себя настоящим хозяином нового порядка вещей. Бывшая в пренебрежении при аристократическом порядке стороны жизни, экономические нужды, вся практическая работа по устройству повседневного суще-

ствования сдѣлались культом жизни. Буржуазная культура означает расцвѣтъ позитивныхъ знаній, изученіе и овладѣніе, с цѣлью эксплуатаціи, земным шаром, развитіе фабрично-заводской дѣятельности, бурный рост городов, орудѣніе и вымираніе деревни, эксплуатація колониальныхъ стран.

1914 годъ является роковой датой для буржуазнаго стіля жизни. Тонкій, усовершенствованный механизмъ общественной жизни, созданный буржуазіей, сломался, и общая жизнь людей была ввергнута в неизживаемый кризис. Этотъ кризисъ в основѣ своей есть глубокая болѣзнь общаго дѣла, при которой выяснилась невозможность продолжать его на старыхъ основаніяхъ. Всѣ попытки буржуазіи старыми пріемами преодолѣть затрудненія не приводятъ к улучшенію. В результатѣ мы видим, какъ падаетъ довѣріе к такъ называемымъ силамъ порядка, какъ сама буржуазія отказывается и уступаетъ одну за другой свои позиціи, какъ она из силы организующей и ведущей превращается в силу тормозящую и консервативную. Для насъ несомнѣнно ясно, что дни буржуазіи сочтены. Она уже исчезаетъ из жизни. Подобно аристократіи, два вѣка тому назадъ представители буржуазіи уходятъ в одиночество, запираются от народа в своихъ особнякахъ и виллахъ и отгораживаются высокими заборами от плебса. Повседневная жизнь проходитъ безъ ихъ участія. Ни на улицахъ городов, ни в трамваяхъ, ни на желѣзныхъ дорогахъ вы не встрѣтите больше этихъ бывшихъ героев и организаторовъ жизни. Какъ два вѣка тому назадъ, мы стоимъ передъ новой эпохой, передъ выступленіемъ новой исторической силы.

5. Ложный и самозванный престолонаслѣдникъ — пролетаріатъ. Третьей исторической силой, долженствующей замѣнить буржуазію на мировой исторической сценѣ, долженъ былъ сдѣлаться, по схемѣ Маркса, пролетаріатъ. Марксъ оцѣнивалъ пролетаріатъ, во-первыхъ, какъ революціонно-политическую силу, во-вторыхъ, какъ силу, долженствующую преобразовать старый міръ и создать новую высшую культуру. Возлагая всѣ надежды на пролетаріатъ, Марксъ надѣлялъ его всѣми идеальными

свойствами, которыя в настоящемъ задавлены и извращены классовымъ эксплуататорскимъ порядкомъ. Законъ развитія капиталистическаго производства, открытый авторомъ марксизма, долженъ былъ неминуемо привести буржуазный строй к гибели. Капиталистическое производство должно было развиваться в сторону концентраціи капитала и сосредоточенія средствъ производства в рукахъ немногихъ магнатовъ промышленности. В то же время массы народныя должны были терять свою самостоятельность и пролетаризироваться. Міръ долженъ былъ распасться на два враждебныхъ лагеря, на эксплуататоровъ и поработанный ими пролетаріатъ. Психика пролетаріата в процессѣ концентраціи производства должна была все болѣе измѣняться от сознанія единичнаго человѣка в сторону массовой пролетарской психики, в сторону сознанія классовой солидарности, враждебной буржуазному міру, в сторону революціонной борьбы за освобожденіе от эксплуатаціи и за созданіе новыхъ экономическихъ отношеній, именуемыхъ социалистическими. Сплоченной силѣ пролетаріата противостоятъ ничныя, эгонистичныя и конкурирующія между собой разрозненныя воли капиталистовъ. Тактика рабочихъ в этой борьбѣ опредѣляется ихъ силой, которая заключается в массовой организованности, в возможности, при помощи этой организованности, вліять черезъ производство на господствующій классъ.

Мы не будемъ подвергать подробной критикѣ эту своеобразную дуалистическую теорію, дѣлящую человечество на два діаметрально противоположныхъ класса и надѣляющую одинъ изъ нихъ всѣми добродѣтелями, а другой всѣми черными пороками, эту странную теорію добра и зла. Укажемъ лишь на то, что и в ней есть моментъ социальнаго отбора. Но этотъ отборъ понимается здѣсь шиворотъ на выворотъ.

Пролетаріатъ, какъ политическая сила, выступилъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Его организованность и планомерно проводимая тактика создали почти во всѣхъ индустриальныхъ странахъ перемѣщеніе политическихъ силъ и новое направленіе внутренней политической жизни. По

мѣръ увеличенія производственных и индустриальных сил Запада росло значеніе пролетаріата. Казалось, что на порогѣ 20-го вѣка осуществится предсказаніе Маркса. Когда, послѣ мировой войны, подорвавшей всякое довѣріе масс к буржуазным правительствам, разразился мировой кризис, и буржуазія проявила полную растерянность и неспособность с ним справиться, захват власти пролетариатом и переворот экономических отношеній казался неизбежным. В этот-то критическій момент и обнаружилось величайшее заблужденіе Маркса. Пролетариат не проявил ни политической мудрости, ни пониманія историческаго момента, ни сознанія своей отвѣтственности перед человечеством. Пролетариат оказался не в состояннн перенять тонкій механизм общественной жизни от буржуазіи. Запннутый в своей классовой исключительности, он не проявил мудрой умѣренности в минуту всенародной бѣды и оттолкнул от себя широкіе народные слои и в первую очередь интеллигенцію. Цѣлый ряд обстоятельств, не предусмотрѣнных в марксизмѣ, фатальным образом предопредѣлили исход рабочаго движенія во время мирового кризиса. Самое главное обстоятельство заключается в том, что пролетариат не является культурно-исторической силой, а силой только соціально-экономической, зависимой от состояннн производства. Пролетариат вмѣстѣ с буржуазіей, с которой он неразрывно связан, потерял всѣ свои политическія позиціи, завоеванныя им в предшествующій період расцвѣта экономической жизни. Претензіи пролетаріата на историческое призваніе оказались совершенно не обоснованными.

Да не подумает читатель, что мы относимся с недостаточным уваженіем к рабочему классу. Мы признаем за пролетариатом очень большой соціальный вѣс и значеніе. Роль пролетаріата в производствѣ, в современной конструкціи общаго дѣла огромна. Пролетариат является поэтому большим фактором прогресса. Но мы отказываемся признать за пролетариатом приписываемую ему миссію спасенія человечества.

Кризис соціалистическаго рабочаго движенія предрѣшен грандіозными перемѣнами, происшедшими в структурѣ современнаго общества, благодаря революціи производства. Глубина происшедших перемѣн видна из сравненія организаци и способов производства современной фабрики с фабрикой времен Маркса. Во времена Маркса фабричный станок почти ничѣм не отличался от домашняго ручнаго станка, он приводился только в движеніе при помощи паровой машины. Организовал производство обычно такой же простой человек, как и сам рабочий. Хозяин отличался только тѣм, что обладал капиталом, дававшим ему возможность купить паровую машину и выстроить фабричное зданіе. Фабрикант был в большинствѣ случаев непосредственным начальником рабочаго и сам руководил всѣм дѣлом. Рабочему была ясна несправедливость положенія, которая зависѣла от денег. Рабочій ясно понимал, что, будь у него капитал, и он мог бы руководить производством. В настоящее время производство настолько усложнилось, что для самых простых производственных процессов требуется длительная профессиональная выучка. Раздѣленіе труда достигло такого совершенства, что ни один рабочий не может охватить всего процесса в цѣлом. Среди рабочих, благодаря этому, проведена строгая специализація и градація. Выше идут болѣе квалифицированныя ступени, замѣщаемыя уже не рабочими, а персоналом с болѣе высоким образовательным стажем. Таким образом рабочий на современной фабрикѣ связан не с хозяином, а с цѣлым рядом промежуточных административных звеньев. Руководит всѣм производством не хозяин, а тот тонкій слой специалистов, который в видѣ сѣтки вплетен во всѣ узлы и ячейки производства и который держит, направляет и регулирует всю сложную систему. Современная техника, как правило, изолирует хозяина от работника.

Раціонализація трудовых процессов и техники привела к необычайному подъему производительности. Любая современная фабрика, оборудованная по послѣднему слову техники, может в кратчайшій срок заполнить рынок

дешевым товаром. Хотя причины современного кризиса многообразны, так как он вызван глубокой дисгармонией жизни, но одной из важных причин является мощь современного производства. Для производства определенного количества товара на современной фабрике требуется несравненно меньшее количество рабочих рук и часов, чем на более примитивной фабрике прошлого века. Количество рабочих на современной фабрике относительно падает, а количество технически образованного персонала растет. Современная техника и мощь производства вызывают безработицу среди пролетариата, но это отрицательное и болезненное явление компенсируется уверенностью, что проблема обрабатывающей промышленности разрешена современностью самым радикальным образом. Безработица и другие болезненные явления будут изжиты путем организации новых общественных отношений.

Таким образом современная техника устраняет почти совсем от производства хозяина, если он не является сам директором своей фабрики, отводит пролетариату второстепенную роль и все более повышает значение инженерно-технического персонала, который является организатором и регулятором всей производственной работы. В процессе работы воля рабочего подчинена сейчас не прихоти хозяина, а разумному производственному требованию техники, и это требование совершенно другого свойства, чем воля хозяина. На самом деле рабочий убеждается в разумности научно-технических требований, и в интересах производства и в интересах всего общества рабочий должен подчиняться техническому руководству. Об занятии фабрики рабочими и ее рациональном использовании ими, сейчас не может быть и речи.

Вместе с количественным уменьшением пролетариата и падением его производственного и экономического значения, падает и его политическая роль. Все чаще и чаще мы замечаем, что забастовки, это наиболее действительное средство борьбы в прошлом столетии, кончаются ничем, несмотря на возросшую организованность пролетариата.

Сама устойчивость рабочих организаций должна быть взята под подозрение. Современные диктатуры, и прежде всего коммунистическая диктатура в России показали, что задуть рабочее движение не представляет большого труда. Поэтому сомнительна стала роль пролетариата в революции. Восстания рабочих приводят к разгрому политических и профессиональных организаций пролетариата. Развитие политической жизни на Западе, приведшее в ряды стран к ликвидации рабочего движения, экономическое, политическое и духовное рабство пролетариата в странах осуществляющегося социализма ясно показывают всю необоснованность претензии рабочего класса на историческое призвание. Пролетариат оказался самозванным и ложным престолонаследником. Его политическая сила была призрачной силой и в наше кризисное время эта сила разбивается, как туман. Совершенно ясной становится вся абсурдность предположения, что пролетариат, совершив революционный переворот, может овладеть государственной властью, продвигать сложную метаморфозу преобразования единоличного капиталистического хозяйства в плановое — социалистическое, сделаться начинателем и творцом новой культуры, новой эпохи идеальной человеческой жизни. Кто представляет себе всю сложность государственного управления, многообразие и разветвленность общественной жизни, тот едва ли сейчас будет настаивать на этих знаменитых тезисах Маркса. В этом вопросе нужно отбросить сейчас всякую марксистскую мистику, которой в особенности болела русская интеллигенция, ибо ни Маркс, ни вожди социал-демократии не приводят никаких других доказательств своей уверенности в призвании пролетариата, кроме мистических. Мы считаем мистикой веру в какие-то особенные сверхчеловеческие душевные качества пролетариата, небывалые свойства ума, великодушия, талантов, мудрости и т. п., которые якобы задавлены сейчас эксплуатацией и проявятся на другой день революции, после всеобщего освобождения. Даже самые страдания пролетариата, как бы велики они ни были не могут служить гарантией избранности пролета-

риата и предназначать его для преобразования старого и организации нового идеального общества. Рабы в древнем Римѣ, негры в Америкѣ страдали не меньше пролетариата, но никакой новой исторической эпохи не создали. Перед страданіями пролетариата мы должны преклоняться и должны приложить всѣ старанія, чтобы пролетариат от этих страданій избавить, но мы никак не можем признать этот пролетариат, только за его страданія, вершителем судеб человѣческих. С такой диалектикой мы согласиться не можем. Кризис политическаго рабочаго движенія заключается в первую очередь в том, что для общества сознательно или безсознательно стала ясна реальная невозможность для пролетариата, как класса, руководить судьбами человечества. Нужно прежде всего ясно осознать этот факт и сдѣлать из него всѣ вытекающіе выводы. И в особенности необходимо это сдѣлать русской интеллигенціи, вложившей так много вѣры и энтузіазма в дѣло пролетариата. Осознаніе этой истины есть несомнѣнно тяжелая психологическая операція. Она знаменует собой крушеніе надежд цѣлаго поколѣнія, поколѣнія наших отцов. И все же, чѣм скорѣе эта иллюзія будет отброшена, тѣм лучше.

6. Зеленый интернаціонал. В мирныя эпохи социальнаго существованія всѣ стороны жизни хорошо ли сбалансированы, подогнаны одна к другой. Это является объективной предпосылкой душевнаго равновѣсія людей, вѣрящих в ненарушимость разведеннаго порядка. Политико-экономическое, бытовое и душевное равновѣсіе являются условіем для напряженнаго длительного труда, условіем человѣческой экономіи. В мирныя эпохи человечество собирает и накапливает богатства, социальную энергію. Кризис характеризуется дисгармоніей различных сторон жизни. Длительное нарушеніе координаціи двух каких-нибудь сторон задѣвает все многообразіе общей жизни, ибо каждое общество и связующее его общее дѣло есть органическое единство многообразія. Так в нашу эпоху произошел разрыв между двумя основными хозяйственными сторонами жизни, меж-

ду добывающей промышленностью и обрабатывающей, и равновѣсіе прошлаго вѣка в корнѣ нарушено. Этот разрыв заключается в том, что в основной отрасли добывающей промышленности, в сельском хозяйствѣ процесс воспроизводства связан не столько с техникой, как в обрабатывающей промышленности, сколько с естественными силами и законами природы. При помощи самой передовой техники, на примѣр, никак нельзя добиться замѣтнаго ускоренія созрѣванія пшеницы. И при обработкѣ лопатой и трактором озимая пшеница будет готова только через год. При помощи самой усовершенствованной кормежки и воспитанія, корова начнет давать молоко только примѣрно через три года послѣ рожденія. При помощи техники в сельском хозяйствѣ можно увеличить в значительной степени количество добываемаго сырья, облегчить труд и ускорить уборку; процесс же созданія сырья в самой незначительной степени зависит от органических сил и законов природы. Одним словом, товары дѣлаются машинами, сырье вырастает на полях. В силу этого современная техника, вытѣсняя индустриальнаго рабочаго, в меньшей степени затрагивает крестьянина. Рост городов и уменьшеніе сельскаго населенія, наблюдавшееся в послѣднее столѣтіе во всѣх капиталистических странах Западной Европы, объясняется не только тѣм, что болѣе высокая техника сельскаго хозяйства вытѣснила лишнія рабочія руки из деревни, а почти исключительно тѣм, что роль деревни для капиталистических стран стало играть населеніе подвластных им колоній. При чем Европа все больше превращалась в мировую фабрику, а весь остальной свѣтъ, за немногими исключеніями, в деревню. При этом характерном раздѣленіи труда метрополія, как в извѣстной сказкѣ о мужикѣ и медвѣдѣ, задумавших вмѣстѣ сѣять пшеницу, получала в свою пользу всѣ верхушки, а колонія лишь корешки. Не техника, а скопленіе богатств в городах, благодаря эксплуатаціи колоній, обозначеніе сельско-хозяйственнаго труда в метрополіях выгоняли деревенских мужиков из вѣками насиженных гнѣзд. В Россіи, у которой нѣтъ густо-населенных в сель-

ско-хозяйственном смысле колоний, процесс урбанизации не шел с такой быстротой. Едва ли и в будущем обстоятельства изменятся в этом отношении. В России и впредь своя деревня будет являться единственным поставщиком сырья для фабрик и заводов и поэтому в России всегда придется исходить из некоего внутреннего равновесия между городом и деревней, между фабрикой и полем. Увеличение мощности обрабатывающей промышленности связано у нас с усилением сельско-хозяйственной деятельности, с усилением добычи сырья. Само собою разумеется, что мы говорим здесь только о промышленности, связанной с сельским хозяйством. Роль крестьянина едва ли уменьшится в России в ближайшее время, тогда как рост пролетариата, этого наиболее обездоленного класса населения, можно сильно сдерживать усиленной и усовершенствованной техникой. Современный крестьянин, вооруженный знаниями, является сознательным звеном, связующим человеческое общество с природой. Крестьянина мыслим мы в будущем как «главнозабоченного» о земле и ее дѣлах. Крестьянская семья, являющаяся центральным ядром в том симбиотическом сообществе, которое именуется крестьянским хозяйством, служит прообразом и элементарной ячейкой, живущей на основе общего дѣла и являющейся первым кирпичиком всего общества.

В современных государствах кризис вскрыл основное противоречие между добывающей и обрабатывающей промышленностью, и заботой этих государств является укрепление и оформление крестьянских хозяйств. Таковая же задача независимо от экономического кризиса, а в связи с проблемой хозяйственного освоения пустующих пространств, стоит перед Россией. Поэтому количество работников земли едва ли значительно уменьшится, и в России, несмотря на самую форсированную индустриализацию страны, будет высоко стоять экономический и социальный вес крестьянина. Но и в сельском хозяйстве задача производства сделалась сложнее, чем в прошлом веке. Для рационализации его требуется огромная армия культурных, интеллигентных работников: почвоведов, агроно-

мов, растениеводов, животноводов, машинистов и т. п. Таким образом и в сельском хозяйстве чисто физической труд крестьянина подчинен водительству специального интеллигентного персонала.

Связанное крепкими узами с землей, крестьянство со своим хозяйством представляет огромную социальную силу, но оно еще меньше пролетариата способно справиться с исторической ролью управления современным государством, на что само крестьянство и не претендует. Надежда некоторых народнических кругов на выступление «зеленого интернационала» еще меньше обоснована, чем вера в пролетариат.

7. Выступление четвертой силы. Россия по особенностям своего исторического процесса, в сильной степени определяемого ее геополитическими свойствами, не могла развить мощного буржуазного отбора и связанного с капиталистическими формами хозяйства многочисленного рабочего класса. В связи с этим стоит сильное запаздывание буржуазного перерождения страны. До последних дней старого порядка в России должен был оставаться в качестве господствующего класса первый отбор — дворянство и бюрократия. К великому несчастью России, этот первый отбор разложился раньше, чем образовалась новая историческая сила.

Характерным явлением общественно-политического развития России за последнее столетие был не столько отбор буржуазии, сколько отбор интеллигенции. В самом начале раскола русского общества, начиная с декабристов и до революции 1917 года в русской жизни почти совсем не звучит буржуазный мотив, и все сильнее с каждым десятилетием и все шире все стороны русской жизни охватываются интеллигентскими настроениями. Буржуазия как-то теряется, не находит надлежащего места в русской жизни. Отдельные ее представители не могут из поколения в поколение удержаться на своей колеи и все сваливаются на интеллигентскую более красочную дорожку.

Русская интеллигенция началась, как отбор из аристократической среды. Постепенно ее ряды стали пополнять-

ся выходцами из других слоев, из чиновничества, духовенства и купечества. Наконец, в последнее время перед революцией в ее ряды хлынули волны великаго крестьянскаго моря и отдѣльные выходцы из рабочей среды. К моменту революціи интеллигенція представляла из себя настоящий всенародный отбор, стоящій сплошным фронтом против стараго порядка. Первый настоящий бой интеллигенціи дала старому порядку в 1905 году. Результаты этого боя совершенно неправильно оцѣнивались, как побѣда стараго порядка. В дѣйствительности побѣдила интеллигенція и результаты этой, хотя и неполной, побѣды, сказались немедленно во всѣх областях жизни. Старый порядок удержал только видимость, только фасад власти, но он потерял в результатѣ этой первой схватки всю страну. Интеллигенція побѣдила в 1905 году на том фронтѣ, на котором она могла побѣдить, и уступила всѣ тѣ позиции, удержаніе которых не диктовалось потребностями жизни. Интеллигенціи не удалось навязать народу своей, как мы сейчас видим, ложной программы, но она вошла почти всюду в тѣсный дѣловой контакт с народными массами. Впервые в исторіи Россіи стала исчезать пропасть, отдѣлявшая народ от образованных классов. В результатѣ этого за короткій промежуток времени произошли огромнѣйшіе сдвиги во всей странѣ. Русская жизнь в провинціи все сильнѣе стала окрашиваться в интеллигентскіе цвѣта. Идеалом человѣка и идеалом жизни дѣлался интеллигентскій стиль. Представители и герои стараго порядка все болѣе стушовывались и отходили на задній план. Дворянство совершенно перестало давать тон и руководить жизнью провинціи. Все болѣе становилась призрачной власть земских начальников и других правительственных чиновников. Жизненная арена явно захватывалась служилой интеллигенціей: врачами, агрономами, ветеринарами, кооператорами, различными инструкторами и т. п. В связи с этим усилилось стремленіе крестьянской молодежи к образованію. Перед самой войной в уѣздных средних учебных заведеніях процент крестьянских дѣтей возрос во многих случаях до 50. Вся эта

масса вливалась потом в университеты и приобщалась к вершинам русской культуры. Во время каникул учащаяся молодежь из городов устремлялась опять в деревни, принося с собой оживленіе, идейную заряженность, юношескую смѣлость и вѣру в лучшее будущее русскаго народа. В провинціи жизнь явно замирала в дворянских гнѣздах и начинала расцвѣтать по новому в деревнях.

Перед революціей 1917 года политическое положеніе в Россіи было ясно. Представители стараго порядка, дворянство, бюрократія с каждым днем все болѣе теряли контакт с жизнью. Сравнительно слаба была буржуазія, как политическая сила. Совершенно обособленно стояло городское рабочее движеніе со своею завѣтной мечтой о призваніи пролетаріата, о преобразеніи жизни путем социальной революціи. Всѣ сильнѣе увеличивались ряды интеллигенціи и все глубже и шире она захватывала всѣ области народной жизни. Сосредоточіем дѣятельности интеллигенціи, несомнѣнно, было земство. Всей сложной и разнообразной работой земство по обслуживанію населенія руководила интеллигенція. Но интеллигенція не представляла почти никакой положительной политической силы. У нее не хватало сознанія своей отвѣтственности перед страной и ее исторической судьбой. Она не признавала себя самостоятельной исторической силой, и у нея не было никакой организованности, никакой самостоятельной разработанной программы государственной дѣятельности. Она была политически инертна в своей массѣ. Всѣ ея наиболѣе активные элементы работали, к сожалѣнію на совершенно ложных путях, как марксисты, эс-эры и т. д. Все это сказалось роковым образом, когда грянула міровая война, приведшая к окончательному распаду стараго порядка.

8. Смысл русской революціи. Ход русской революціи как нельзя лучше подтверждает то, что было сказано выше. Во-первых, революція в октябрѣ мѣсяцѣ была совершена не самим пролетаріатом. Она прошла под руководством опредѣленной интеллигентской группы, не имѣвшей отношенія к пролетаріату по своему

соціальному походженію. Это был революційный интеллигентскій орден, по удачному выраженію Бунакова, борвшійся не на жизнь, а на смерть со старым порядком. В продолженіе пятидесятилѣтней борьбы этот орден, носившій различныя наименованія, опирался на различные слои русскаго общества, то на крестьян, то на рабочих. Октябрьская революція была совершена при помощи рабочих и солдат под лозунгом немедленной социализаціи. Для пролетаріата, как «побѣдившаго класса», открылись всѣ возможности. Но, как и слѣдовало ожидать, он никаких особенных творческих свойств не проявил. Его роль в первые годы революціи, когда он был дѣйствительно свободен и обладал всѣми возможностями к политическому и соціальному творчеству, была исключительно разрушительной. Вся несостоятельность мистики и вѣры в пролетаріат обнаружилась на другой же день революціи. Как правило, в тѣх областях, гдѣ руководство переходило непосредственно в руки представителя пролетаріата, жизнь замирала. Попытки пролетаріата управлять государством и руководить общественной жизнью вызвали презрѣніе и насмѣшку в широких народных кругах (презрительная кличка «товариц»). Рабочій класс очень скоро не на словах, а на дѣлѣ совершенно потерял всѣ завоеванія революціи. Послѣ того, как окончательно образовалось новое правительство со значительной пролетарской прослойкой, новые господа рѣшительно отмежевались от своих братьев, оставшихся внизу. Пролетаріат, хотя и считается официально и по конституціи господствующим классом, на дѣлѣ потерял и тѣ свободы, которыми он пользовался при старом режимѣ. Рабочее профессиональное и политическое движеніе было разгромлено коммунистической диктатурой до основанія, и рабочій вмѣстѣ с другими слоями населенія впал в небывалую нищету и рабство.

Во-вторых, русская революція показала, что естественное и закономѣрное историческое движеніе, в данном случаѣ выступленіе третьей исторической генерации — интеллигенціи, не может быть прекращено никакими

революційными мѣрами. Жизнь показала на первых же порах послѣ водворенія новаго порядка незамѣнимость интеллигенціи. Как правило, в тѣх учрежденіях, гдѣ фактическое руководство осталось в руках интеллигентных работников, жизнь продолжала идти болѣе или менѣе нормально, несмотря на вмѣшательство партіи. Но в общем, в своей массѣ интеллигенція не признала насильственной власти, и это было большим ударом для большевиков. Пойти на стовор и честно подѣлиться властью с интеллигенціей они не могли потому, что это означало компромисс с враждебной и опасной силой. Политика большевиков в этом вопросѣ пошла по двум линіям: во-первых, по линіи подкупа или устрашенія старой интеллигенціи и по линіи спѣшной и лихорадочной подготовки новых революційных, послушных им интеллигентских кадров. Этими мотивами объясняется вся школьная политика большевиков: пролетаризація школы, насажденіе рабфаков, т.-е. ускоренных общобразовательных курсов для рабочих, открытіе различных партійных школ, закрытіе доступа в высшую школу для окончивших обычные среднія учебныя заведенія. Порочность этой школьной политики для большевиков заключалась в том, что организовать новыя школы и фактически вести преподаваніе в них могла опять же только старая интеллигенція. В школьных аудиторіях и лабораторіях произошла первая схватка коммунистической власти с интеллигенціей. Эта глухая и тайная борьба за юныя души продолжается еще и теперь, так как еще до послѣдних дней старая интеллигенція остается единственным культурным активом страны. Кто одолѣет в этой борьбѣ, покажет недалекое будущее. Тѣ свѣденія, которыя сейчас идут из Россіи, говорят как будто за то, что побѣдила интеллигенція и русская культура. Жизнь показала незамѣнимость интеллигенціи и сама коммунистическая власть превратилась очень скоро в нѣкій дорогой и ничѣм не оправдаваемый двойной аппарат властвованія, гдѣ воля к осуществленію различных коммунистических фантазій сосредоточена в компартіи, а фактическое осуществленіе пору-

чено интеллигенции, лишенной самостоятельности и инициативы. Этот порядок, принятый сначала по необходимости, получил потом широкое распространение, так что в настоящее время каждый советский аппарат для своего обслуживания имеет в своем распоряжении штат интеллигентных рабов-сидельцев.

Третьим знаменательным явлением русской революции считаем мы массовое стремление русской молодежи к образованию. Оно является продолжением того движения, которое началось еще перед революцией. Усиление этого движения объясняется целым рядом причин. Здесь играло роль то, что учение давало молодежи какую-то компенсацию за разорение и разрушение старых устоев жизни. Главной же двигательной причиной было сужение хозяйственной деятельности в крестьянских хозяйствах и невозможность устроиться где-либо на другом деле. Было, конечно, в известном проценте и чисто идеалистическое стремление. Во всяком случае, в этом явлении не было почти никаких заслуг большевиков. Мне лично неизвестно ни одного случая пропаганды большевиками необходимости образования в широких народных массах. Со стороны власти было сделано, напротив, очень многое, чтобы сдерживать напор в школу молодежи. На пути поступления в школы и в первую очередь в те школы, которые вели к высшему образованию — для буржуазной, интеллигентской и крестьянской молодежи, а особенно для детей духовенства были поставлены непроходимые рогатки. Власть действовала и своей обычной канцелярской волокитой, и отказом в жилищной площади, и явным предпочтением, оказываемым комсомолу и членам партии. Открыто власть никогда не осмеливалась выступать против этого движения и ограничивалась тайными циркулярами. Как бы там ни было, но сотни тысяч, миллионы русской молодежи, преодолевая невероятные трудности, используя по своему и комсомол и партию, вот уже второй десяток лет неудержимым потоком стремятся к образованию, стремятся сделаться не членом партии, а членом интеллигентского ордена. С большим трудом, при

невероятных материальных и моральных условиях самые способные и сильные из них преодолевают все трудности, доходят до высшей школы и кончают ее. Что из этого получится? На этот вопрос дает определенный ответ И. И. Бунаков в своей статье в № 10 «Нового Града», к которому мы вполне присоединяемся.

К моменту ликвидации коммунистической власти, в России не останется никаких следов старых правящих классов, ни помещиков, ни бюрократии, ни капиталистов. Народная масса будет представлена двумя большими социальными группами — крестьянством и пролетариатом. В качестве единственной элиты в стране останется интеллигенция, возросшая в количестве и являющаяся теперь уже по настоящему отбором из всего народа. Мы можем утверждать, что русская революция по своему замыслу, вопреки Ленину и Сталину, вопреки Коминтерну была интеллигентской революцией, подобному тому, как французская революция, несмотря на Марата, Дантона, Робеспьера и Наполеона, была буржуазной революцией.

9. Истинный престолонаследник. Третьей генерацией в исторической судьбе поколений суждено быть не пролетариату, а интеллигенции. Мы надеемся, что утро новой эпохи наступит прежде всего в России, на родине интеллигенции, подобно тому, как второй исторической отбор — буржуазия наиболее типическое выражение получила во Франции. В этой уверенности нас не смущает то обстоятельство, что наша родина как бы переживает через целую историческую эпоху, характеризующуюся буржуазным строем жизни. У нас буржуазия так и не сумела развиваться и умерла в эмбриональном состоянии. А так страстно ожидавшееся русским обществом рождение социализма с пролетарским строем жизни грозит смертельной опасностью для страны. На наших глазах осуществляется скачек через эпоху, предвиденный многими русскими мыслителями. По своим геополитическим особенностям (свойствам климата, распределению ископаемых богатств и т. п.) в России всегда была слаба чисто индивидуалистическая буржуазная форма организа-

ції общаго дѣла. Поэтому первый отбор — аристократія удерживалась в жизни так долго, пока она хоть в малѣйшей степени еще могла справляться с многообразными народными нуждами. Третій отбор — интеллигенція начался раньше второго — буржуазнаго. Говоря все это, мы вовсе не хотим утверждать, что буржуазія не будет уже играть в Россіи никакой роли, но мы увѣрены, что буржуазія не может в Россіи играть первой роли.

Значеніе интеллигенціи в организаціи современной жизни в других странах Европы ничуть не меньше, чѣм у нас. Но в Западной Европѣ интеллигенція никогда не была самостоятельной силой, самостоятельным социальным отбором, здѣсь она кровными узами связана с другими классами общества, с аристократіей и буржуазіей. Она выдѣляется из их среды в порядкѣ раздѣленія труда и власти. У нас по милости революціи связь интеллигенціи с обоими первыми отборами порвана навсегда. Интеллигенція останется послѣ революціи единственным всенародным, социальным отбором. Ее задача — превратиться в историческую силу.

10. Знаменіе времени. У современной интеллигенціи все опредѣленнѣе растет пессимистическое настроеніе. Еще нѣсколько десятков лѣтъ тому назад люди полны были глубокой вѣры в возможность благоустройства жизни, вѣры в прогресс, в могущество человѣческаго ума и знаній. Сейчас все выше поднимается волна философіи отчаянія. Современная жизнь дѣйствительно оставляет мало мѣста оптимизму. Человѣкъ за тысячелѣтія своего историческаго существованія, несмотря на науку, философію, искусство, религиозное напряженіе нѣкоторых эпох, оставался все тѣм же, каким он является нам на зарѣ своего историческаго существованія — с темным пятном в своей душѣ. Независимо от прогресса, возникают то тут, то там одинокія вершины, и создаются великіе памятники философіи, искусства, науки. Но эти единичныя явленія рѣдко спасали толпу от безумія, а благородные умы от отчаянія. Но современный пессимизм кажется мнѣ все же положительным явленіем. В нем есть нѣкая діалекти-

ка развитія человѣческаго духа. Он знаменует собой начинающееся отрицаніе отрицанія, ибо вѣра в прогресс была ничѣм иным, как отрицаніем и замѣной религиозной вѣры. Он говорит о том, что мы живем наканунѣ какого-то новаго положительнаго синтеза.

Наша эпоха полна пессимизма и отчаянія и, несмотря на это, она наиболѣе прогрессивная из всѣх бывших, — по крайней мѣрѣ в области науки, техники и цивилизаціи. Как раз в наукѣ рѣшаются сейчас одна за другой величайшія міровыя загадки: тайна строенія вещества, происхожденіе земли и ее возраст, экспериментальным путем изслѣдуется эволюція органическаго міра и рѣшена уже одна из тайн жизни — наследственность. Силы науки и техники возросли до невѣроятных размѣров. С этими силами человѣкъ все больше вторгается в жизнь природы и преобразовывает ее. Первоначальная, первозданная природа все больше отстывает перед человѣческой техникой и цивилизаціей и на мѣсто ее создается другая искусственная природа, являющаяся дѣлом рук человѣческих. Эта искусственная природа не может существовать самостоятельно, она требует постояннаго, бдительнаго вниманія и ухода. Жизнь на земном шарѣ все больше превращается в культивируемое органическое единство. От человѣка требуется сейчас все больше ума, вдумчивости, вниманія и сознательности, этих чисто интеллигентских качеств, и все менѣе физических усилій. Человѣкъ все больше дѣлается отвѣтственным за судьбу жизни и за судьбу мира. Бог вручает сейчас мір, созданный им, человѣку, как древне ввѣрил он первому человѣку совершеннѣйшее созданіе своей, рай. От человѣка зависит, поймет ли он истинно этот дар и будет ли он добровольно служить жизни, или, подобно Адаму, нарушит заповѣдь жизни.

С. Бѣлозеров.

Аура чаемой Россіи

Читавшіе послѣднюю, 11-ую, книжку «Новаго Града» узнают наше заглавіе: оно внушено статьяи Бердяева и Степуна. Статьи («Аура коммунизма» и «Часмая Россія») различны по темѣ, размѣрам и стилю. Но в том, что в словесное их содержаніе прямо не входит и только ясно под ним ощущается, онѣ друг другу созвучны. Наличие элемента не досказаннаго (характерная, быть может, для всѣх вообще интересных высказываній) несомнѣнна в обѣих статьях. На шести страницах размышленій об «аурѣ» Бердяев убѣждает читателя, что источником зловѣщаго мерцанія вокруг коммунизма являются «этатизм, милитаризм, абсолютное государство — эманация Юанна Грознаго и властителей Имперіи», а на седьмой слѣдует вывод: «Психологическій климат русскаго коммунизма ставит вопрос духовный и моральный, а не политическій и социальный». Логически он с содержаніем статьи нисколько не связан и даже кажется неожиданным, а читателя все же нисколько не удивляет, как будто бы о политикѣ в статьѣ не было и рѣчи, и все говорилось о морали и духѣ. То же у Степуна. Он еще спрашивает, «чьими руками начнется в Россіи новое дѣло?» (может быть, тѣми же Сталинскими?); в дѣлѣ «одухотворенія варварскаго активизма молодого коммунистическаго поколѣнія» он «всю надежду» возлагает на «идеократическій характер нашей диктатуры» и на «интеллигентскій лошиб комсомольца»; совѣтская жизнь, — как «созвучная христіанству, в высокой оцѣнкѣ физическаго труда, проповѣдь солидаризма» и пр. — для него «пригодная база перваго, гуманитарнаго, этажа Новаго Града», настолько пригодная, что вся задача пореволюціоннаго строительства сводится для него к тому, чтобы «эту рожденную в муках трудовую жизнь, повисив ея бытовой и хо-

звѣстный уровень, удержать как основу новой, соборно-христіанской культуры»... А рядом такое, полным особняком стоящее в статьѣ провидѣніе: «В нѣкую историческую секунду, послѣ паденія или сверженія большевицкой власти, соберутся вокруг не снесенных еще церковью мало друг другу извѣстные люди, сложат заново разваленныя ограды, водрузят кресты, и возникнет из тишины, постепенно захватывая своим вліяніем все, новая христіанская жизнь»... Не подчиняясь церкви, внѣ какой бы то ни было теократии, в силу добровольно взятаго обязательства, государство будет заслушивать предпрѣждающій голос церкви, а в особенно важных случаях и подчиняться волѣ ея, выраженной через ея возглавленіе...

Читая эти строки, невольно спрашиваешь себя: что же, этими «мало извѣстными друг другу людьми», разыскивающими кресты и иконы, будут тѣ же вскормленные идеократической диктатурой, интеллигентскаго пошиба комсомольцы? Что же, это «русскіе мальчишки из большевиков», под давленіем жизни измѣнившіе марксистской доктринѣ, будут, в качествѣ новой руссійской власти, с волненіем внимать голосу руссійскаго патріарха? Не предполагает ли все это новых людей, родившихся в новом, духовном крещеніи? Но об этом в статьѣ ни слова. Вот в этом то не досказанном, в подразумеваемом (или надразумеваемом) планѣ, обѣ статьи созвучны. Именно им и оправдано наше сборное, у двух заимствованное заглавіе.

Чаемая Россія... Чайніе, разумѣется, и не научное предвидѣніе, и не пророчество. Но оно и не «моральное предупрежденіе» только, как это хочет думать Степун: «вот что обрушивается на нас, если голос правды и совѣсти не будет услышан». Субъект чайнія — воля (не разум). Напрягать волю, хотѣть — значит устремляться и звать других, значит вѣрить. Но как творить невозможно не вѣруя, так и воистину вѣрить нельзя, тѣм самым уже не творя. Не будет новой Россіи, пока русскіе в нее не увѣруют, а вѣра, родившаяся в них (в каждом из нас), есть уже обрѣтенная, ставшая близко новая Россія. Россія чаемая — не плод фантазіи, а Россія уже стоящая близко.

Если фактически она еще не близка, значит нѣтъ еще вѣры в нее, значит чаяніе ея не оформлено...

Так оно, на самом дѣлѣ, и есть: в чаяніях наших отсутствует главное — четкая направленность их и ясность. Просмотрим все, что посвящено грядущей Россіи и в «Новом Граде», и в «Современных Записках», и во всей вообще изгнаннической печати (в печать російскую никаким «чаяніям» вообще пока не проникнуть). Мы найдем, вездѣ почти, интересную разработку очень жизненных, важных тем — плановое хозяйство (в этом пунктѣ сходятся приблизительно всѣ), изъятіе земли (иногда, наоборот, неизъятіе) из товарнаго оборота, націоналізація (порой денационалізація) ключевых производств, великодержавный (чаще — федералистическій) строй, сильная политическая власть (с поправками или без поправок на «соціальное право»)... Но не будем удлиннять перечень. Дѣло не в полнотѣ его и даже не в опредѣленіи цѣнности, находящихся в нем прогнозов. Дѣло в том, что ни один из них, по совѣсти, никого из нас не окрыляет, не исполняет дѣйственной вѣры. Почему? В силу насильственной оторванности от практики? Конечно, и это. Но, во-первых, грань, раздѣляющая практику и теорію, не безусловная грань, а, кромѣ того, всѣ, кто участвовал в дореволюціонном освободительном движеніи, помнят, как и тогда почти исключена была практика, сколь безнадежным, в этом отношеніи, бывало и тогда положеніе, и все же наши программы и теоріи, вплоть до чисто уже академических проектов Россійской конституціи, во истину окрыляли и вдохновляли нас, через это одно становясь важным фактором жизни. Скажут — положеніе было яснѣе; твердо знали, что будет: что «приказному» строю настал конец, что самодержавіе доживает послѣдніе дни, земельный вопрос рѣшается в пользу крестьян и т. д. Ну, а теперь — развѣ не знаем мы, что вопроса о политической и хозяйственной реставраціи больше не существует, что управляемое хозяйство, корпоративность, плановость непременно войдут в пореволюціонную жизнь? Знаем, и с большим усердіем разрабатываем относящіеся сюда сюжеты. Ко-

личество посвященных им докладов, статей, сообщеній растет. В дальнѣйшем потребуется, на этой почвѣ, еще болѣе самоотверженный труд больших и малых специалистов; в необходимости и пользѣ этого труда не может быть и тѣни сомнѣнія... Все это мы знаем, а рядом... полное отсутствіе увѣренности, что вот эта-то работа и есть самое главное, что выполненіем ея-то мы и приобщаемся уже к созданію нашей Россіи.

Откуда же такая разница с прошлым? Я так отвѣчаю на этот вопрос. До революціи чаянія новой Россіи были по просту чаяніем реформ. Думали больше об обновленной, чѣм о новой Россіи. Реформы обновляли, а не мѣняли Россію: дореформенная и пореформенная, она оставалась одна. Потому и окрыляла борьба за реформы, что к реформам сводилось все, сводилось даже для крайних лѣвых, ибо и их центральным лозунгом оставалась реформа верховной власти («дой самодержавіе!»). Правда, в воздухѣ носились и иные призывы — призывы к «прыжкам», то в царство всемірнаго освободителя-пролетаріата, то в общиннос, двуединой правды мужицкое царство: в малую мѣру своей актуальности призывы эти уже обезкрыливали чаяніе реформ. Однако, фактически всѣ они, до самаго Октября, цѣликом почти, через пресловутыя «программы максимум», уходили из міра политических чаяній в мір политической лирики, и на общей температурѣ реформаторскаго энтузіазма сколько-нибудь чувствительно не отражались. Раздавшійся сверху лозунг — «сначала успокоеніе, а послѣ реформы!» — был встрѣчен тогда единодушным протестом: «Нѣтъ, именно реформы прежде всего! упокоимся послѣ!»...

Нынѣ, нѣкогда отвергнутый, лозунг получает наконец, при слегка измененной формулировкѣ, свой жизненный смысл. Тогда народу говорили: «Успокойся, и получишь реформы». Это было нелѣпо, ибо в мудрых и смѣлых реформах заключался тогда единственный шанс «спокойствія». Теперь народ не говорит, а думает без слов, про себя: «Сначала успокоеніе, успокоеніе совѣсти, преж-

де всего, а там придут и реформы!»... Мудрая и правдивая дума, ибо мир в душѣ — единственный нынѣ надежный и вѣрный путь к какой угодно реформѣ...

Реформы уже производятся на Руси, и какія! Организована превосходная армія. Возстановлен в правах патриотизм. Нѣтъ лишенства. Готова четыреххвостка. Мужикам возвращают кусочками землю... Что же, мало? Сталин мѣшает? Коммунистическая головка? Пролетарская, большевицкая диктатура?.. — Головку срубили. «Пролетариат» рѣшительно отступает на авансценѣ перед «профитеріатом». Большевики почти исключительно сохранились «безпартійные». Сталин не безсмертен: не нынче-завтра мѣсто «геніальнаго» займет «легендарный»... Или вот в газеты проникли слухи — объединительный Всероссийскій Православный Собор. Вѣроятно — вздорные слухи. Но, в концѣ концов, развѣ не все «там» возможно? Став «родным» для русскаго искусства, театра, науки, «родным» для русских матерей и дѣтей, почему бы не сдѣлаться Сталину «родным» и для русскаго православнаго христіанства? И чего же бы лучше: реформа давно желанная и насущная! Но вы представьте только себѣ это послѣднее поруганіе христіанина и человѣка!..

Нѣтъ, «климат» Россіи не подходит пока для реформ. Недаром и в наших программах реформ не намѣтилось реформы «центральной». Недаром и для реформ, творящихся «там», порядок их желанности опрокинут: чѣм менѣе значительна реформа, тѣм болѣе она приемлема; чѣм реформа крупнѣе, существеннѣе, тѣм болѣе она вызывает отталкиванья. «Усадьбы крестьянам» — хорошо, слава Богу! «Новая конституція» — пожалуй, и Бог с ней! «Выборы Патріарха» — Господи, сохрани и помилуй!..

Именно эту тему, думается мнѣ, затронули в своих статьях Степун и Бердяев, к сожалѣнію, — только затронули. Очень кстати вспоминает там Бердяев о судьбѣ христіанства в IV в. Побѣдив языческую Имперію, но духовно ее не преодолевъ, церковь на три четверти осталась языческим царством: в порочной «аурѣ» его исказилась и увяла Христова правда. Еще показательнѣе коммунизм

наших дней. «Удѣльный вѣс коммунизма и христіанства различны», замѣчает осторожно Бердяев. Не «удѣльный вѣс» у них, а рѣшительно все различно: что бы ни говорили коммунистическіе поклонники «примитивнаго христіанства» и христіанскіе идеализаторы «настоящаго коммунизма», это цѣнности совершенно различной природы. Но вѣдь параллели с христіанством, сам по себѣ, коммунизм исплохая вещь — не хуже других, с ним смежных, одноприродных цѣнностей: либерализма, корпоратизма, социализма. Что же вышло из него в атмосферѣ озлобленія и безчестной лжи? Не братское общежитіе тружеников, а сумасшедшая, адова толчея!.. Взглянем правдѣ в лицо. Вполнѣ ли застрахован от сходной судьбы и наш «Новый Град»? Задуман он любовно. Осуществлен будет смѣло. Только в реформах ли центр? Не тѣм ли и обезкрылены мы с ними, что забыли за ними про главное? А главное: у Россіи вынималась душа; Россія лежала в мертвецком саванѣ, испускала уже запах тлѣна. Какой бы ей ни стать теперь — республиканской, монархической, идео- или демо-кратической, либеральной или коллективистической — она, прежде всего, должна очнуться, вернуть себѣ душу живу, откинуть саван и омыться от тлѣнія. Вот оно — забытое главное! Вот центральное чаяніе, разгоняющее «ауру»!..

Об «аурѣ» Бердяев пишет: — «милитаризм, этатизм, ...эманация абсолютнаго государства»... Начала, безспорно, присущія Россіи, и начала злыя. Но, вѣдь, живут они в Россіи вѣка (Бердяев сам вспоминает о Грозном), «аурѣ» же от роду всего девятнадцать лѣтъ! Значит, к старому злу Октябрь прибавил еще какое-то свое, от каковаго новаго зла и излучилась аура. Это новос, уже октябрьское зло и на старое зло наложило своеобразную печать новизны. На конкурсѣ безчеловѣчной жестокости неизвѣстно еще взяла ли бы большевизм первый приз: может быть раздѣлил бы его с Салтычихой. Но на конкурсѣ в нѣ человѣчія, поруганія образа человѣка, первый приз ему обеспечен: «показательные процессы», «Бѣломорскій

канал», тысячи дѣтей, умоляющих дорогого вождя «не цадить крови измѣнников» — какой кокурент выдержит эту марку!.. В русском языкѣ издавна существуют слова, от которых жуть пробѣгает по кожѣ, и на головѣ слегка шевелятся волосы: — «Малюта», «дыба», «шпицрутены». — Сколькими новыми обогатило, за девятнадцать лѣт, наш язык ильичево черное стадо! «Соловки», «Лубянка», «угробить», «в расход» — новыя слова не только по новому, жуткому смыслу их, но и по совершенно новому отгѣнку их жуткости. Для этого «новаго» нѣт адекватнаго имени. Развѣ — ложь? Только и ложь тут особенная — с каким-то специфическим, странным «душком».

Что-то гниlostное, фальшивое проникает всю «совѣтскую» жизнь: все с какой-то не то сумасшедшиной, не то мертвечинкой. Все же другое, нефальшивое, глубоко скрыто в тайниках индивидуальной души, дожидаясь своего дня. Ложью все началось («власть совѣтам!»), продолжалось («землю крестьянам»), углубилось («золотое сердце Феликса») и совершенно уже беспардонно заканчивается в наши дни («обожаемый вождь народов»). Вѣрить в современной Россіи нельзя ничему и вѣрить можно всему (Бердяев). Самое дикое и невѣроятное приходится проглатывать там, как противный факт, в самом простом и естественном — сомнѣваться. На любую, нахально раскрашенную рекламу находятя охотники вѣрить; на самое очевидное, ребенку понятное, многие скептически улыбаются. Что там: хорошо или плохо? Борьба героев или рабское пресмыкательство? Утро жизни или погружение в ночь? Свидѣтели и очевидцы найдутся на все. И не в том бѣда, что кто-то из них ошибается, а другим, говорящим правду, не вѣрят. Ужас в том, что и правы, и заблуждаются в сѣ, ибо все там есть, и нѣт ничего.

Что там подлиннаго, спорнаго?

Красная армія? Сверхмилліонная, сверхмоторизованная, полная дисциплины. Авіоны, танки, бронепоезды без числа. Тучи парашютистов и парашютисток. А рядом — «тыл», «кадры», пути сообщенія, тайныя думы широких масс. Что реальнѣе? За чѣм и за кѣм послѣднее слово? И

почему это японцы не трепещут перед этой изумительной силой, а Хитлер боится лишь в мѣру внутренних надобностей? Почему это союзники не ощущают за ея спиной особеннаго уюта? Почему это в серьез и без фальши ея побаивается, кажется, только собственное правительство?

Патріотизм? Автор «писем оттуда» свидѣтельствует: «только теперь возникло в Россіи живое ощущение родины». Такому свидѣтелю не вѣрить нельзя. Но вот огромный вопрос: есть ли связь между этим «живым ощущением» и готовность положить живот за несравненных Иосифов и «обожаемых Климов»? Гдѣ начинается одно и гдѣ кончается другое? Не в конфликтѣ ли тут «настоящая нѣжность» («тихая» по слову поэта) с назойливым барабанным боем «Извѣстій» и «Правды»? А если да, то как разрешится конфликт? и что нужно дѣлать, чтобы в грозный для Россіи час безошибочно оказаться с народом?

Пятилѣтковая промышленность? Грандіозно, что говорить! Гиганты! Скольких изумило и привело в восторг. Но слушасшь восторги, и тѣснится в памяти знаменитый короленковскій анекдот — впечатлительный пареня, из Чухломы попавшій неожиданно на Кавказ: «Направо посмотришь...!», «налѣво взглянешь...!». Только Кавказ способен потрясти своими красотами и не одного чухломца, а тут... Но допустим — и тут чудеса. Почему же никто от души, по человѣчески, не позавидует обладателям этих чудес? Почему ни один современный Карамзин не воскликнет в своих «Письмах французскаго или американскаго путешественника»: Счастливые Россы?..

Главный козырь совѣтской жизни, пресловутая «радость»? Крѣпко сложенные ударники и ударницы. «Широкоскулыя дѣвушки сѣвернаго типа с гладкими волосами». «Совѣтскіе ребята — здоровые, зубастые, крѣпкіе». Рабочіе, восторженно воющіе по заводам: «давай, давай, давай!»... Уже в этом перечнѣ проступает смѣсь фальшиваго с подлинным, цѣннаго с пошло-рекламным. Но все же — и подлинное. Радуются, конечно. Молодые, здоровые, да еще русскіе, да еще (что грѣха таить?) морально огрубѣвшіе — как не радоваться? Радовались и у Достоев-

скаго в «Мертвом домѣ»: «Всюду жизнь» — картинка известная. Помню сам гоготанье за чехардой на общих тюремных прогулках в царское время, залихватские хоры и пляску в грязной, до отказа переполненной каторжной пересылькѣ в Иркутскѣ. Помню радости и советского уже строя — в самый разгар «военного коммунизма», в годы, о которых никто не вспомнит теперь без ужаса, в обстановкѣ не умѣстившихся еще в быт и больно ранивших душу жестокостей, при пустом или наполненном пшенкой желудкѣ: восторженное потрошеніе академического пайка, дружескія посидѣлки за героически добытым самогоном, да и «трудовые воскресники»: чистый, морозный воздух, взлетающий под лопатами снѣг... с цѣлыми ворохами не отмѣненной еще тогда (да и не отмѣнимой вообще) «черемухи». Но ясно помню и то, как над буйной радостью молодых звѣрей неустанно шевелилось тогда что-то жгучее, пыло непрерывно, как плохо заговоренный зуб... Знаем — и у них ноет. Глуше, сокровениѣ («заговорено» крѣпче), но и напряженнѣе. Эта тайная, в отдѣльных случаях и для себя самого, боль должна мѣшать животной советской радости превращаться в человѣческую — свѣтлокрылую, широкодачную, напоенную дыханьем свободы. Многим, и немолодым, — усталым, измученным, — видится радость, но и эта радость, как все только снящееся, отравлена непрерывным шорохом яви...

Зловѣщая, «красно-коричневая» аура. «Такую ауру имѣют, вѣроятно, люди послѣ совершения преступления» (Бердяев)... Если мы не погибли, если Россія воскреснет, — измѣнится прежде всего ся аура. Такую ауру, какую она будет имѣть, имѣют, вѣроятно, вѣрующіе в день причастія, герои послѣ совершения подвига, всѣ вообще послѣ смятенія обрѣтшіе душевный покой... Свѣтлая, примиренная совѣсть народа, омытый покаяніем и отброшенный грѣхъ — это, а не «советская жизнь, как она дана» (Степун), будь в тысячу раз совершеннѣе ея матеріальные и социальное-политическія достижения, есть «пригодная база» хотя бы и для первого только, «гуманитарного этажа Нового Града».

Откуда же придет эта просвѣтленная совѣсть? Ждать ея — не чуда ли ждать? А на вѣрѣ в чудо какую активность построит политик? Не до чудес и гражданину-патриоту, ничего вообще не желающему и не могущему «ждать»... Да, может быть, и благодатное чудо. Чудо вполне совмѣстимо с активностью: вся историческая активность человечества была и является, если угодно-сплошным чудом. Но не о чудесах сейчас разговор. Не в порядкѣ «высоких матерій» подняли мы вопрос о просвѣтленіи совѣсти. Есть в нем конкретное, доступное пяти чувствам, — не менѣе конкретное, чѣм любая «национализация ключевых производств». Конкретное это — вопрос о «кадрах», вопрос о том, кѣм спасена будет Россія из политического тупика, кто выведет ее на широкую столбовую дорогу. И даже еще конкретнѣе: удастся или не удастся послѣдышам и моральным наслѣдникам ленинизма, лестью горшей, чѣм все предыдущее, еще раз, в послѣдній уже, обмануть Россію, сойдя перед ней за ея спасителей и вѣрных сынов? Не все к этому вопросу сводится, но отвѣтом на него предрѣшается все. «Чьими руками будет твориться в Россіи новое дѣло?» (Степун). Чьими в точности — не дано пока знать. Но мы теперь уже обязаны знать: не руками тѣх, кто во имя своих идей рѣшился вздернуть Россію на дыбу и занести над ея грудью кинжал убійцы. Никакими ухищреніями, никакими маскарадами и мимикріей им признанными народом правителями не стать, роли скромнѣйших хотя бы участников спасенія Россіи не сыграть. Россія и «они» — два исключяющіе друг друга міра. В предѣльном по ужасу случаѣ «их» мір восторжествовать мог бы лишь над духовно умершей Россіей.

Есть вещи, которых не прощают, не умерщвляя себя морально, с которыми не примиряются, не угасив свою совѣсть. Не прощают убійцам матери, оскорбителям чести семьи; не протягивают руку іудам. Нѣтъ прощенія и посягнувшим на душу Россіи, дерзнувшем увидѣть в Россіи лабораторнаго кролика — ни им самим, ни их приемышам и продолжателям, в какія бы новыя краски они ни пере-

крашивались. Дерзая, знали, что дѣлают, — открыто брали «кровь Ея» на себя и дѣтей, и нѣтъ уже теперь в мѣрѣ силы, которая могла бы разрѣшить их от этой, свободно избранной клятвы. Кошунственное послышалось мнѣ в надеждах Степуна, что «новая, поднимающаяся из глубин русскаго народа вѣра не снесет большевицких голов», уже в самом вопросѣ — «снесет ли?» Снесет! и сомнѣнья не может быть! Снесет, конечно, не в физическом смыслѣ — мести, кровавой расправы. О мести в «тот» миг забудут, прежде всего, а если вспомнят, то тут же опомнятся. Это мечь предполагает непрощеніе. Непрощеніе же мести не предполагает: не простить, значит не примириться, и все; остальное в непрощеніи — постороннее, идущее из других источников, тѣх как раз, которые в момент «пробужденія» должны оказаться изсякшими. Ибо каждому откроется тогда собственная вина: всѣ мы (народ) виноваты; это народ захотѣл, это народ допустил. Кто тогда посмѣет — интеллигент, рабочий, революціонер, ретроград, христианин, атеист — кто посмѣет бросить камнем в виновнаго, а про себя сказать: «чист»? Кто, кому будет мстить? Тѣм же, кто этого не поймет, непременно придет на помощь наука, великій утѣшитель людей в моральных конфликтах. Эта всѣх, наоборот, обѣлит, ибо все, согласно природѣ своей, объяснит и подведет под непреложный «закон»: не понявшим поможет не мстить «соціальная физика», и тогда самые заядливые «метафизики», в первый раз дружелюбно ей за то улыбнутся... Нѣтъ, только не злоба вяжется с великой «секундой». Пасхальный благовѣст скорѣе, радостное «объемем друг друга!»...

Но что же, если не мечь? Мс жа — устраняющій сомнѣнія, четкій водораздѣл: «Вот, что было и чему не бывать! Вот, что будет, не может не стать!».

Запомним: от нынѣшней смерти к воскресенію нѣтъ для Россіи сплошнаго пути. Путь разрывается скачком через бездну, мигом рожденія совѣсти, разрѣшенной от клятвы... Как назвать?.. Національная революція?.. Не годится: слишком захватано нечистой рукой. Да

и какая же революція? Революція, это — прошлое, гдѣ совершался распад, гдѣ устремлялась кверху подземная лава. Здѣсь обратное: собраніе, преодоленіе темных подземных сил. Революція, это — «судорогой страсти искаженная маска» (Федотов). А здѣсь — восстановление человѣческаго лица, воля народа, проснувшаяся от летаргіи. Вот в чем «снесеніе большевицких голов»! «Возстановителями церковных оград» (Степун) не могут быть «перемѣнившіе взгляды, большевицкіе мальчишки: ими могут стать только маленькіе Павлы, побывавшіе, вмѣстѣ с Россіей, на дорогѣ в Дамаск, люди новаго озаренія, умертвившіе Савлов и «обезглавившіе» большесвиков, ибо сами — обезглавленные большевики. Здѣсь конечный разрыв с революціей — не съ тѣм, что через голову ея было создано за это время русским народом, а с ней самой — с собственной ея стихіей злобы и лжи. С этого разрыва должно начаться. Полновольное «нѣтъ» дѣяніям Октября — первый, рѣшающій, шаг ко всероссійскому воскресенію: ни СССР, ни краснаго знамени, ни интернаціонала! Что там еще за «Ленинград»? Что за «улица Клары Цеткин»? Вчера еще призрачно-реальное, сегодня быльем поросло. Как болотная мгла, испарился недобрый сон...

Имя врагу лезть и ложь: проникнемся правдой без страха и лести! Ложь убьем, — погаснет зловѣщая, кроваво-коричневая аура. И всего добьемся тогда. Все доступное человѣку удастся. Творческія силы Россіи безграничны: Новый Град наш во истину будет и «новым» (твореніем нашим) и «Градом» (твореніем Божиим»). А не убьем ложь, пронесем через грань смертоносный яд, — ничего тогда не удастся, ни из чего ничего не выйдет: прекраснѣйшіе замыслы, как живое в тѣни Анчара, будут вянуть и стыть...

Много униженій пало на долю Россіи. Через многія паденія она прошла. Послѣдняго, без сравненія горшаго всѣх, — быть «спасенной» собственными, во время подобрѣвшими, малютами, отдаться волей под руку вернувшимся сребреники іудам — ей пережить не дано. Ибо, сгинуть

ли ей тогда физически, под песками пустыни, сгнить ли навозом для «чистых» арийских рас, расцвѣсть ли, наоборот, всѣх перегнавшей, доселѣ невиданной, сверх-американской цивилизаціей, — смерть все равно: Россіи не будет; от Россіи останется имя, великое прошлое да, может быть, «великія» же, но безсильныя и ненужныя больше историческія претензіи.

Там же, и так же, находит свое разрѣшеніе не теряющая доселѣ своей остроты проблема «пореволюціонности». Пореволюціонное, это не то, что (с такими-то поправками на націонализм и свободу) «принимает положительныя завосванія Октября» и его продолжает: к этому сведенное, пореволюціонное ничѣм кромѣ фразеологій не отличалось бы от революціоннаго. У подлинно пореволюціоннаго «аура» иная — вот существо различія. В пореволюціонной аурѣ эманация примиренной совѣсти, отпущеннаго грѣха против Духа Святаго, услышанной молитвы к Нему: «Прииди и вселися!»...

Вопрос о пріятіи, и каких именно, измѣненій, вошедших за період революціи в нашу общественную и культурную жизнь — огромный и важный вопрос, но при всей огромности своей — вопрос второй. Первым остается вопрос об аурѣ — какой ей быть, прежней ли — кроваво-коричневой, рволюціонной, новой ли — осіянной побѣдами духа, пореволюціонной. Не во «вростаніи в революцію» и не в «выростаніи» из нея состоит пореволюціонность, а в «разставаніи с ней, в исцѣленности от ся черных чар. Ни отдѣльныя «достиженія революціи», ни вся совокупность их, сами не рѣшают еще проблемы Россіи в сторону жизни. Как бы ни был велик социальный их вѣс, им одним поникшей души Россіи не вознести. Она воспрянет сама — напряженіем просвѣтленной воли. Новая, преображенная воля и есть пореволюціонная Россія. Остальное приложится...

Ив. Херасков.

ИДЕИ . И ЖИЗНЬ

Под знаком нашего времени

Когда люди живут на родной землѣ, когда они являются гражданами или подданными какого-либо государства, то, — будь они в самой крайней оппозиціи к его устоям, — они продолжают отвѣчать за него. Имѣть какую-либо вѣру, какое-либо убѣжденіе, какое-либо мнѣніе, будучи внутри нѣкой государственной системы, — это значит нести послѣдствія этого мнѣнія и убѣжденія. Если оно совпадает со мнѣніем власти, — послѣдствія оказываются положительными, — человек достигает общаго признанія, возможности осуществлять себя, вывѣляться, получать богатство, положеніе и т. д. Если мнѣніе расходится со мнѣніем большинства, то человек несет за это отвѣтственность, против него воздвигаются гоненія, он лишается свободы, жизнь его ломается, он может быть даже уничтожен, — казнен, изведен ссылками и т. д. Такова жизнь всѣх, не покинувших свою родину, связанных с ея исторической судьбой. И будь эта родина Россія, или Германія, или Испанія, или даже Франція, — каждый ся гражданин знает, за что его ждут кары, и каковы эти кары, и за что его ждет общій успѣх и признаніе. При чем это касается не только тѣх его взглядов, которые связаны с политическим режимом данной страны, — это касается его вѣры, его міросозерцанія. Міросозерцаніе становится отвѣтственным. Вѣра может быть исповѣдана под условіем готовности к мученичеству. Все пріобрѣтает значеніе, все опредѣляет необходимость четкаго и рѣшительнаго выбора. И вмѣстѣ с тѣм на возможность этого выбора оказывается огромное, подчас непреодолимое давленіе. Если у меня к какому-нибудь взгляду лишь неопредѣленная симпатія, то перед лицом всѣх возможных кар за этот взгляд я еще подумаю, стоит ли его особенно открыто исповѣдывать. И лишь при какой-то абсолютной и неотвратимой захваченности какими-либо убѣжденіями, я рѣшусь пойти в защиту их до конца, — до мученій и даже смерти. Из этого вытекает извѣстная осторожность в душах тѣх, кто связан со своим національным организмом, огромная вліяемость каждаго члена этого организма, связанность, зависимость. Не знаю, стоит ли приводить примѣры, — их безконечное множество. Если за участіе в крестном ходѣ можно попасть на Соловки, то человек, может быть и стойкій, воздержится от участія в нем, — просто чтоб не потратить всей своей жизни на крестный ход, а побережь ее для болѣе цѣлесообразнаго мученичества. Перед «гражданами» всякій выбор стоит как нѣкая послѣдняя черта, послѣ которой они начинают нести отвѣтственность всей своей жизнью. И вмѣстѣ с тѣм

«гражданин» всегда не свободен, всегда чувствует на себя всю тяжесть давления власти, общественного мнѣнія, традицій, быта, исторіи своей страны. Все это мы знаем, потому что все это свершалось в наших жизнях, — мы знаем, что в эпоху гражданской войны выбор опредѣлял собой смерть, тюрьму, изгнаніе, полное калѣченіе судьбы. Мы помним, что значило нести отвѣтственность за свои взгляды, мы помним отсутствіе свободы в их исповѣданіи. И еще болѣе мы знаем, что значит исповѣдывать вѣру там, гдѣ она гонима, гдѣ против нея воздвигнута вся мощь государства. Мы знаем, как за крестильный крест на шеѣ людей лишали куска хлѣба, как за книжку религіознаго содержанія ссылали в лагерь и т. д.

И вот мы становимся эмигрантами. Что это значит? В первую очередь это значит свобода. Это значит нѣкое абсолютное выпаденіе из закономерности, нѣкое окончательное освобожденіе от всякой внѣшней отвѣтственности, чрезвычайно мучительное и одновременно блаженное пребываніе внѣ вліянія власти, общественнаго мнѣнія, традицій, быта и исторіи своей страны. Мы как бы теряем вѣсомость, теряем тѣлесность, приобретаем огромную удобоподвижность, легкость, расковываемся, — и ни за что ни перед кѣм не отвѣчаем. Если мы вѣрим, никому до этого нѣтъ дѣла. Если мы не вѣрим, — тоже никому до этого нѣтъ дѣла. Если в области политической мы исповѣдуем тѣ или иные крайніе взгляды, это ни на чем не отражается, — мы даже не можем пассивным участіем в выборах дать один лишній голос тѣм, кому мы сочувствуем. Мы почти что тѣни. Наше собственное общественное мнѣніе не имѣет никакой силы. Может быть никогда и никто не бывает так внѣ всего жизненнаго процесса, как человек, потерявшій все свои гражданскія права и обязанности, как человек, становящійся в полном смыслѣ безотвѣтственным, как эмигрант. «Гражданин» имѣет возможность осуществлять себя, неся невѣроятные накладные расходы по этому осуществленію, — он все время должен преодолевать тренія, — среды, общественнаго мнѣнія, традицій. Мы никаких треній преодолевать не должны, мы никаких накладных расходов не несем, но мы почти лишены возможности осуществлять себя, потому что лишены тѣлесности, не имѣем никакой точки приложенія своих сил.

Такова объективная характеристика нашего состоянія. Но помимо необходимости характеризовать его, у нас есть потребность религіозно его осмыслить. В началѣ XIX вѣка существовала цѣлая плеяда социальних утопистов, мечтавших о созданіи новой жизни на необитаемых островах, построенной на новых и справедливых законах, зарождаемой внѣ старой и несправедливой традиціи. Им не удалось найти необитаемых островов. Нам эти необитаемые острова даны помимо нашей воли в самых центрах міровой исторіи. Мы можем в Парижѣ или Нью-Йоркѣ устраивать свои монархіи или республики, свои общины, свое пустынножителство. Сосѣднему хозяину быстро нѣтъ

дѣла, какой режим царит у нас, и вѣруем ли мы в Бога или поклоняемся протоплазмѣ. Префектура требует от нас какого-то минимума в исправности паспортов, налоговой инспектор собирает налоги, — вот и все наши связи с внѣшним міром. А внутренній, свой, эмигрантскій, достаточно безсилен и безтѣлесен, чтобы активно вывить свое недовольство тѣм или иным направлением в своей собственной средѣ.

К чему же нас призывает наша особая ненормальная жизнь? К чему нас привело уже это полное отсутствіе косности, эта развоплощенность, эта безграничная свобода от всякаго внѣшняго принужденія?

В какой мѣрѣ оказались мы достойны ея? В какой мѣрѣ мы ее творчески осуществили?

Мы дѣти войны и революціи, мы, знающіе силу и закон катастроф, гибели, смерти, мы приобрѣтшіе какую-то страшную мудрость в період нашего крушенія, мы, знающіе непрочность всякаго благополучія и призрачность всякой устроенности, — мы оказались вновь в современном неустоенном мірѣ, ждущем новых катастроф, бредящем грядущими войнами, раздираемом гражданской войной, ждущем небывалых исторических катаклизмов. Кажется бы, что наш горькій опыт должен был бы сдѣлать нас болѣе зрячими, болѣе мудрыми. Мы должны были бы умѣть расцѣплять по настоящему блага жизни, ея прочность. На самом дѣлѣ мы все в разной степени подчинились взглядам, существующим в окружающей нас средѣ. Если как-то одуматься и приглядѣться к ней внимательно, то всего больше поражает нѣкая психологическая устойчивость, безпечность, срединность, отсутствіе подлинной взволнованности в ней, утвержденіе маленькаго быта на склонах начинающаго дѣйствовать вулкана. Мнѣ часто вспоминается Пушкинскій «Пир во время чумы». В чем разница того, что он нам рисует, и нашего положенія? Чума, конечно, царствует в нашей жизни. Каждый номер газет говорит нам о новых ея побѣдах. Все ждут, что она может ворваться и в наш дом. Сегодня гаснет одна ея вспышка, чтобы завтра разгорѣться в новом мѣстѣ. В этом смыслѣ разницы нѣтъ. Но разница в том, что мы не пируем, — и окружающая среда тоже не пирует. В напряженіи и взвинченности пира есть какое-то ощущеніе ужаса, какое-то касаніе к послѣдним вещам. Вы чувствуете, что пирующіе все время на волоскѣ от подлинной трагической реакціи, что какое-то слово, какой-то жест, какой-то незначительный факт, — и они начнут каяться и бить себя в грудь, и отдавать себя в любви тѣм, кто болѣе несчастен, и примут смерть просвѣтленно и по настоящему. Пир во время чумы иной, чѣм наша жизнь, потому что он болѣе напряжен, и в этой напряженности подлинен. Мы же, — и тут вопрос не в обличеніи и не в критикѣ, а в какой-то безысходной горечи сознанія, что это так, — мы в самом нашем неблагополучіи очень благополучны, мы ведем гнѣзда на скалѣ, обреченной обвалу, мы подчинили себя духовному мѣщанству, ду-

ховной срединности, теплохладности. Это касается всѣх. Всѣ лишены сейчас подлиннаго религіознаго горѣнья, все тлѣет, все дымит кругом.

Если же мы обратим вниманіе на нашу прицерковную среду, на тѣх, в жизни кого Церковь занимает большое мѣсто, кто опредѣляет себя из своего Православія, то надо признаться, что наблюденія наши не будут особенно радостными. Конечно, в Церкви всегда есть праведники, — есть они у нас. В Церкви есть всегда чистыя и отрѣшенныя души, — и сейчас мы их можем встрѣтить. Но помимо этого есть церковная очень обширная группа, которая воспринимает православіе, как нѣкій атрибут своей принадлежности к старой русской государственности, как нѣкую часть уходящаго быта, как свидѣтельство о политической благонадежности и о политическом правотѣ. В какой-то мѣрѣ она является нашим церковным общественным мнѣніем, выдает патент на положенное и запрещенное, выскивает еретиков, мечтает о временах, когда вновь свѣтская власть всей силой своего карающаго и полицейскаго аппарата будет блюсти чистоту Православія, а Церковь своим духовным авторитетом осуждать антигосударственныя направленія.

Эта группа может приносить большой вред, потому что она активна, обличительна и легко клеветает. Но в концѣ концов ея активность вызывает к ней не вражду, а скорѣе жалость. Если бы у нея была почва под ногами, она бы ссылала и вѣшала теперь она только шепчется и клеветает. С ней нѣтъ особаго смысла бороться, потому что сама жизнь ведет с ней ежедневную и побѣдоносную борьбу. Самые классическіе образцы ея творчества можно видѣть в безчисленных брошюрах, издававшихся в Бѣлградѣ по поводу церковнаго раскола. Вообще можно утверждать, что, так сказать, полюс притяженія ея взглядов на жизнь находится именно там, хотя к сожалѣнію ея послѣдователи имѣются вездѣ.

В церковной жизни можно найти и иной полюс притяженія для иных сил. Он так же находится во вновь образовавшейся церковной группировкѣ, — так называемой патриаршей церкви, — болѣе может быть изысканной и культурной, чѣм первая. Общи им, — боязнь живого взаимоотношенія с жизнью, преклоненіе перед буквой, возведеніе канонів на уровень богооткровенной истины, вѣра в непогрѣшимость того, что полагается, жажда обличать и выскивать ереси. Но в этой второй группѣ, может быть из-за болѣе интеллигентнаго состава ея членов, гораздо сильнѣе эстетическій момент, начало нѣкаго истерическаго упоенія церковным благолѣпіем. Кромѣ того, в то время, как первая церковная группа насквозь отравлена политикой, вторая в политическом отношеніи очень пестра и неопредѣленна. Она тоже консервативна, тоже блюдет устои, но эти устои нѣсколько иные, чѣм у первой, — она не станет воскрешать синодальнаго періода церкви, она стремится к устоям бо-

лѣе благолѣпным и архаическим. Всякій намек на свободу ей чужд. Если она не захотѣла бы пользоваться мѣрами государственнаго принужденія для вразумленія инакомыслящих, то это только потому, что она надѣется на иной способ вразумленія, — при помощи самую церковью возжигаемых костров, инквизиціи. В ней есть напряженность фанатизма, в ней есть и нѣкоторая доля творчества, но творчество это слѣло к нашей современной жизни, оно какое то комбинаторское, безлюбое творчество.

Если бы вопрос исчерпывался наличием только этих слоев эмиграціи, то вообще о ея судьбѣ не могло бы быть двух мнѣній. Это значило бы, что всей массѣ русских людей, оказавшихся внѣ родной почвы, непосильна тяжелая ноша свободы и безответственности. Свобода спалила их. Пустыня оказалась насленной черною силою, и черная сила поглотила их. Но есть ли в эмиграціи нѣчто иное и каким это иное должно быть? Каким оно должно быть, чтобы эмиграція имѣла внутренній, духовный смысл, чтобы она оправдала себя?

Я не буду утверждать или отрицать наличие этой послѣдней группы. Я ограничусь только характеристикой того, какова она должна была бы быть, хотя думаю, что если бы ее не было, мы давно утратили бы способность дышать. Во-первых мы должны понять провиденціальныи смысл данной нам свободы. Мы должны приять ее, как тяжелый дар, и не только внѣшне отнестись к ней, но дать ей проникнуть до самых нѣдр нашего духа, в ея свѣтѣ пересмотрѣть и провѣрить всѣ свои обычные и привычныя взгляды и устои. Если мы свободны от вліянія государства и власти, то достаточно ли мы освобождены от нами самими создаваемаго канона убѣжденій, обычаев и правил? С самой ранней молодости человекъ постепенно включает в какую-то свою внутреннюю настольную книгу цѣлыя главы и страницы чужихъ взглядов. Воспринявъ их однажды горячо и ярко, он потом вводит их в нѣкій обязательный список того, что полагается. Взгляды эти мертвѣют, не соответствуют данному сосоянію его души, а соответствуют чему-то давно ушедшему. Но он их повторяет из года в год, потому что у него не хватает мужества или времени произвести как-бы ревизію своего міросозерцательнаго инвентаря. Он продолжает дѣйствовать не по внутренней потребности, а по безоговорочному довѣрію к своему собственному міросозерцательному прошлому. Все так налажено, все так сложилось, все приняло такія крѣпкія, даже эстетическія формы, что зачастую даже рука не подымается нарушить эту устоявшуюся картину душевнаго міра. Мы прочно застегнуты в свое міросозерцаніе, мы хорошо одѣты, мы просто спеленуты им. И мы правы, когда боимся оказаться в состояніи свободы в этой области. Вѣдь может быть это единственное, что у нас осталось прочнаго. И должна быть какая-то внутренняя катастрофа, какое то послѣднее и глубинное обнищаніе; какое-то стремленіе к самой безопадной честности, чтобы человекъ рѣшился все поставить

под сомнѣніе, отказаться от возможности говорить от Достоевскаго, или Хомякова, или Соловьева, и стал бы говорить только от имени своей совѣсти, от той или иной степени своей любви и своего Боговѣдѣнія. Но как бы ни было трудно сказать обнищавшимъ людямъ, — нищайте еще, — таково внутреннее велѣніе данной намъ свободы. Все в ея свѣтѣ кажется малымъ и случайнымъ кромѣ самыхъ страшныхъ вопросовъ жизни и смерти, Божьей любви и Божьяго вмѣшательства в нашу судьбу. Это первое и главное, — не дать ни трусости, ни своеобразной эстетико-міросозерцательной устроенности затемнить страшное наше стояніе в пустынѣ передъ Богомъ. В этомъ смыслѣ мы должны эмигрировать и из этого міросозерцательнаго благополучія, мы должны открыть нашу душу всѣмъ сквознякамъ и вѣтрамъ абсолютной внутренней свободы. Таковы, мнѣ кажется, внутренніе пути.

Переходя к ихъ вѣшнему обнаруженію и осуществленію, мы должны в первую очередь понять тайный смыслъ того факта, что потерявъ нашу земную родину, мы не потеряли родины небесной, что с нами, среди насъ, находится Церковь, и вся православная Церковь цѣликомъ, она не дѣлится по частямъ на какія-то под-церкви. И в Россіи она цѣликомъ, и в эмиграціи она цѣликомъ, и в каждомъ приходѣ цѣликомъ. И это единственное мѣсто, гдѣ намъ еще дано осуществлять себя, и единственная работа, которая, не смотря ни на что, удается.

Посмотримъ и на церковное дѣло с точки зрѣнія нашей свободы, которая здѣсь, какъ индѣ, обзываетъ. Тутъ мнѣ хочется только оговориться. Не такъ давно мнѣ пришлось высказываться на эту тему в одномъ журналѣ. Моя статья вызвала совершенно неожиданный для меня откликъ. Самое констатированіе факта нашей необычайной освобожденности по сравненію с положеніемъ Церкви во всѣ времена ея существованія отчего-то заставитъ предположить нѣкоторыхъ людей, что я считаю только нашу эмигрантскую церковную жизнь подлинной, а двѣ тысячи лѣтъ церковной исторіи какъ бы выбрасываю, зачеркиваю, считаю ничѣмъ. Далѣе из этого дѣлаю выводы о томъ, что я отрицаю праведность и святость в Церкви в періодъ ея государственнаго плѣненія. Трудно опровергать такіе произвольные и ни на чемъ не обоснованные выводы изъ точныхъ словъ. Тутъ пожалуй не опровергать надо, а в различныхъ выраженіяхъ повторять одни и тѣ же мысли, чтобы они стали наконецъ понятными. Церковная исторія всѣхъ временъ содержитъ страницы, посвященныя подлинной святости. Лишеніе свободы ни в коемъ случаѣ не умаляетъ возможности святости, — болѣе того, — можетъ быть именно в періоды максимальнаго лишенія свободы расцвѣтаетъ самая яркая, самая непреложная святость. Это касается эпохъ гоненій, являющихся и эпохами мученичества. Думаю, что и тяжелый прессъ государственнаго насилія в періоды покровительства государственной власти, раздробляя религиозную волю однихъ, из другихъ создавалъ подлинныхъ исповѣдниковъ Христовой правды.

Но церковную судьбу можно разсматривать не только с точки зрѣнія роста в ней святости. Такъ же законна любая точка зрѣнія, выдѣленіе любой сферы церковной жизни и освѣщеніе любого вида церковнаго творчества. Можно говорить о Церкви с точки зрѣнія церковнаго искусства, с точки зрѣнія развитія догматовъ, с точки зрѣнія видоизмѣненія церковнаго управленія и т. д. Такъ вотъ совершенно такъ же законно говорить о церковной жизни с точки зрѣнія свободы ея. И никто, говорящій, что Церковь была несвободна, вовсе тѣмъ самымъ не говоритъ, что в ней не было святости, или, что она раздиралась ересями, или еще что-либо, кромѣ одной вещи, — что она не была свободна. И утверждая свободу, мы утверждаемъ только именно этотъ фактъ, — эмигрантская Церковь свободна. А изъ этого факта наша совѣсть заставляетъ дѣлать особые выводы. Потому что наша совѣсть должна чувствовать себя отвѣтственной за эту свободу, должна оправдать себя, должна честно принять этотъ великій и тяжелый даръ.

Свобода обязываетъ, свободы вызываетъ жертвенную отдачу себя, свобода опредѣляетъ честность и суровость к себѣ, к своему пути. И мы, если мы хотимъ быть суровыми и честными, достойными данной намъ свободы, то в первую очередь мы должны провѣрить наше собственное отношеніе к нашему духовному міру. Мы не имѣемъ права безоговорочно умиляться на все прошлое, — многое изъ этого прошлаго гораздо выше и чище насъ, что многое грѣховно и преступно. Къ высшему мы должны стремиться, с грѣховнымъ бороться. Нельзя все стилизовать подъ нѣкій сладостный звонъ Московскихъ колоколовъ, — религія умираетъ отъ стилизаціи. Нельзя культивировать мертвый бытъ, — только подлинное духовное горѣніе вѣсомомъ в религиозной жизни. Нельзя замораживать живую душу правилами и уставами, — они были в свое время выраженіемъ другихъ живыхъ душъ, а новыя души требуютъ соотвѣтственнаго своего выраженія. Нельзя воспринимать Церковь, какъ нѣкое эстетическое совершенство и ограничивать себя эстетическимъ мнѣшемъ, — Богомъ данная свобода зоветъ насъ къ активности и борьбѣ. И было бы величайшей ложью сказать ищущимъ душамъ, — идите в Церковь потому что тамъ вы найдете покой. Правда обратна. Она говоритъ успокоеннымъ и спящимъ: идите в Церковь, потому что тамъ вы почувствуете настоящую тревогу о своихъ грѣхахъ, о своей гибели, о грѣхахъ и гибели міра, тамъ вы почувствуете неутоляемый голодъ о Христовой истинѣ, тамъ из теплыхъ вы станете пламенными, из успокоенныхъ, — тревожными, из знающихъ мудрость вѣка сего, — вы станете безумными во Христѣ.

Къ этому безумію во Христѣ, къ этому юродству во Христѣ зоветъ насъ наша свобода. Свобода призвала насъ наперекоръ всему міру, наперекоръ не только язычникамъ, но и многимъ, именующимъ себя христианами, строить церковное дѣло именно такъ, какъ его всего труднѣе строить.

И мы будем юродствовать, потому что мы знаем не только тяжесть этого пути, но и величайшее блаженство чувствовать на своих дѣлах руку Божью.

Монахиня Марія.

Французская молодежь и проблемы современности

Истекшіе мѣсяцы, столь насыщенные событиями, глубоко всколыхнули французское общественное мнѣніе. Точка зрѣнія обывателя, лѣваго или праваго толка, нам хорошо извѣстна. Большую сложность представляет отношеніе к проблемам современности «третьей силы», т.-е. молодой идейно и духовно настроенной Франціи, о которой мы уже писали в прошлом году¹⁾.

Впервые эта молодежь столкнулась с цѣлым рядом новых конкретных, социальных и политических фактов. Она уже не может довольствоваться отвлеченными рассужденіями, а призвана приложить свою идеологию к жизни. Выработанные ею за послѣдніе годы духовные и социальные критеріи нынѣ провѣряются на дѣлѣ.

Наиболѣе смѣло и рѣшительно подошла к вопросам внутренней политики и социальных преобразований Франціи группа «Ордр Нуво». Располагая «твердой», тщательно выработанной идеологией, которая облеклась в форму настоящей доктрины (федерализм, автономная административная коммуна, ликвидация заработной системы, депролетаризация рабочих, трудовая повинность, и т. д.), «Ордр Нуво» рассматривает французскія внутренне-политическія событія и опыт Блюма под определенным углом. Напомним, что эта группа ищет опоры в живой традиціи французской революціонной мысли (особенно Прудона), которую она противопоставляет «мертвящему» марксизму.

«Правда, — пишут Клод Шеваллэ и Ренэ Дюпун в коллективной статьѣ, напечатанной в ноябрьском номерѣ 1936 г. журнала «Ордр Нуво», — старый французскій революціонный социализм был часто туманен, утопичен и лишен определеннаго направленія. Он вдохновлялся самыми разнообразными доктринами, слѣдовал за Бабефом, Сэн-Симоном, Бланки, Прудоном. Но он был, по крайней мѣрѣ, живым и человѣчным, глубоко проникнутым сознанием той цѣнности, которую представляют человѣческая воля и человѣческая инициатива. Его защитники не ждали раскрѣпощенія поработеннаго народа от экономической системы, а от собственных дѣйствій». Но появленіе марксизма

¹⁾ «Новый Град», № 11.

вызвало регресс революціоннаго духа и в политическом, и в идеологическом планѣ.

По мнѣнію авторов, «марксизация социализма» (как они называют этот процесс) привела не только к постепенному вытѣриванію революціоннаго пафоса, но и к все увеличивающейся угрозѣ этатизма, огосударствленія. Въмѣсто прудоновскаго лозунга «мастерская должна замѣнить государство», марксизм выдвинул другой лозунг: захват власти, легальными или нелегальными путями. Рядом с революціонными методами, он предлагает сложную «выжидательную» тактику, вродѣ «использованія» парламентскаго строя и «давленія» на него. И все это должно привести не к глубоким и смѣлым реформам, а к постепенному затверденію государственнаго аппарата под видом націонализаци и плановости.

От «марксизации» страдает и правительство Народнаго Фронта.

«Ордр Нуво» с открытой симпатіей и уваженіем относится к личности Блюма, котораго считает искренним, безкорыстным и преданным своей идеѣ политическим дѣятелем. Его моральный и общественный облик несомнѣнно выше и благороднее, чѣм облик его предшественников. Но по мнѣнію этой группы преобразования Блюма не могут разрѣшить нарастающей экономической и социальной проблемы.

В октябрьской книжкѣ 1936 г. «Ордр Нуво», всецѣло посвященной опыту Блюма, высказывается парадоксальная мысль, что Блюм блестяще реализовал нереальную программу, и что ему каким-то образом «удалось» поражение, которое он потерпѣл («il a réussi un échec...»), в том смыслѣ, что он сохранил равновѣсіе сил. Но его мѣропріятія суть лишь временное средство, палліатив, который оттягивает конфликт. Блюм, этот «честный гражданин» и «убѣжденный диктринер», не сумѣл справиться с конкретной дѣйствительностью. Он в концѣ концов укрѣпляет позиціи капитализма, предлагая полу-мѣры рабочим, требованія которых давно вышли из рамок капитализма.

По существу, «Ордр Нуво» считает, что Блюм сдѣлал слишком мало, оперировал слишком робко, и что «онъ» его вовсе и не был опытом... Это отнюдь не означает, что дѣятельность его является в какой либо мѣрѣ отрицательной. Напротив, он дал возможность реализоваться самым элементарным преобразованиям, которыя давно уже введены в других странах. Во Франціи, онѣ не были до сих пор предусмотрены лишь из-за косности, упрямства и безчеловѣчности предпринимателей. Потребовалась чуть ли не революція, чтобы сдвинуть этот класс с мѣста. Несомнѣнно, введеніе оплаченных отпусков (за которые давно уже борется «Одр Нуво»²⁾), дѣлает честь кабинету Народнаго Фронта. Зато буржуазія опозорила себя тѣм, что согласилась

²⁾ См. нашу статью в «Новом Граде», № 11.

на эту мѣру только теперь, под давлением страха и из чувства собственного безсмія.

Что же касается других реформ, то «Ордр Нуво» подчеркивает, что онѣ также протекают не в революціонном порядкѣ, а в рамках капиталистическаго строя, правда глубоко расшатаннаго, но подчиняющагося специфическим экономическим законам. Эти «реформы неизбежно окажутся безрезультатными (пишет Жак Дельбон в ноябрьском номерѣ) ввиду того, что онѣ частичны и относительны». К тому же, онѣ заранѣе обречены на неудачу в рамках существующаго режима, ибо приведут к повышенію цѣн, особенно при введеніи 40-часовой недѣли (предвидится повышение на 20%).

По мнѣнію автора, единственный путь, могущій привести к разрѣшенію конфликта, это путь революціонный, который намѣчался во время июньских забастовок 1936 г. Но ни радикалы, ни социалисты, ни коммунисты, на этот путь не встанут, и не могут встать.

Каков же этот «революціонный путь» в представленіи группы «Ордр Нуво»? Робер Арон, один из наиболее отвѣтственных сотрудников журнала, указывает в октябрьской книжкѣ на то, что повышение зарплат, явившееся главной побѣдой июньских дней, на самом дѣлѣ затормозило введеніе «новаго порядка», который должен заключаться в окончательной ликвидаціи заработной системы ради участія рабочих в предпріятіи и превращенія их из «пролетаріев в пайщиков».

«Июньскія забастовки, о которых привыкли писать как о революціонных забастовках, на самом дѣлѣ не были таковыми, пишет Арон: к несчастью, преданность и вѣра активистов, которые заслуживали бы того, чтобы участвовать в настоящей революціи, были направлены по линіи немедленнаго рѣшенія вопроса, рѣшенія слишком простаго»...

Главные пункты программы «Ордр Нуво» слѣдующіе: окончательное устраненіе всякой вообще заработной платы. Всѣ сотрудники предпріятія дѣлаются его участниками, пайщиками, которым гарантирован жизненный минимум. Всѣ одинаково отвѣтственны, связаны круговой порукой. Директор предпріятія обогащается и разоряется вмѣстѣ со своими рабочими. Предпріятіе не должно финансироваться извнѣ, питаться анонимными капиталами. Необходима не только депролетаризація рабочих, превращающихся в пайщиков, но и персонализація предпріятія, раскрытвеннаго как от крупнаго капитала, так и от государства, во имя «автономнаго творчества» мастеровских.

В программѣ «Ордр Нуво», государство играет чисто функціональную роль, и эти функціи сведены к минимуму. Диктатура замѣняется свободной общиной. Критика, направленная «Ордр Нуво» против тоталитарности и этатизма, отличается исключительной вѣскостью. Тоталитарному, классовому или государственному міроощущенію, веду-

щему к имперіализму, противопоставляется общинно-федеративная идея, ведущая к здоровому патриотизму. Плановое хозяйство по существу сохраняется, но план вырабатывается не государством, а мѣстными, федерированными самоуправленіями.

За послѣднее время «Ордр Нуво» удѣляет много мѣста совѣтскому строю, или вѣрнѣе сталинизму, и дает ряд четких, критических анализов этой «псевдо-религиозной, тоталитарной системы», как характеризует совѣтскую государственность Рене Дупуи в своей статьѣ «Тоталитарныя правительства» (1-ое мая 1937 года). Автор подчеркивает глубокую, гибельную связь между колледтивизаціей и тоталитарным характером сталинской диктатуры: и самодержавная власть тирана, и экономическое насильственное равенство, одинаково претят свободѣ человѣческаго духа. Автор высказывает мысль, что Сталин сумѣл сохранить власть благодаря двум методам: он узаконил, легализировал провалы и неудачи своей политики (в этой легализаціи и состоит пресловутая сталинская «эволюція»), а конечную цѣль — осуществленіе подлиннаго коммунизма — превратил в далекий, недостижимый идеал, в объект религіознаго чувства, способнаго увлекать массы и толкать их на все новые и новые подвиги и жертвы.

Отмѣтим также в № 36 «Ордр Нуво» интересную статью Александра Марка «U.R.S.S. — Refour sans allert», в которой автор рассматривает новѣйшіе этапы сталинизма, указывая на отрицательный характер госкапитализма, независимо от его «достиженій» или «провалов». Этот отрицательный характер заключается в полном отсутствіи «иерархіи свобод», необходимой для здороваго развитія страны и государства. Если капиталистическій строй есть «эксплоатація хаотическая», сталинскій строй есть «эксплоатація централизованная».

Если мы нѣсколько подробнѣе остановились на идеологич «Ордр Нуво», то это потому, что его оцѣнка событій, представляет интересный опыт конструктивной доктрины. Эта оцѣнка не содержит в себѣ никакой враждебности к «опыту Блюма», далека от всяких реакціонных чаяній и сожалѣній. Однако, как мы видим, отношеніе этой группы к происходящим во Франціи событіям не лишено критики.

Гораздо болѣе осторожно и доброжелательно относится к опыту Блюма группа «Эспри», которая предпочитает оставаться на выжидательных позиціях и не торопится с выводами. В декабрьской книжкѣ журнала «Эспри», Рожэ Лсенгадт привѣтствует «технической реализм» Блюма, его мудрую, порой кропотливую работу. Он «п о ѣ д а е т» капиталистическій строй, который автор остроумно сравнивает с «артишоком», поѣдает его не сразу, а медленно и постепенно, «отгрывая один лист за другим»...

Опасность черезчур «идеологической», отвлеченной политики миновала. Блюм — реалист, «искусный пилот». Автор статьи отмечает характерную черту Блюма: тогда как красные и белые диктаторы орудуя при помощи громогласных речей, сенсационных жестов, Блюм оперирует при помощи обыкновенных писем: письмо Торресу, письмо в Агентство Гавас, письмо Латуру... Эта спокойная, сдержанная переписка, отмечена такими же осторожными, значительными паузами. Основания, на которых опирается престиж Блюма таким образом диаметрально противоположны тоталитарной мистикѣ. Главная сила французского премьера заключается именно в этой совокупности и простоте средств. И автор правильно подчеркивает, что эти методы суть методы французского Государственного Совета (Conseil d'Etat), самой крепкой и здоровой пружины французской администрации. Conseil d'Etat многим способствовал политической формации Блюма. Юриспруденция этого учреждения всегда поддерживала «примат сложного над простым, органического над механическим», она напоминает английское «обычное право».

*

Это тяготѣние к сложному, многогранному, органическому все больше характеризует идеологическую установку «Эспри», которая нашла свое исчерпывающее выражение в «Персоналистическом Манифестѣ». На состоявшемся в концѣ сентября 1936 года съездѣ, так называемая «плюралистическая» позиция была главным предметом докладов и прений. Представитель «Ордр Нуво», Дени де Ружемон, присутствовавший на съездѣ³⁾, особенно подчеркнул необходимость защитить культурные и духовные ценности от тоталитарного засилья. Такой же точки зрения придерживается и сотрудник «Эспри», Анри Давенсон, указавший на надвигающуюся на Францию опасность коммунистической тоталитарной культуры, с ее неизбежными спутниками, социальным заказом и грубой антирелигиозной пропагандой, преподносимой под видом «просвѣтительной» науки.

Очень интересно было наблюдать на съездѣ особую настороженность молодых интеллигентов по отношению к этой опасности, ставшей вполне реальной за послѣдний год. Дѣйствительно, при усиле-

³⁾ По цѣлому ряду вопросов между группами «Эспри» и «Ордр Нуво» происходит все больше тѣсное единение. Однако, полной смѣчки препятствует доктринальность позиций «Ордр Нуво», требующая «твердой» постановки вопросов, тогда как сотрудники «Эспри» особенно настаивают на необходимости сохранить идеологическую гибкость, не дѣлать окончательнаго выбора, руководясь реальным мироощущением, а не заранее выработанной конструкцией.

нии коммунистической партии во Франціи, красные работники культуры уже проявили немалую дѣятельность в Парижѣ.

Делегаты съезда признали, что коммунисты, может-быть, и правы в том, что поставили во Франціи вопрос об обновленіи культурной жизни страны. Культура во Франціи сдѣлалась мертвой и условной; даже тогда, когда она проявляет живую дѣятельность, она обыкновенно исчерпывается литературными исканіями. «Во Франціи, — не без юмора отметил на съездѣ основатель группы «Эспри», Эммануил Мунье, — романы извѣстных писателей, выставленные в витринах книжных магазинов, выражают всю нашу культуру».

Только за послѣднее время, появился нѣкоторый интерес к путешествіям. Ни никто во Франціи не подумал бы включить в «культуру» астрономію, этнологію, географію, как это дѣлается, например, в славянских, германских (до Гитлера) и скандинавских странах. Коммунисты, учредив в Парижѣ «Дом Культуры», правильно почувствовали необходимость вновь создать научный универсализм и не довольствоваться одной литературой. Но ошибка их в том, что вмѣсто настоящей, живой человеческой культуры, они предлагают народу нечто искусственное, фальсифицированное. Под видом «просвѣтительства» они распространяют во Франціи переводы текстов, печатаемых в Москвѣ; и по ироніи судьбы, эти тексты в большинствѣ случаев не что иное, как плохія компіляции трудов западных материалистов XIX вѣка. Наука с тѣх пор так далеко ушла, человек стоит перед такими необъятными и волнующими проблемами психологіи, биологіи и космогоніи, научные методы настолько видоизмѣнились, — что смѣшно предлагать тоталитарныя формулы и рецепты, изготовляемые в Политбюро.

Но недостаточно отвергнуть эти формулы и на этом «успокоиться». Необходимо восстановить подлинные культурныя ценности в их «цвѣтущей сложности». Нужно, кроме того, очеловѣчить эту культуру, сдѣлать ее подлинной, живой, персоналистической, раскрепостить ее от мертвящаго детерминизма.

Вмѣсто сухой, отвлеченной этнологіи и географіи, нужно вернуться к наукѣ о человекѣ (géographie humaine), вмѣсто того, чтобы слѣпо вѣрить доктринамъ физиократов или непреложной, схоластической марксистской экономикѣ, необходимо пересмотрѣть так называемые «экономическіе законы». Ибо законы эти имѣют не абсолютное, а вполне относительное, преходящее значеніе.

Примат человеческой воли, человеческого духа над экономикой, твердое намѣреніе покончить с эксплуатацией человека человеком, в то же время избѣгая засилья тоталитарнаго хозяйства, такова новая база, на которой должна быть построена жизнь новаго человека.

В докладах и преніях, состоявшихся на съездѣ, а также на страницах журнала «Эспри», этим вопросам, связаннымъ с персоналистической и плюралистической концепціей, было удѣлено гораздо

больше мѣста, чѣм конкретным видоизмѣненіям французскаго хозяйства и социальнаго строя. Исключительный интерес представляют в этом смыслѣ мартовская и апрѣльская книжки 1937 года, посвященные «синдикальному плюрализму» и анализу анархических теченій в рабочих массах, а также анархической доктринѣ в своем цѣлом с точки зрѣнія персоналистическаго мироощущенія. В своей статьѣ Эммануэль Мунье излагает основные дефекты анархизма: — его «надрыз», его крайній индивидуализм, оторванный от идеи общности, его материализм; — в то же время он раскрывает его положительные цѣнности: утверженіе человѣческой личности, противопоставленной этатизму. Миссія персонализма — интегрировать и переработать эти цѣнности, «переключить» их в духовный план.

Но, оставаясь намѣренно в сторонѣ от «злободневности», не желая насильно укладывать дѣйствительность в идеологическія рамки, группа «Эспри» не отворачивается от этой дѣйствительности, чутко к ней прислушивается. Оставаясь духовно вполне свободной, она не прикидывает ничьих программ, в то же время объединяя самых разнообразных людей — католиков и протестантов, вѣрующих и невѣрующих, французов и иностранцев, писателей, идеологов, педагогов, экономистов, техников. Она сумѣла сохранить в своем отношеніи к современности большую безпристрастность и доброжелательность, заботясь о том, чтобы «Христос в душѣ каждаго христианина не был робким, исключительным и враждебным», как пишет в своей замѣчательной книгѣ («Католики, политика и дѣтские») молодой писатель Симон, близкій по духу «Эспри»⁴).

Благодаря этой чуткости, настороженности, благодаря этим не исключительным, не враждебным позиціям, группа «Эспри» получила возможность подойти к современности с подлинным и глубоким пониманіем. На страницах ее журнала впервые появились столь значительныя письма Виктора Сержа, которыя задолго до покаянія Жида, заставили французскую интеллигенцію отрицательно отнестись к сталинизму и разобраться в соблазнѣ совѣтскаго «демократическаго» строя. На страницах же «Эспри» появился ряд интереснѣйших писем об Испаніи, в которых этот жгучій, трагическій, столь мучительный для христіанской совѣсти вопрос, разсматривается в духѣ не только правосудія, но и милосердія, гдѣ смѣло и до конца высказываются люди весьма противоположных мнѣній, категорически отрицающих, однако, самый принцип «священной войны» и «крестоваго похода» против красных, и требующих духовнаго преодоленія коммунизма и анархизма.

4) Pierre-Henri Simon: «Les Catholiques, la Politique et l'Argent» (collection «Esprit», éd. Montaigne).

В духовной многогранности и свободѣ и заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга этой молодой группы. вмѣсто того, чтобы строить системы и навязывать планы, она устанавливает живую связь между живыми людьми.

Прежде чѣм закончить этот обзор, нам бы хотѣлось сказать нѣсколько слов о «Социальном Фронтѣ» А. Бержери. Хотя эта организация носит гораздо болѣе активный, политическій характер, чѣм «Эспри» или «Ордр Нуво», она как-то духовно связана с ними; Жорж Изар, один из главных сотрудников «Ла Флеш» (органа «Социальнаго Фронта»), нѣкоторое время принадлежал к группѣ «Эспри», а затѣм к создавшейся при ней группѣ «Третья Сила»⁵).

«Социальный Фронт» образует, так сказать, «внутри-партийную» оппозицію «Народнаго Фронта». Признавая цѣлесообразность реформ, проведенных кабинетом Блюма, он так же, как и «Ордр Нуво», считает их недостаточными, слишком мягкими и относительными. На состоявшемся в ноябрѣ 1936 г. конгрессѣ, члены этого движенія, принадлежащіе в своем большинствѣ к молодому поколѣнію, уточнили и развили два главных пункта своей программы: борьба против засилья трестов, которые представляют нѣкотораго рода паразитарную опухоль на живом тѣлѣ Франціи; борьба против агентств прессы, которыя оказывают зловерное давленіе на политическую и экономическую информацию.

Интересна мысль, высказанная делегатами конгресса по поводу избранной ими политической платформы. Во Франціи, так же как и во всем мірѣ, образовались двѣ враждебныя друг другу идеологическія коалиціи: анти-фашизма и анти-коммунизм, которыя неизбежно ведут к гражданской войнѣ. «Мы не хотим быть только «анти», мы хотим творческой, конструктивной политики... Пусть честный и умный человек, который стоит во главѣ французскаго правительства, появится на трибунѣ, развернет программу, соответствующую масштабу событій и, не входя в переговоры ни с кѣм, не обращая вниманія ни на какія угрозы и мнєвированія, потребует довѣрія парламента и страны... Сегодня никто ему не откажет в этом довѣрїи, опасаясь народнаго гнѣва, и тогда можно будет сказать, что новый человек родился от человека... Завтра будет, может-быть, слишком поздно... Нужно, наконец, построить режим, гдѣ «да здравствует Франція» не будет означать «да здравствуют банки» или «да здравствует Москва»...

5) Эта группа, которая стремилась к большей активности, распалась послѣ непродолжительнаго существованія, но ее участники вступили в активную политическую или общественную жизнь страны. Группа «Эспри» считает такое отдѣленіе совершенно нормальным и необходимым.

Раскрѣпощеніе французской политики от вліянія Коминтерна, как и от страха перед фашистскими странами, стоит во главѣ программы «Соціального Фронта». Движеніе это производит впечатлѣніе большой свѣжести и честности; передовицы опытнаго политическаго дѣятеля Бержери придают его органу «Ла Флеш» настоящій удѣльный вес и серьезность. Критика сталинизма ведется в очень вѣрных, трезвых и энергичных тонах. Ряд статей о Россіи принадлежит перу Виктора Сержа. Коммунистическая тактика во Франціи уже нѣсколько раз излагалась на страницах «Ла Флеш» Жоржем Изар, который недавно выпустил по этому вопросу интереснѣйшую книгу у Грассе. Наконец, вопреки многим западным идеологам, сотрудники «Ла Флеш» не усматривают в троцкизмѣ «подлиннаго» хранителя революціоннаго наслѣдія, и посвятили в одном из своих номеров весьма прозорливую и вѣскую статью по поводу книги Троцкого «Révolution trahie».

Мы уже писали в «Новой Россіи»⁶⁾ о том, что Московскій процесс августа 1936 г. с его пародіей суда, с его кровавой ликвидацией сподвижников Ленина, оттолкнул лѣво-настроенную молодую Францію от сталинскаго режима, открыв ей глаза на подлинную сущность совѣтскаго гуманизма. Это впечатлѣніе только углубилось послѣ второго процесса. Можно вообще сказать, что, начиная с открытых писем Виктора Сержа и кончая столь знаменательной книжкой Жиды, эта молодежь пережила острое разочарованіе в области революціонных достижений С.С.С.Р. Она ощутила глубокую необходимость окончательно отмежеваться от всяческих доктрин, не ставящих в центр своей идеологии абсолютную цѣнность и достоинство человѣческой личности, которая не подвергается никаким тоталитарным экспериментам. Болѣе того, молодой французскій идеологическій фронт научился отличать творческій дух Россіи от пытающейся скрыть его коммунистической личности.

«Если в Россіи есть нѣчто вѣчное (пишет по поводу книги Жиды сотрудник «Эспри», Брис Паррэн)⁷⁾, то это ее интеллектуальная сила и ее гуманность. Эти силы воскреснут на полѣ битвы, на котором они погибли. Андрѣ Жид не захотѣл превратить свою книгу в обличительный акт. Всѣ тѣ, которые любят Россію, будут ему за это благодарны. Нельзя отчаиваться в Россіи. Тот, кто приблизился к Россіи, потерял право в ней отчаиваться; он подлинно вѣрит в цѣнность ее призванія. Россія исполнена мудрости, ибо она не боится жизни. Но не совѣтскій режим создал невинность и свѣжесть нынѣшней мо-

6) № 14.

7) Декабрь.

лодежи. Россія осталась сама собой посреди жесточайших испытаній, именно потому, что это суть ее испытанія. Россія продолжает искать, как искала во времена своих первых святых, какого поведенія должен придерживаться человек для того, чтобы в первую очередь не приносить никому зла.

Нам думается, что приведенныя выше строки должны глубоко обрадовать читателей «Новаго Града». Онѣ не только проникнуты горячей любовью к Россіи; онѣ созвучны пореволюціонному сознанію; онѣ намѣчают пути сотрудничества и взаимнаго пониманія между молодым французским идейным фронтом и русской творческой, созрѣвшей в «жесточайших испытаніях» молодежью.

Елена Извольская.

Опыт Ван-Зеланда

Можно ли в настоящем случаѣ говорить об опытѣ? Я не думаю. Дѣло общественнаго спасенія, вродѣ того, которое было предпринято правительством Ван-Зеланда, не может быть названо опытом в научном смыслѣ слова. Конечно, на бумагах или в головѣ инициаторов, существовал предварительный план дѣйствій. Но этот план мог заключать в себѣ лишь «ударныя точки», лишь самыя непосредственныя цѣли, вытекающія из обстановки, которая досталась по наслѣдству от других правительств, менѣе смѣлых, но столь же озабоченных народным благом.

Прежде чѣм итти дальше, мнѣ кажется полезным разсѣять нѣкоторыя недоразумѣнія, разрушить нѣкоторыя легенды, которыя пошли в ход с 1935 года. Многие хотѣли видѣть в девальвации основной стержень реформы Ван-Зеланда. Но девальвация была лишь одним из начальных условий, вытекавшим из обстоятельств, а не из убѣжденій членов правительственной группы. Девальвация позволила подойти к поставленным проблемам с болѣе благоприятной позиціи, облегчив прямое воздѣйствіе на уровень цѣн. Она ускорила оздоровленіе предприятий. Необходимость девальвации явилась в тот самый день, когда Англія отказалась от золотой единицы, так как міровыя цѣны регулируются англійским фунтом. Зависимость Бельгіи в ея экспортѣ от англійскаго рынка, который регулирует большую часть международнаго обмѣна, не позволяла ей имѣть уровень цѣн выше британскаго. Стабилизация 1926 года была проведена по отношенію к фунту: в фунте производили свои расчеты экспортеры, номинально считая на бельги. Фунты составляли большую часть золотой валюты в кассѣ Национальнаго Банка. Лондон играл роль базы для всей системы золотого обмѣна, и эта база не устояла под тяжестью хронической без-

работицы и кризиса. С новой монетой, свободной по отношению к золоту, но слѣдующей за колебаніями индексов внутренних цѣн, Великобританія могла оправиться и спокойно заняться возстановленіем своих государственных и частных финансов.

Бельгійскія правительства с 1932 по 1934 год уже отдавали себѣ отчет в затрудненіях, в которых запуталось бельгійское хозяйство. Они выбрали путь дефляціи, болѣе долгій, менѣе дѣйственный, ибо он предполагает единодушную рѣшимость сообразоваться с политикой ограниченій, при всеобщем и одновременном пониженіи расходов. Правительство должно было подать примѣр сокращеній, но оно не смогло этого сдѣлать, поставленное перед необходимостью расходов по безработицѣ; трудно было прикоснуться и к жалованію государственных чиновников. При малѣйшем намекѣ на сокращенія, всѣ служащіе протестовали, пуская в ход свое вліяніе на выборах.

В промышленности пропорционально увеличивались ея твердыя издержки, между тѣм как продажныя цѣны уменьшались, каналы сбыта суживались, а розничныя цѣны слѣдовали с большим опозданіем за всеобщей тенденціей к пониженію.

Задолженность вступила в болѣзненную фазу иммобилизаціи. Она характеризуется тѣм, что должник оказывается в состояніи невозможности производить уплату, а кредитор, т.-е. банкир, не имѣет ни средств, ни желанія дать новые ресурсы для увеличенія денежной наличности предприятий. Самые заклады перестали выполнять свою предохранительную роль, ввиду пониженія цѣн на сырье и движимыя цѣнности и ввиду остановки заводов, которые были уже неспособны реализовать свою цѣнность.

Балансы не могли отражать эту картину всеобщаго хаоса, ибо это значило бы сознаваться в катастрофических убытках. Упрямое проведеніе политики дефляціи могло только ухудшить создавшееся положеніе.

Все это имѣет цѣлью показать, как стояла денежная проблема, еще ранѣе того, как был поднят вопрос о правительствѣ національнаго единенія, на которое выпала неблагоприятная задача девальваціи. Неблагодарная, потому что общественное мнѣніе раздѣлилось и проявляло большую нервность. Одно то, что уже начали произносить слово «девальвація», стали печатать его в нѣкоторых газетах, было опасным симптомом. Ибо монета, подобно женѣ Цезаря, не выносит подозрѣній. Покупатель бросает ту лавку, гдѣ, как ему кажется, его обвѣшивают. Подобно этому и держатель монеты беспокоится, как только слышит разговоры о возможных измѣненіях в орудіи обмѣна. Если с 1930 по 1934 год стремленіе к тезауризаціи овладѣло широкими слоями населенія, стремленіе бывшее результатом кризиса, но отягощавшее его с каждым днем, то с третьяго триместра 1934 года, начинают думать о надежных цѣнностях, о товарах, о фондах, о драгоценных камнях, о золотѣ, особенно о золотѣ, которому приписы-

вают «величайшія охранительныя возможности». Зданіе монетнаго равновѣсія оказывается в опасности при малѣйшей трещинѣ. Когда с правительственнаго балкона в толпу бросаются успокоительныя завленія, народ думает по пословицѣ: «нѣтъ дыма без огня».

Ставя — *post factum* — діагноз положенія, легко бросали громкое слово «психоз». Проще было бы констатировать состояніе растущаго недовѣрія, растущаго потому, что в нем боролась официальная пресса, потому что не было никакой опасности в обезпеченіи себя против паденія національной валюты и был всегда риск при воздержаніи от подобных дѣйствій.

Но если монетная система оказывается под угрозой, то, как неизбежное послѣдствіе, под угрозой оказывается и банковская система, выпускающая другой вид монеты, которая циркулирует в видѣ чеков и переноса со счета на счет. Достаточно прослѣдить мѣсяц за мѣсяцем движеніе вкладов и выемок из Сберегательной Кассы, учрежденія официального, чтобы отдать себѣ отчет в том, как широко было это движеніе.

Волна выемок совпадала к тому же с крайне тяжелым моментом для частных банков, которые не имѣли возможности возстановить свою наличность, оказывая давленіе на своих должников, лишенных в свою очередь свободных средств. Правительство, во главѣ котораго стоял граф Броквиль, с августа 1934 года приняло извѣстныя мѣры для содѣйствія мобилизаціи банковских кредитов, заставляя чрез Национальныя Общества Индустриальнаго Кредита принимать вклады на текущіе счета, которые получили характер долгосрочных обязательств. Но эта мѣра, которая облегчила издержки промышленности и оздоровила балансы банков, было не в состояніи вернуть эластичность денежному рынку, с котораго бѣжали новые капиталы. Сперва нужно было возстановить довѣріе.

Прибавим к этому вліяніе спекуляціи на пониженіе бельгійскаго франка. С тѣх пор как Великобританія отказалась от золотой единицы и встрѣтила подражаніе в большинствѣ государств, тѣ валюты, которыя сохраняли видимость наибольшей солидности, оказались наименѣе защищенными от атак спекуляціи. Образованіе золотого блока, окруженное таким шумом, было ошибкой, ибо оно показывало, что государства должны были защищать себя. По очереди французскій франк, флорин, швейцарскій франк и бельга подвергались нападению и возстановляли равновѣсіе лишь откупаясь золотом, т.-е. всякій раз ослабляя себя.

В момент, когда король обратился к Ван-Зеланду с порученіем образовать правительство національнаго объединенія, бельгійскій франк был уже потенциально обезцѣнен. Послѣдней мѣрой, принятой предыдущим правительством, было установленіе контроля над размѣном. Итак, приходилось пройти под кавдинским ярмом. Нужно было найти для бельгійской монеты линію отступленія. Коэффициент в 28 про-

центом, выбранный правительством при девальвации, не был, разумѣется, произвольным процентом, установленным для пробы. В своем докладе по поводу специальных полномочий правительство объяснило, каким образом оно пришло к исчислению этого процента:

«Нужно было выбрать такой процент девальвации, который позволял бы приспособить уровень бельгийских цѣн себѣстоимости к международным. Нужно было тщательно взвѣсить важность расхождения между издержками производства в Бельгии и за границей и избѣжать того, чтобы слишком слабый процент девальвации не сохранил в дѣйствии сил, влиявших во время дефляции, или чтобы слишком высокий процент девальвации не заставил бельгийскія цѣны подняться на уровень мировых путем чрезмѣрнаго и вреднаго всеобщаго повышения. Разумный процент должен был бы привести к восстановленію равновѣсія между различными категоріями цѣн, устранить надобность в дополнительной дефляции, которая оказалась бы неосуществимой, привести к быстрому повышенію оптовых цѣн и к медленному и очень умѣренному возрастанію розничных. Расчеты, основанные на измѣненіи стоимости жизни, заработной платы и оптовых цѣн в Англии и Бельгии позволили заключить, что девальвация в 28 процентов дала бы бельгийскому хозяйству возможность найти свое равновѣсіе. Результаты, достигнутые во всѣх областях, доказали на опыте справедливость этого расчета».

Когда монетная проблема получила свое разрѣшеніе в этой драстической формѣ, задача правительства Ван-Зеланда продолжала оставаться чрезвычайно сложной. На него возлагались два ряда реформ: одни — неотложныя и временнаго характера, другія — постоянныя и требующія болѣе углубленнаго изученія. Мы будем называть первыя, пользуясь современным словоупотребленіем, реформами конъюнктурными, вторыя — структурными.

Ударными пунктами были три слѣдующих: кредит, цѣны и безработица. Что касается банков, источников кредита, то правительство Ван-Зеланда могло продолжать дѣло, начатое двумя предыдущими кабинетами. Оно закончило раздѣленіе между банками дѣловыми и банками депозитными, дав послѣдним статут, может-быть, слишком ученый, но, в общем, работающій удовлетворительно.

Но его поле дѣятельности распространилось и на другія формы кредита, особенно на ипотеки и на учрежденія, практикующія выдачу ссуд на долгіе и средніе сроки; чтобы облегчить мобилизацію капиталов, не захваченных банками, был создан Институт Переучета и Гарантій. Кредит ремесленникам и средним классам, как говорят не совсем точно, был обеспечен самыми широкими и дѣйственными средствами.

Что касается цѣн, то правительство должно было особенно бороться с повышеніем розничных цѣн, чтобы не увеличивать расходов

индустриі, вызываемых необходимостью приспособленія заработной платы к слишком быстрому повышенію цѣн.

Оно имѣло успѣх на этом участкѣ фронта, гдѣ противники девальвации предсказывали ему поражение. Ножицы между розничными и оптовыми цѣнами могли быть сужены, и многія предпріятія могли восстановить свою норму прибыли. С марта 1935 года по октябрь 1936 года розничныя цѣны повысились на 12%, между тѣм как оптовыя отмѣтили прирост приблизительно на 30% в теченіе того же времени.

Эта политика цѣн могла быть проведена благодаря пониженію финансоваго бремени (учетный процент Национальнаго Банка — который является опредѣляющим — был сведен к 2%) благодаря пониженію нѣкоторых налогов, уменьшенію таможенных пошлин и отмѣнѣ нѣкоторых контингентов.

Увеличеніе себѣстоимости вслѣдствіе повышенія заработной платы болѣе чѣм компенсировалось уменьшеніем этих расходов.

Общая масса заработной платы возросла, создавая новыя покупательныя силы. Это увеличеніе могло произойти благодаря возвращенію на производство безработных и серьезным увеличеніем платы со стороны предпринимателей, пропорціонально колеблющемуся индексу розничных цѣн. Правительство высчитало, что общая покупательная способность рабочаго класса возросла на 10% с октября 1935 по март 1936 года. С тѣх пор это движеніе продолжалось. В августѣ мѣсяц трехмѣсячный индекс заработной платы стоял на 102 (уровень 1933 года = 100) вмѣсто 92 в октябрь 1935 года.

Безработица представляла очень болѣзненную рану. С 1932 года она не переставала возрастать. Проблема оставалась неразрѣшимой. Правительство Ван-Зеланда с особым вниманіем взялось за нее со времени прихода к власти, предприняв цѣлый ряд мѣр, результат которых был весьма обнадеживающим. Ван-Зеланд расширил общественныя работы и на этот предмет ассигновал большую часть излишка, образовавшагося при переоцѣнкѣ золотой наличности Национальнаго Банка; он создал Бюро Экономическаго Оздоровленія, главная задача котораго состоит в изысканіи и контролѣ субсидируемых работ, предназначенных для поглощенія безработицы. Он повысил школьный возраст и содѣйствовал образованію центров добровольнаго труда для безработных; он организовал государственныя и безплатныя бюро труда для рабочих и учредил Государственное Вѣдомство по Присканію Труда и Безработицы, которое взяло в свои руки управленіе всѣм рынком труда.

По отношенію к максимуму, достигнутому в январѣ 1935 года безработица в Бельгии понизилась в слѣдующей пропорціи:

	Полная безработица	Частичная безработица
Январь 1935 г.	223.300	158.406
Октябрь 1936 г.	101.524	92.147
Уменьшение ...	121.776	66.259

Оздоровление государственных финансов, помимо сокращения обычных расходов, вызвало необходимость конверсии большей части государственного долга. По тому, как была проведена эта операция, ее можно назвать научным экспериментом, и если она дала повод к некоторым протестам, то владельцы бумаг должны теперь сознаться, что они ничего не потеряли. Рынок ренты был реорганизован и, не имея возможности проводить политику «открытого рынка», подобно Великобритании, правительство придало больше регулярности и удобства рынку государственных фондов, учредивши Фонд для Урегулирования Рент, обеспеченный миллиардом, который был взят из излишка, получившагося благодаря переучету золотой наличности. Несколько раз Фонд должен был вмешиваться, чтобы смягчить тенденцию к повышению, которой были охвачены государственные займы.

Бюджет на 1937 год мог быть спроектирован без дефицита (10.736 миллионов франков доходов и 10.565 миллионов расходов), а бюджет 1936 года закончился, вероятно, с превышением доходов над расходами, судя по месячным поступлениям казначейства, поступлениям, превышающим предполагаемые нормы.

Реформы, которые в собственном смысле заслуживают название структурных, вступают ныне в период своей реализации. Программа уточняется. Вернувшись к своей нормальной работе, не пользуясь больше особыми полномочиями, правительство может спокойно смотреть на будущее. Если бы события по ту сторону границ не отнимали по временам часть его внимания, волнуя в то же время общественное мнение, оно могло бы всецело посвятить себя той задаче, которую так смело перед собой поставило.

Опыт Ван-Зеланда только начинается, ибо его задача не в том, чтобы жить, довольствуясь благоприобретенным, но основать на твердом фундаменте новый общественный строй.

Рауль Рей-Альварес.

Теория социального кредита

Общепризнанно, что мировой кризис порожден противоречием между производством и потреблением. Его основа в том, что промышленность лишена возможности сбывать значительную часть производимых ею товаров. Предвоенная конъюнктура приносит лишь искусственное и временное облегчение болезни, переживаемой современным индустриальным капитализмом. Техническое совершенствование промышленности, его темп и развертывание были бы по существу явлением положительным, если бы неизбежно не порождали «технологической» безработицы, как результат вытеснения человека из производства. Промышленность Соединенных Штатов производит сейчас количество энергии в пятьдесят раз большее, чем энергия всех живущих на земном шаре людей. На бутылочном заводе рабочий вырабатывает теперь столько бутылок, сколько еще недавно могли выработать сорок человек. Согласно официальной американской статистике производственный индекс (производство 1926 года = 100) поднялся с 35 в начале 1933 года до 97 в конце 1935 года, а безработица за это же время уменьшилась лишь на 35%. Но ведь рабочий в промышленных странах не только производитель товаров — он является их потребителем и, таким образом, технической прогресс неукошнительно углубляет диспропорцию между производством и потреблением, породившую кризис. Из года в год проблема повышения покупательной способности все обостряется, требуя коренного разрешения.

Существует ряд старых классических рецептов борьбы с кризисами, рецептов, рекомендуемых и в наши дни теоретиками политической экономии: понижение цен при помощи усиленного выпуска товаров; создание косвенных вывозных премий обезценением собственной денежной единицы; понижение себестоимости при помощи сжатия заработной платы; воздействие государства в сторону уменьшения задолженности промышленных предприятий; удешевление кредита; пренебрежение амортизационными моментами в пораженных кризисом предприятиях и проч. Все эти меры часто невыполнимы по причинам политического или психологического характера. Частично проведенные в жизнь они оказывались недействительными или обоюдоострыми, порождая различные осложнения. Попытки радикальными мерами поднять покупательную способность населения, естественно, вызвали появление самых разнообразных планов и построений. Наиболее инте-

ресной и влиятельной в данный момент является так называемая «теория социального кредита» майора Дугласа.

Английский социал-реформатор рассматривает все народное хозяйство как некую акционерную компанию, большинство акций которой распределено между богатыми гражданами. Но и пролетарий является акционером и следовательно должен требовать выплаты причитающегося ему дивиденда. Дивиденд подвержен резким колебаниям в связи с описанной выше диспропорцией между производством и потреблением. Уплата «дивиденда» происходит на рынке, куда гражданин — акционер народного хозяйства — приходит за покупками. Для обоснования своей теории Дуглас широко использует учение Кейнса о создании банками покупательной способности «из ничего». По мнению Дугласа частные кредитные учреждения произвольно аккумулируют покупательную способность, превращают ее в копейном счете в неиспользуемую прибыль. Дуглас рекомендует косвенно национализировать эту функцию частных банков, подчинив ее регулирующему учреждению. При помощи этого учреждения государство ежегодно будет определять предель образования покупательной способности и аккумулированную покупательную силу использовать для непосредственного финансирования потребления. Таким образом, нынешние частные кредитные учреждения, сохранив формальное право распоряжения капиталом, фактически превратятся в государственную машину для распределения народного дохода.

Для понимания того, что разумел Дуглас под «предельной покупательной способностью», следует ознакомиться с его учением о стоимости. По Дугласу только затраты на персонал при изготовлении товара (заработная плата, жалованье, дивиденд) являются определяющими для потребителя при использовании им своей покупательной способности; что же касается остальных составных частей себестоимости приобретаемого товара, то они оказывают отрицательное, уменьшающее воздействие на распределенную покупательную способность: все эти элементы себестоимости издержаны не в данный хозяйственный период, а относятся к прошлому. Этим-то, по мнению Дугласа, и объясняется неизбежное несоответствие между совокупностью цены и суммой покупательных возможностей: народное хозяйство в каждый данный момент не может купить то, что производит. Отсюда и возникла необходимость для банков финансировать предприятия в размере затрат на материалы.

Английский религиозный философ В. Демант, пытающийся обосновать этически теорию Дугласа, рекомендует государству финансировать затраты на материалы, амортизацию и проч., так, чтобы цена товара не содержала элементов, которые в каждый данный момент не могли бы быть оплачены потребителем. Дуглас, хотя и болше сдержанно, но вполне разделяет эту точку зрения, утверждая, что государство при регулировании покупательной способности населения дол-

жно приять на себя оплату тех элементов себестоимости, которые соответствуют затратам на материалы. Тогда потребитель будет оплачивать на рынке только часть подлинной рыночной цены; остаток же покроют кредитные учреждения, что и устранит противоречие между возможностью сбыта и покупательной способностью. Та часть стоимости товара, которую оплачивает потребитель и есть «справедливая цена». Разница между ней и обычной рыночной ценой определяется для каждого хозяйственного периода высотой народного дохода. Самым существенным моментом в теории Дугласа является метод определения «справедливой цены». Каким образом будет нормирована эта цена? На метод ее определения зиждется вся система Дугласа, ибо здесь скрещиваются: допустимый предел творимой банками покупательной способности, сумма затрат народного хозяйства на материалы и высота выплачиваемого национального дивиденда. Теория социального кредита требует, чтобы для каждого хозяйственного периода научно решалось центральным статистическим учреждением весьма сложное уравнение. В этом уравнении рыночная цена, т.е. конечная себестоимость у розничного торговца, включая нормальную прибыль, деленная на указанную выше «справедливую цену» — должна равняться — стоимости всех производимых или находящихся в конечной стадии производства товаров плюс стоимость всех ввозимых товаров, деленных на стоимость всех проданных товаров плюс стоимость товаров вывозимых. Таким образом из уравнения следует, что, если продукция (или реальная способность производить) в четыре раза больше «потребления» — покупатель платит за товар четверть цены. Обогащение, которое приносит технический прогресс, реализуется, таким образом, в своеобразную народную ренту, распределяемую между всеми потребителями.

Не подлежит никакому сомнению, что британскому майору действительно удалось придумать оригинальную систему кредита и распределения, не лишенную соблазна в наши дни производственно-потребительской смуты. Но вся эта система построена на фундаменте столь шатком с научной точки зрения, что ее реально-политическое значение весьма сомнительно. До сих пор теоретически мыслилось, что аккумуляция покупательной способности в руках банков, обладающих правом свободного ее распределения, должна в принципе содействовать общему подъему цены, ибо «покупательной способностью» снабжались те предприниматели, которые были способны разбудить дремлющие силы хозяйства и втянуть в хозяйственный оборот припрятанные населением мертвые капиталы. Между тем, Дуглас, повидимому, искренне уверен, что банки действительно творят покупательную способность, которая, по его плану, должна лишь быть ограничена по методу приведенного выше сложного уравнения. Вместе с тем Дуглас не сомневается, что его система кредита и распределения не вызовет повышения цены: непосредственное финансирование потреб-

ления не может создать инфляционных моментов — продажа товаров ниже себестоимости настолько повысит обороты, что следствием ее может быть только понижение цен. В действительности, если система Дугласа будет последовательно проводиться в жизнь, такое предвиденье весьма мало обосновано. Ведь выплата народной ренты предусмотрена лишь для покупающих, т.е. из благодушного воздействия «справедливой цены» совершенно исключены именно те слои населения, которые совершенно лишены возможности покупать или же покупают ничтожно мало. Для безработного, получающего мизерное вознаграждение совершенно безразлично, что благодаря системе Дугласа, он заплатит за шляпу 22-25 франков вместо 30 франков, раз он вообще лишен возможности ее купить. По нашему мнению здесь кроется провал надежд преодолеть кризис данной теорией социального кризиса. Кроме того та «творимая реальная покупательная способность», которая в виде объектов для приобретения собрана на складах, может завтра легко обратиться в фиктивную «покупательную способность», если возникнет опасение, что нет возможности воспроизвести проданные товары из-за недостатка сырья или по иным причинам. Вообще не совсем понятно игнорирование Дугласом регулярности во времени воспроизводства товаров, играющей столь значительную роль в механизированной промышленности. Непонятно также, как думает он устранить социальное недовольство, раз лига социального кредита призвана обслуживать лишь покупающие слои населения. Самое распределение национального дивиденда будет меняться из года в год. Выплачиваемая населению рента, при перебоях в производствѣ или при задержках в доставкѣ сырья — резко понизится и вряд-ли массы спокойно отнесутся к такого рода колебаниям. Не приходится доказывать научную несостоятельность теории ценности Дугласа. Тем не менее было бы ошибочно полностью отрицать значение теории социального кредита: это очень интересная попытка уничтожить нищету при помощи распределения народной ренты; новый подход к проблемѣ преодоления кризиса и план использования в интересах культуры вынужденного досуга безработных. В своем же цѣлом, как нѣкій всеразрушающий социально-экономический план теории Дугласа вряд-ли может быть осуществлена.

Замѣчательно, что приход к власти сторонников учения Дугласа в Канадской провинции Альберта не привел к реализации его плана в чистом виде: в Альбертѣ населению выплачивается народная рента вѣ связи с закупками потребителя на рынокѣ. Реформу проводит популярный в Канадѣ последователь Дугласа Эбергард, но истоки его учения чисто религиозные. В «Prophetic Bible Institute», основанном Эбергардом для пропаганды нового учения, заседания открываются и закрываются общей молитвой. В кругу сторонников Эбергарда считается аксиомой утверждение, что «все зло в хозяйственной жизни коренится в существующей кредитной системѣ: частные банки суть вмѣ-

тается аксиомой утверждение, что «все зло в хозяйственной жизни коренится в существующей кредитной системе: частные банки суть вмѣстилища всяческой скверны». Фермеру провинции должна быть выплачена «справедливая цена» за его продукты. Если потребитель не в состоянии платить такую цену, банк социального кредита увеличивает его покупательную способность, выдавая ему, так называемые «бонны социального кредита». В данный момент каждый гражданин, независимо от возраста и состояния получает от государства 25 долларов в мѣсяц. Деятельность частных банков признана в принципѣ «эгоистической» и излишней, поэтому принимаются мѣры к постепенному их вытѣсненію из народнаго хозяйства. Банк социального кредита должен взять на себя конверсію старых долгов и предоставленія кредита каждому в нем нуждающемуся. Эбергард понимает, что проведение в жизнь его системы может вызвать повышение цен: торговцы постараются использовать повысившійся спрос на товары. Эбергард думает с этим бороться, введя твердые цены хотя бы на их нынешнем уровнѣ. Сверх того часть распределяемых лигой социального кредита сумм может быть покрыта из поступлений налога с оборота.

В действительности проведение в жизнь плана Эбергарда несомненно натолкнется на чрезвычайныя трудности, главным образом финансового характера. Выплата народной ренты потребует чрезвычайных расходов в размѣрѣ 180 миллионов долларов в год, между темъ все государственныя доходы провинции Альберта составляют лишь дробь от этой суммы. Закон о банках от июня 1934 года запрещает отдѣльным канадским провинціям открывать банки без разрѣшенія министра финансов центрального правительства. Таким образом, попытка банка социального кредита создавать покупательную способность в дополненіе к нормальному бюджету, наталкивается на юридическое препятствіе. Кроме того банк социального кредита должен обладать очень значительными средствами, которыя не могут быть аккумулированы в провинции Альберта. Даже если теоретически предположить, что эти мѣстныя и конкретныя препятствія устранены, то ежегодная раздача 180 миллионов долларов сдѣлает неизбежным разбуханіе фиктивной покупательной способности. Приведенныя мною критическія замѣчания в отношеніи системы Дугласа приобретают еще большее значение в оцѣнкѣ плана Эбергарда. Уже немедленно послѣ выборов Эбергард обратился к министру президенту центрального правительства за разрѣшеніем на заем. Разрѣшеніе на всю нужную ему сумму Эбергард, конечно, не получил. Пришлось ограничить 0,45 милл. долл. и отложить выдачу народной ренты на 18 мѣсяцев.

Нѣсколько отличен от распространенных проектов распределения план русского социал-политика в Парижѣ I. О. Кефели. Его система борьбы с кризисом сводится к выплатѣ народной ренты за счет завуалированнаго налога с состояній. I. О. Кефели создал своеобразный

расчетный план, при котором право состоятельных людей на получение народной ренты становится номинальным. Проведение в жизнь системы Кефели вызовет бюрократизацию и гипертрофию расчетных моментов, при наличии которых неизбежно образование фиктивной покупательной способности.

Социал-политическая программа германской национал-социалистической партии опирается на несколько иные принципы, чем указанные выше системы. В этой программе прежде всего предусмотрена выплата ренты гражданам, достигшим известного возраста или преждевременно лишившимся трудоспособности. Выдача ренты связана, таким образом, с правом на существование, а не с правом на работу. Здесь кроется созвучность этой системы с переживаемой эпохой. Нельзя не предвидеть наступления такой хозяйственной эры, когда весь производственный процесс в стране при полной рационализации и механизации, будет выполняться в порядке трудовой повинности лишь двумя возрастными группами. Пока будет достигнута эта конечная стадия, количество граждан, вытесняемых из производства, будет расти и вызовет неизбежность легализации технологической безработицы. В силу этого проблема возрастной ренты заслуживает особого внимания. Рента эта, являющаяся по существу одной из форм народной ренты, легче всего может быть реализована со стороны чисто финансовой: ее объектом являются лишь нуждающиеся граждане, которые частично уже теперь пользуются государственной поддержкой. Не менее важно, что наличие возможности обеспечить определенным возрастным группам дает возможность более широким кругам молодежи занять освобождающиеся места в производстве.

Большой заслугой Кельнского Института для социальных исследований является то внимание, которое он уделяет в своих научно-статистических работах вопросу о возрастных группах в промышленности и ремеслах. Разработка профессиональных переписей 1907 и 1925 годов показала, что послевоенная промышленность и ремесло в Германии гораздо больше использовали возрастную группу в 50-60 лет, чем подрастающее и входящее в жизнь поколение. То, что, несмотря на потери в людях во время войны, послевоенный хозяйственный период не втянул в максимальной мере в работу и более молодой и наиболее в трудовом отношении эффективный возраст в 30-40 лет — легко объяснимо: меньшее использование старшего возраста до войны вызвано было большей обеспеченностью старости. Рабочие спокойно уходили с работы, уверенные в прочности пенсий. Послевоенный период эту уверенность подорвал. На многих предприятиях пенсионные кассы фактически были сведены к фикции, инфляция и девальвация уничтожили сбережения, дети не всегда были в состоянии поддерживать оставших работу родителей. С точки зрения пресупервения народного хозяйства превалирование в различных отраслях промышленности старших возрастных групп, в то время, как молодежь

остается отрезанной от хозяйства — явление несомненно отрицательное. Введение же возрастной ренты не только даст уверенность каждому гражданину, что он может быть обеспечен на старости, но вызовет естественное, практически выполнимое и социально безопасное передвижение возрастной границы, благоприятное для молодежи.

Американский экономист П. Гензель предлагает в целях борьбы с безработицей ввести выплату народной ренты и для молодежи, не достигшей совершеннолетия. По его подсчетам, если эта молодежь будет совершенствовать свои познания за счет государства или общественных организаций вместо того, чтобы работать на фабриках, армия безработных в Америке уменьшится на 5 миллионов. Если по финансовым соображениям государство не в состоянии выплачивать народную ренту старикам, молодежи, женщинам, то во всяком случае должно быть принципиально признано со стороны государства право каждого пострадавшего от технологической безработицы на государственную помощь. Эта поддержка есть также форма видоизмененной народной ренты. Другой весьма распространенный ныне метод борьбы с безработицей путем искусственного создания работ — является проблемой не народной ренты, а скорее организационной и воспитательной. В нашу эпоху, когда ясны тенденции техники обойтись минимумом физического труда человека, как будто мало логично вытеснения из промышленности рабочего искусственно в нее внедрять. Но если учесть, что до сих пор досуг безработных не был использован в культурном отношении и что на нынешней ступени хозяйственного развития общественных работ еще в состоянии плодотворно влиять на него, следует признать за общественными работами право на существование. Но при этом ни в коем случае не следует забывать, что общественные работы являются лишь способом смягчить моральный ущерб непосредственной денежной помощи и превратить субсидируемых в получающих заработную плату. При этом общественные работы должны рассматриваться как разновидность народной ренты. Но раз общественные работы являются такого рода разновидностью, они должны быть принудительными, иначе их создание ведет лишь к безцельной растрате народных средств. В этом смысле интересен пример Бельгии. В 1933 году властям пришлось признать, что ассигнованные на проведение каналов и туннелей средства пришлось тратить на оплату польских рабочих, так как бельгийские безработные от такой работы уклонились. Следовало ли ввести в городах обязательный труд для безработных — или расселить в качестве мелких поселенцев с трудовой повинностью — это уж проблема организации и воспитания. Во всяком случае опыт показал, что общественные работы в наше время не являются панацеей от безработицы. В Брюсселе пришли к заключению, что общественные работы с применением современной техники поглощают незначительное число безработных, да и то высокой квалификации. Массы же необученных ра-

бочих оказались внѣ этой помощи. То-же наблюдалось и в Соединенных Штатах. Таким образом, общественныя работы не могут полностью замѣнить ни возрастную ренту, ни пособіе безработным. Популярность общественных работ, как средства борьбы с кризисом мотивируется тѣм, что онѣ являются не только прекрасным воспитательным средством, но призваны смягчить кризис с наименьшим риском для государства: вводя в хозяйство новые капиталы и расширяя кредиты онѣ вызывают общее оживленіе хозяйства. Мы полагаем, что никакое расширение кредита не может устранить кризис. «Динамическая предприимчивость» не может и при новом комбинированіи средств вызвать подлинное оживленіе, раз рост продукціи под знаком технического прогресса и рационализациі не приводит к значительному сокращенію безработицы и тѣм самым не повышаетъ существенным образом числа потребителей. Это подтверждаетъ примѣръ Англій.

Все изложенное подсказываетъ вывод, что, если удастся значительную часть населенія поддержать внѣ хозяйственныхъ процессов, путемъ распредѣленія статической, или динамической народной ренты проблема преодоленія нищеты и смягченія кризиса потеряетъ свою остроту. В этой области трудно разрѣшимъ вопросъ какъ будетъ финансироваться эта социальна-политическая системы. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе Ф. Магна, что стремленіе къ равновѣсію государственнаго бюджета любой цѣной, не оправдывается обстановкой. Современная финансовая политика должна сообразоваться с государственными задачами социальнаго, культурно-политическаго и общественно-реформаторскаго характера. Эту точку зрѣнія раздѣляетъ в своемъ хозяйственномъ планѣ Ллойд-Джордж. Рихард Кершлагъ считаетъ вообще современные бюджеты «бюджетами призрѣнія», создаваемыми «внѣфискальной» политикой. Если же припятъ во вниманіе, что финансовая политика должна быть также активной конъюнктурной и социальной политикой, то не слѣдуетъ считать повышение налоговъ в періодъ депрессіи причиной дальнѣйшаго уменьшенія покупательной способности и роста безработицы. Государство, повышающее палогі на имущество и повышающее одновременно покупательную способность потребителя, дѣйствуетъ в конечномъ счетѣ в интересахъ капиталистовъ. Использование предвидимыхъ доходовъ для финансирования потребленія можетъ также дать положительныя результаты. Даже инфляціонныя мѣры в ограниченныхъ размѣрахъ не должны отпугивать. Покупательная способность, попадая непосредственно в руки безработныхъ, не можетъ быть бесполезно использована: в конечномъ счетѣ она ведетъ к оживленію хозяйства. До какого предѣла можетъ государство дойти в своей внѣфискальной финансовой политикѣ зависитъ от конкретной обстановки, различной в разныхъ государствахъ. Никакихъ общихъ правилъ здѣсь быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ предложенныя здѣсь мѣры являются лишь попыткой рационализировать государственную политику социальнаго призрѣнія: вѣдь государство тратитъ значительныя средства для этихъ цѣлей, не создавая подлинной социальной и конъюнктурно-политической системы.

Бор. Ижболдин.

Цѣна 10 франц. фр

REVUE TRIMESTRIELLE

Dépositaire: YMCA-Presses
10, Boulevard Montparnasse, 10.

P A R I S